ISSN: 2542-212X

Кавказология

Caucasology

IV

2017

Кавказология

Caucasology

№ 4 / 2017

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Башиева С.К. (заместитель главного редактора),
Мусукаева А.Х. (заместитель главного редактора),
Аликаев Р.С. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Баразбиев М.И., Бозиева Н.Б., Борова А.Р., Геляева А.И., Гукепшоков М.Х., Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г., Камбачоков А.М., Каранашев А.Х., Карданов М.Л., Кетенчиев М.Б., Кимов Р.С., Кочесоков Р.Х., Кузьминов П.А., Кучукова З.А., Мамсиров Х.Б., Марченко Ю.В., Муратова Е.Г., Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С., Текуева М.А., Тенов Т.З., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г., Шидов А.Х.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Bashieva S.K. (Deputy Editor-in-Chief),
Musukaeva A.Kh. (Deputy Editor-in-Chief),
Alikaev R.S. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Barazbiev M.I., Bozieva N.B., Borova A.R., Gelyaeva A.I., Gukepshokov M.Kh., Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., Kambachokov A.M., Karanashev A.Kh., Kardanov M.L., Ketenchiev M.B., Kimov R.S., Kochesokov R.Kh., Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B., Marchenko Yu.V., Muratova E.G., Sabanchiev H.-M.A., Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z., Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Shidov A.X.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

Кудрявцев А.А.
Социальная структура городского общества раннефеодального Дербента V-VII вв. **12-27**

Курбанов А.Д.
Политическая карта Дагестана в XVII в. **28-37**

Горяев М.С., Лиджиев А.Б.
Историография деятельности Русской Православной Церкви среди инородцев (на примере калмыков) **38-48**

Венков А.В.
Участие донских казаков в Кавказской войне **49-63**

Кузьминов П.А.
Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: альтернативные формы взаимодействия **64-83**

Цибенко В.В.
Восприятие «Кавказской войны» в западной и турецкой историографии **84-94**

Журтова А.А.
Осмысление интеграции северокавказских народов в состав России в контексте национально-регионального исторического развития **95-115**

Кобахидзе Е.И.
Интегративные практики Российской империи на Центральном Кавказе в контексте политики «русификации» **116-133**

Булатов Б.Б., Исмаилова А.М.
Влияние иностранных инвестиций на экономику Южного Кавказа на рубеже XIX-XX вв. **134-144**

Текуева М.А., Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Битокова Т.В.
Повседневность экстремального: опыт выживания в условиях ссылки и депортации **145-157**

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

Гутов А.М.
Парадигмы преемственности (старший и младший типы адыгского эпоса) **158-176**

Бозиева Н.Б., Безирова Л.Х.
Художественное решение нравственно-психологических проблем в повести Л. Абазовой «Осенние слезы» **177-184**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Цуциев А.А.
Республика Северная Осетия-Алания – регион единства и стабильности **185-189**

ЗАМЕТКИ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Кучукова З.А.
Сокуровская киношкола в Кабардино-Балкарии: имена, почерк, достижения **190-195**

———

Наши авторы **196-197**

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY OF THE CAUCASUS

Kudryavtsev A.A.
The Social Structure of Early Medieval Urban Society of Derbent in V-VII Centuries **12-27**

Kurbanov A.D.
The Political Map of the XVIIth Century Daghestan **28-37**

Goryaev M.S., Lidzhiyev A.B.
Historiography of Activity of Russian Orthodox Church Among Allogeneous Peoples (by the case of Kalmyks) **38-48**

Venkov A.V.
The Participation of the Don Cossacks in the Caucasian War **49-63**

Kuz'minov P.A.
Russia and the Mountain Peoples of the North Caucasus at the End of XVIIIth – the Beginnings of XIXth Centuries: Alternative Modes of Interrelations **64-83**

Tsibenko V.V.
Perception of the «Caucasian War» in Western and Turkish Historiography **84-94**

Zhurtova A.A.
Reflections on the Integration of the North Caucasian Peoples into Russia in Perspective of the National-Regional Historical Development **95-115**

Kobakhidze E.I.
Integration Practices of the Russian Empire in the Central Caucasus in the Context of the Policy of «Russification» **116-133**

Bulatov B.B., Ismailova A.M.
Influence of Foreign Investments on Economy of South Caucasus at the Turn of the XIXth and XXth Centuries **134-144**

Tekueva M.A., Gugova M.H., Nalchikova E.A., Bitokova T.V.
Extremity as Everyday Life: The Experience of Survival in Conditions of Exile and Deportation **145-157**

LANGUAGES, FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS

Gutov A.M.
Paradigms of Continuity (senior and junior brands of Circassian epic) **158-176**

Boziyeva N.B., Bezirova L.H.
An Artistic Representation of Moral and Psychological Problems in the Story by L. Abazova «Autumn Tears» **177-184**

HISTORICAL PUBLICISM

Tsutsiev A.A.
Republic of North Ossetia-Alanya – Region of Unity and Stability **185-189**

NOTES, REPORTS, REVIEWS

Kuchukova Z.A.
Sokurov's Film Making School in Kabardin-Balkaria: Figures, Creative Styles, Achievements **190-195**

Our authors **196-197**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

УДК 904+935 (957) (470.6) DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-12-27

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ДЕРБЕНТА V-VII ВВ.

А.А. КУДРЯВЦЕВ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»
355000, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
E-mail: kaa0210@yandex.ru

Аннотация. В исторической науке весьма актуальной и дискуссионной является проблема о характере общественного строя древних и средневековых государств Кавказа, в том числе, особый интерес вызывает вопрос о социальном устройстве его раннесредневековых обществ в различных этнополитических государственных образованиях Северного Кавказа и Закавказья. Значительная скудность письменных источников по проблеме социально-экономических отношений в государствах Закавказья, не говоря уже о Северном Кавказе, способствовала широкому привлечению исследователями материалов разнообразных сведений из письменных памятников Сасанидского Ирана, с которым в развитии государства Закавказья, Восточного и Северо-Восточного Кавказа прослеживаются значительные параллели и заимствования. Особый интерес для изучения данной проблемы имеют археологические данные о социальном устройстве и структуре городского общества раннефеодального Дербента V-VII вв. н.э., выявленные автором в ходе многолетних историко-археологические исследований города (1970-1995 гг.). Дербент широко известен в исторической литературе как крупнейший сасанидский оборонительный комплекс на Ближнем и Среднем Востоке, выдающийся мировой памятник фортификации на Кавказе, возникший в знаменитом Дербентском проходе – главных «Воротах» из степей Евразии в Закавказье и на Ближний Восток. Однако широкие археологические раскопки и анализ разнообразных письменных источников, включавших и знаменитые пехлевийские надписи на его раннесредневековых стенах, показали, что в V-VII вв. Дербент являлся не только главным оплотом Сасанидов в их борьбе с кочевниками на северной границе огромной державы, но и очень значительным городом, крупным торгово-экономическим центром, с развитой социальной структурой его полиэтничного населения.

Ключевые слова: Дербент; V-VII вв. н.э.; социальная структура; городской люд; феодальное сословие; марзпан; духовенство; конфессия.

THE SOCIAL STRUCTURE OF EARLY MEDIEVAL URBAN SOCIETY OF DERBENT IN V-VII CENTURIES

A.A. KUDRYAVTSEV

Federal state Autonomous educational institution of higher professional education «North-Caucasus Federal University»
355000, Stavropol, Pushkin street, 1
E-mail: kaa0210@yandex.ru

Abstract. In modern historical science understanding of the nature of social systems of ancient and medieval states of the Caucasus is highly topical and debatable problem. It embraces as an aspect of particular interest the issue of social structure of early medieval societies in various ethno-political entities of the North Caucasus and Transcaucasia. A substantial paucity of written sources on the socio-economic relations in Transcaucasian societies, not to mention the North Caucasus, makes necessary for researchers to rely on materials of various sources from Sasanian Iran's records, due to meaningful parallels and borrowings which can be traced with it in the development of the States of Transcaucasia, Eastern and North-Eastern Caucasus. Of particular interest for the researches on this issue are archaeological data on social order and the structure of the early urban feudal society of V-VII centuries A.D. Derbent city, that were conducted by the author of this article for a long times (1970-1995). Derbent is widely known in historical literature as the largest Sasanian defensive complex in the middle East, an outstanding worldly monument of fortification in the Caucasus that emerged in the famous Derbent pass – the main gateway from the steppes of Eurasia to the Transcaucasia and the Middle East. However, an extensive archaeological excavations and analysis of a variety of written sources, which included the famous Pahlavi inscriptions on its early medieval walls, showed that in V-VII centuries. Derbent was not only the main stronghold of the Sassanids in their struggle with the nomads on the Northern border of the great power, but also a very significant city, a major trade and economic center with a developed social structure of its multiethnic population.

Key words: Derbent; V-VII centuries A.D.; social structure; urban inhabitant; feudal estate; marzpan; clergy; confession.

Письменные источники сохранили довольно немногочисленные сведения о социальной структуре Дербента раннефеодальной поры. Принимая во внимание тот факт, что, наряду с очень древним местным этническим пластом, значительную часть населения города составляли переселенцы из внутренних областей Сасанидского Ирана и воины дербентского персидского гарнизона, можно предполагать о сходных путях социального развития Дербента с другими известными городами Западного Ирана и ряда территорий Закавказья.

В связи с этим уместно упомянуть, что известный востоковед Н.В. Пигулевская в исследовании, посвященным раннефеодальным городам Ирана, справедливо отмечала, что в раннесредневековый период происходят значительные изменения социальной структуры города и его роли в социально-экономическом развитии феодализирующегося общества. Экономически города «были центрами ремесла и торговли, а также административными единицами. Политически они становились опорой укреплявшейся феодальной знати, когда попадали в зависимость от нее, особенно в более поздний период развития средневекового общества» [26, с. 267]. В раннесредневековых городах Ирана и Закавказья население имело более льготные условия, чем крестьянство [26, с. 267], и целый ряд источников указывает на особое положение первых [15; 13, с. 84-85, 101].

В феодализирующемся обществе роль города весьма значительна и определяется более глубоким разделением труда, дальнейшим отделением ремесла от сельского хозяйства, более узкой специализацией ремесленного производства и дифференциацией его отдельных отраслей.

Исторические условия, определившие появление раннесредневекового Дербента, как одного из главных военно-политических центров на Кавказе, способствовали своеобразному положению города в социально-экономической структуре общества данного региона.

Первоначально он являлся военно-стратегическим оплотом Сасанидов на Кавказе, резиденцией иранских наместников – марзпанов, хранителей границ, значительным административным центром, местопребыванием большого гарнизона. Здесь оседал определенный процент местной знати, перешедшей на службу к персам, и землевладельцев округи, искавших защиту за крепкими стенами города. Значительную часть населения города составляли переселенцы из внутренних районов Сасанидского Ирана. Наличие здесь внушительного количества солдат, чиновников, служителей культа и военных колонистов несомненно привлекало в Дербент торговцев и ремесленников, которые должны были обеспечивать, обитателей города всем необходимым. Последних привлекали хорошие барыши и постоянный сбыт продукции, сравнительно легко достигаемые в обстановке военного пограничного города с бесчисленными стычками и походами, грабежами и захватом добычи.

Однако первоначально торгово-экономическая деятельность не являлась главной причиной формирования и развития города, она носила второстепенный характер, а торговцы и ремесленники не были ядром градообразующего населения. Основой становления и роста Дербента оставались военно-политические факторы. Большую роль в превращении Дербента из чисто стратегического пункта в развитый раннесредневековый город сыграла широкая строительная деятельность Сасанидов [17, с. 179].

Огромные масштабы фортификационного строительств, проводимого иранцами в Дербенте, потребовали длительного скопления здесь большого количества рабочих самых различных профессий. Особое развитие получат специализированные виды строительных работ и камнеобрабатывающий промысел. В этот период здесь производились систематические разработки камня и появились крупные каменоломни, где добывался местный ракушечник, распиливаемый на стандартные блоки. Была налажена доставка канна в Дербент по морю, а дальше ею отправляли по специально проложенным дорогам в районы строительства. Помимо рабочих, занятых добычей, распиловкой и доставкой камня, в строительном процессе участвовали каменотесы, мастера-камнеукладчики, приготовители специального раствора необычайной прочности [17, с. 179].

Скопление в Дербенте больших людских масс, оторванных от привычной хозяйственной деятельности и нуждавшихся в самых необходимых предметах обихода, несомненно, способствовало быстрому развитию здесь ремесла и торговли, значительному увеличению числа ремесленников и торговцев.

Наряду со строительным делом в раннесредневековом городе, как уже отмечалось, получили развитие многие другие вилы ремесла, и гончары, стеклодувы, кузнецы, ткачи, пекари, рыбаки и представители других профессий наряду со строительными рабочими и торговцами составили основу городского люда [17, с. 180].

Изучение материалов Дербента VI – начала VIII в. позволяет говорить об активном формировании в раннесредневековом городе классов-сословий, составляющих социальную основу феодального общества. С одной стороны, это торгово-ремесленный городской люд, ядро которого составляли лично свободные ремесленники и торговцы, а с другой – класс-сословие, включавший в себя крупную и мелкую военно-феодальную знать, духовенство, представителей административно-чиновничьего аппарата.

Данные археологических раскопок, изучение нарративных и эпиграфических источников выявили наличие в Дербенте VI – начала VIII в. целого ряда признаков, в том числе существование развитой социально-экономической базы, сформировавшихся классов-сословий, четкой феодальной иерархии, позволяющих видеть в нем один из первых раннефеодальных городов Северного Кавказа со сложной социальной структурой городского общества.

Городские низы. Уже в самой исторической топографии раннесредневекового Дербента, в его двухчастной структуре и территориальной застройке, выявленных археологическими раскопками, определенно заключена социально-сословная характеристика городского общества этой поры, что подтверждается многочисленными разнохарактерными материалами из культурных напластований цитадели и шахристана, т.е. собственно города V – начала VIII в.

Археологические исследования позволили рассматривать раннесредневековый Дербент не только как очень важный военно-политический пункт Сасанидского Ирана на Кавказе, но и как крупный торгово-экономический центр, весь ход исторического развития которого позволяет предполагать наличие здесь весьма сложной социальной структуры местного общества.

Изучение топографии и застройки шахристана Дербента VI – начала VIII в. дает основание считать, что большую часть населения города этой поры составлял торгово-ремесленный люд, который в отличие от конца IV – V в. стал значительно преобладать над солдатами гарнизона. В этом сыграли свою главную роль в основном два фактора, решающим из которых был экономический подъем города, связанный с развитием его ремесла и торговли, а вторым – резкое уменьшение количества воинов в связи с появлением мощной каменной фортификации Дербента, перекрывшей весь проход до моря и сильно облегчившей защиту «ворот». В связи с этим арабские авторы IX-X вв. писали, что если для охраны этой местности раньше требовалось 50 тысяч воинов [11, с. 11], то после возведения каменных укреплений достаточно стало 100 человек [4; 10, с. 7; 17]. И хотя эти данные явно преувеличены и 100 человек вряд ли могли охранять город, количество солдат гарнизона в VI –VII вв., по сравнению с более ранним периодом, видимо, действительно сократилось в несколько раз.

Выявленный в ходе археологических исследований высокий уровень экономического развития Дербента, о чем свидетельствует наличие здесь всех основных видов ремесленного производства (керамического, строительного,

камнеобрабатывающего, стеклоделательного, ткацкого, металлообрабатывающего и др.), присущих крупным городам средневекового Востока, несомненно, нашел отражение и в социальной структуре местного общества.

Подобно другим раннесредневековым городам Ирана и Закавказья, здесь на первое место в количественном отношении выдвинулись ремесленники и мелкие торговцы. Как уже отмечалось, основу застройки шахристана этого времени составляют небольшие одно- или двухкамерные жилища с небогатым инвентарем, различными приспособлениями и орудиями труда ремесленников, здесь же были выявлены останки ремесленного производства. В раннесредневековом Дербенте, который начинал играть все большую роль в феодализации общества прилегающих областей Северо-Восточного Кавказа, ремесленник – свободный производитель, как и везде на средневековом Востоке [26, с. 272], становился центральной фигурой. Однако, исследования этого сословия в раннесредневековых городах Ирана и Закавказья показали, что оно занимало одну из самых низких ступеней в социальной иерархии и в зороастрийском Иране даже не имело своего священного огня [26, с. 272-273]. «Не только Авеста, но и памятник, воспевающий Арташира IV Карнамаг, знает в Иране только три сословия – жреческое, военное и земледельческое» [26, с. 272-273]. Соответственно существовало и три главных огня: огонь магов жрецов, огонь воинов, к которым причислялся и царь, огонь земледельцев. Рост числа и расцвет городов в раннесредневековом Иране, которым способствовали усилия в этом направлении почти всех сасанидских царей, развитие ремесла и торговли, увеличение количества ремесленников и их возросшая роль в феодализирующемся обществе, способствовали выделению особого «городского сословия», которое характеризовалось как «прислуживающее» или «услуживающее» [26, с. 276].

Подобная социальная стратификация, надо полагать, была присуща и дербентскому раннесредневековому обществу. Естественно, что это «четвертое сословие» не было однородно, и дальнейшее углубление процессов феодализации общества вело к его расслоению, к дальнейшей имущественной дифференциации. Имущественное расслоение внутри этого сословия, видимо, дополнялось неравным положением отдельных этнических групп городского населения, слагавшегося, несмотря на значительную пестроту, в основном из двух частей: местной и пришлой, переселенной сюда сасанидскими правителями из других частей государства. Данные археологических исследований и значительные материалы, полученные при раскопках шахристана, хотя пока и не во всех районах последнего, дают основания думать, что местное население составляло беднейшую или более бесправную часть городского люда. Тот факт, что местная красноангобированная керамика, типичная для досасанидского Дербента (до середины V в.) и бытовавшая в VI-VIII вв. на многих памятниках Дагестана и Северного Азербайджана, отмечена в основном лишь в нижних районах шахристана, фактически на его окраинах, позволяет предполагать определенное неравенство внутри «четвертого сословия». Возможно, что переселенцы, составляющие значительную часть

населения города, имели некоторые привилегии перед местными обитателями шахристана. Среди переселенных в Дербент жителей были ремесленники из завоеванных персами городов Востока, Византии и Закавказья. М.М. Дьяконов так писал об этническом составе населения городов Ирана подобных Дербенту: «Городское население запада состояло в основном из сирийцев, евреев и греков, преимущественно ремесленников, переселенных сюда из завоеванных сасанидскими царями городов» [6, с. 185]. Возможно, более высокая квалификация и покровительство иранских правителей Дербента ставило этих переселенцев-ремесленников в привилегированное положение по сравнению с местными жителями.

В связи с положением отдельных категорий сельского и городского населения Закавказья в период персидского владычества крупнейший кавказовед А.П. Новосельцев писал «о неодинаковом положении различных категорий трудящегося люда, равно как и об их постепенном сближении в процессе феодализации» [25, с. 185].

Определенное неравенство между пришлым и местным населением раннесредневекового Дербента зависело, конечно, не от сословного положения различных этнических групп (и те и другие относились к эксплуатируемой части его обитателей - городскому люду), скорее имущественное положение большинства представителей той и другой группы было различным. Большая часть переселенных жителей Дербента должна была быть квалифицированными ремесленниками, иначе не было смысла переселять их сюда, или военными колонистами, тогда как местное население города формировалось, вероятно, в значительной мере за счет крестьянства прилегавших областей Кавказской Албании, согнанного сюда для различных строительных работ. Многие из них не имели строительных профессий и использовались в качестве подсобных рабочих на трудоемких черных работах. В VI-VII вв., т.е. в период наиболее интенсивных строительных работ в Дербенте, основная часть этих людей были лично свободными, так как «албанское свободное крестьянство (шинаканы) в своей массе потеряло свободу где-то на рубеже VI-VII вв.» [25, с. 189]. Это позволяло (или в силу каких-то причин вынуждало) определенной части согнанных для строительных работ крестьян оседать в городе, где существовали более льготные условия и определенные привилегии по сравнению с сельской местностью. Но отсутствие у большинства из них достаточно высокой квалификации и профессиональных навыков ставило их в неравное положение по сравнению с ремесленниками-профессионалами из числа переселенцев, и эта часть местного населения пополняла беднейшие прослойки городских низов. Конечно, это не означает, что в городе не было местных ремесленников, опиравшихся на существовавшие здесь традиции и генетически связанные с мастерами Дербента досасанидского периода, но пришлые на этом этапе сначала, видимо, преобладали. Анализ многочисленных вещественных комплексов раннесредневекового Дербента позволяет утверждать, что наряду с ремесленниками-переселенцами в городе работало значительное число и местных мастеров-профессионалов, положение которых, вероятно, мало чем отличалось от первых. В дальнейшем, по мере

развития города, четкие этнические разграничения между местным и пришлым населением, в значительной степени стирались.

Господствующий класс-сословие этот класс был представлен в Дербенте крупной и мелкой военно-феодальной знатью, христианским духовенством (вероятно, и зороастрийским жречеством), чиновниками различных рангов. Наличие феодальной иерархии, четко прослеживаемой в социальной структуре дербентского общества, являющейся одним из важнейших признаков феодальной формации, в отечественной историографии хотя и не признается, в отличие от зарубежной, основным, но «тем не менее, имеет существенное значение» [25, с. 207]. В Дербенте феодальное сословие в V-VII вв. представлено иранской и местной кавказской военной знатью, чиновниками иранской администрации и духовенства.

Верховная власть. В дербентском раннефеодальном обществе верхнюю ступень иерархической лестницы занимал иранский наместник, правитель города, назначавшийся сасанидским царем.

Он носил титул «марзпана», свидетельствующий об очень значительном ранге дербентского правителя и его высоком положении в административно-бюрократическом аппарате Сасанидакого Ирана. Марзпан стоял во главе крупной области или провинции (в зависимости от времени и места он именовался в Сасанидском Иране шахом, шахредаром, шахрапом, марзпаном). В раннесасанидских надписях «титул марзпан не встречается, но позднее (видимо, с конца IV – V вв. – А.К.) он обозначал правителя пограничной области, очевидно, наделенного и военной властью» [6, с. 288]. Иранский наместник, управлявший городом и всей областью прохода и именовавшийся обычно в источниках «марзпаном Чора», обладал столь значительными военными силами и полномочиями, что при необходимости мог сам без поддержки центральной власти подавлять атииранские выступления в Албании и даже Армении [7, с. 76-77], хотя последняя не входила в сферу его влияния и зависимости. По сведениям раннесредневековых армянских источников, в подчинении «марзпана Чора» находилось «десять тысяч конницы» [7, с. 68] и ему, видимо, подчинялись все иранские войска в Албании. Так, во время атииранского восстания против Закавказья марзпан Чора Себухт «не стал выжидать в краях Чора, а сосредоточил все множество своих войск и поспешно перешел большую реку, именуемую Кур» [7, с. 77].

Наряду с персидскими войсками, охрану «ворот» должны были нести армянские и албанские конные отряды. Источники V в. (Егише) упоминают армянских нахараров, которые со своими дружинами «были в северных краях в «hонской крепости (крепости Чора, т.е. Дербента. – А.К.)» [7, с. 53].

О высоком положении правителя Дербента сасанидской поры свидетельствуют сообщения и грузинских раннесредневековых источников. Так, в «Мученичестве святой Шушаники», древнейшем из дошедших памятников грузинской литературы, упоминается о посещении Дербента грузинскими питиахшами (царь, правитель) «Питиахш (имеется в виду Варскен. – А.К.) отправился в Чору» [23, с. 9]. Причем, судя по дальнейшему тексту источника, авторитет иранского наместника в Дербенте был столь велик,

что при решении своего вопроса грузинский питиахш собирался обращаться или к сасанидскому царю, или к нему. Угрожая заключенной в темницу царице Шушанике, не желавшей отречься от христианства, «питиахш прислал посредников сказать ей: Или выполни мою волю и возвращайся во дворец, или же, если не вернешься, отправлю тебя на осле в Чору или ко двору царя персидского» [23, с. 10]. Однако потом питиахш передумал посылать ее в Чору, побоявшись «как бы там она не стала женой какого-нибудь князя» [23, с. 10]. Сообщения этого источника свидетельствуют об особом положении дербентското марзпана в административной структуре региона и всей иерархии Сасанидской державы. Как можно понять из источника, его резиденция, куда для решения своих вопросов являлись цари Картли и других областей Кавказа была и местопребыванием его пышного двора, состоявшего не только из персидской знати, но и из местных кавказских феодалов, вероятнее всего, христиан (албанских, армянских и др.), иначе за какою же князя могла выйти замуж столь ревностная христианка Шушаника, которую не сломили, ни тюрьма, ни лишения.

Упразднение царской власти в Албании, замененной иранским марзпаном, вследствие чего резиденция иранского наместника на Восточном Кавказе была перенесена в столицу страны, военные реформы Хосрова Ануширвана, а также завершение строительства каменного оборонительного комплекса, сократившие численность войск, охранявших «ворота», сказались на положении правителя Дербента. Его ранг в военно-бюрократической иерархии Сасанидского Ирана несколько понизился и он уже не обладал столь большими военными полномочиями, политической и административной властью.

Однако на правителях Дербента по-прежнему лежали обязанности по охране северных границ государства, которые подвергались все большей опасности со стороны крепнущей Хазарии, нередко выступавшей союзником Византии. В его подчинении оставалась очень важная в военно-стратегическом отношении область прохода и весьма внушительные военные силы. Дербент продолжал оставаться не только главным оплотом Сасанидов на Кавказе, но и важнейшим плацдармом в их продвижении на север, что, несомненно, ставило правителя города на весьма высокую ступень иерархической лестницы Ирана.

В определенной мере об этом свидетельствуют и переговоры, которые, по данным известного историка X века ат-Табари, вел правитель Дербента с арабами, появившимися у стен города уже после крушения Сасанадской державы. Он, вероятно, чувствуя свою силу, «заключил с арабами мир, но джизию (подушных налогов на немусульман. – А.К.) платить не хотел», заявив им: «вместо джизии мы будем воевать (против хазар. – А.К.)» [2, с. 39].

Стоит отметить, что этот правитель города по имени Шахр-Бараз, последний наместник Сасанидского царя Ездитердг III, входивший в число высших чиновников Сасанидското Ирана, «был родственником своего знаменитого тезки, завоевавшего Иерусалим в 614 г. и в течение нескольких месяцев занимавшего трон Хосроев) [22, с. 38].

Отрывочные сведения письменных источников о положении правителя города и о его статусе среди иранской администрации могут быть дополнены раскопками в цитадели, где был выявлен очень крупный комплекс дворцовой архитектуры VI-VII вв., единственный пока на всем Кавказе. Внушительные размеры дворца, протяженность которого превышает 100 м, монументальность и сложноплановость его архитектуры, богатство интерьера и инвентаря не оставляют сомнений в том, что данный архитектурный комплекс представлял собой дворец правителя Дербента – одного из очень высокопоставленных представителей сасанидской администрации на Кавказе.

Военное сословие в городском обществе раннесредневековою Дербента было представлено в основном многочисленными воинами иранского гарнизона, а также феодальным ополчением из Албании и Армении, вспомогательными отрядами местных правителей окрестных селений. До военной реформы Хосрова Ануширвана все войско Сасанидов состояло из ополчения, главной силой которого была конница из «азатов» (свободных). Наряду с конницей существовали вспомогательные отряды, набиравшиеся из зависимых, вся роль которых сводилась к тому, чтобы следовать за войском и выполнять черную работу «разрушать стены, собирать трупы и служить воинам» [27, с. 311]. Подобное ополченское войско было трудно управляемым и весьма ненадежным, особенно в борьбе сасанидских правителей со знатью. Оно было заменено. Хосровом Ануширваном на регулярную армию, состоявшую на жалования у царя, а потому целиком преданную ему, основу которой также составляла конница [6, с. 311-312].

Подобная политика способствовала формированию новой военно-феодальной прослойки, служившей опорой царю в его борьбе со старой знатью.

Сведения из источников о «десяти тысячах конницы», составляющих войско «марзпана Чора», позволяют утверждать, что и в Дербенте, подобно другим областям Сасанидского государства, основу военных сил составляла тяжелая кавалерия. Из конницы состояли отряды албанских и армянских нахараров, которые, по сообщениям раннесредневековых армянских авторов [26, с. 53], несли охрану ворот вместе с персами. Армянские и албанские конные отряды («азатагунд или азатахумб» конное войско) состояли из мелких и средних феодалов-азатов, вассалов царей, нахараров и церкви [25, с. 19]. Именно иранская кавалерия и кавказские конные отряды были реальной военной силой, способной отразить набеги кочевников и защитить от них Закавказье и другие Сасанидские провинции.

По мнению А.П. Новосельцева, азаты в IV – начале VIII в. «в своей массе не что иное, как сохранивший свободу и влившийся в состав господствующего класса остаток народа-войска» [25, с. 197]. Однако азаты в Армении и Албании не совсем соответствовали этому сословию в Иране, несмотря на идентичность терминологии, а скорее всего им «соответствуют дехкане, т.е. верхушка общинного крестьянства, выделившаяся в Иране в V-VI вв., часть которой затем, сменив уничтоженную или слившуюся с ней родовую знать, стала в конце VI-VII вв. крупнейшими землевладелицами Сасанидскою государства кануна его падении» [25, с. 197-198]. К периоду крушения Сасанидского Ирана

относится упоминание источниками этого социального термина «дехкан» для Дербента. «Самое раннее упоминание уроженцев ал-Баба мусульманские источники дают под 15 г. х. / 636 г.: некий дихкан из ал-Баба, по имени Шахрийар, чья наружность (подобно верблюду) поразила арабов, командовал отрядом сасанидской армии и был убит в единоборстве с одним арабам в Куса, около ал-Мадаина» [22, с. 38].

А.П. Новосельцев, исследовавший вопросы формирования феодальных классов-сословий в странах Закавказья, считает; «что термин «дехкан», причем в иранском варианте, имел хождение в Кавказской Албании. Правда, у Каланкатваци, как и в прочих памятниках на грабаре, этого слова нет, но мы знаем о его употреблении в более позднее время, вплоть до XI - XII вв., когда дехкане Ширвана и Аррана были средними землевладельцами» [25, с. 187]. Термин этот, мало употреблявшийся и быстро исчезнувший в армянской среде, «бытсвал в Албании, а затем в Ширване, где прошел ту же эволюцию, что и в Иране» [25, с. 187]. Есть все основания полагать, что все вышесказанное по поводу термина «дехкан» и социально-экономического положения этой прослойки в феодальном обществе указанных регионов справедливо и для Дербента, крупнейшего города Албании с иранским и местным албанским населением.

Наряду с регулярными персидскими войсками и отрядами закавказских феодалов в состав военного сословия Дербента входили и переселенцы из различных областей Сасанидского Ирана. Поселения воинственных племен на границах государства практиковались на древнем Востоке довольно широко и сасанидские правители не составляли здесь исключения [6, с. 312]. Значительное количество подобных поселений для охраны прохода было создано Хосровом Ануширваном вдоль всей системы дербентских укреплений [4; 21, с. 5, 190]. Стажа проходов получала вознаграждение и состояла «из людей, переселенных из разных стран и из надежных лиц» [28, с. 101].

Для обозначения этих переселенцев арабы пользуются иранским термином, который И. Маркварт переводит как «служилые люди», а В.Ф. Минорокий – как «сторожа» [22, с. 31]. С.Т. Еремян пытается видеть в этом термине этнический аспект, определявший происхождение данных пограничных стражей из области Сисакан (Сюник) [8, с. 33-40], но это мнение не встретило поддержки у специалистов [9, с. 15]. За свою службу эти «стражи» получали в пользование окружающие земли «и вся населенная местность, которой они завладеют, была предоставлена в их исключительное пользование» [3, с. 12-13]. Это позволяет отдельным исследователям видеть в этих «стражах», или «служилых людях» военно-феодальную прослойку, получавшую за свою службу определенный земельный надел, т.е. характерный для феодальных отношений институт землевладения. Оставляя открытым вопрос о самом институте «икта» в Дагестане в этот период, отметим, что некоторая часть этих «служилых людей» влилась в городское военно-феодальное сословие Дербента, хотя, конечно, большинство их проживало за его пределами, в поселениях сельскохозяйственной округи, расположенных вдоль Горной стены.

Следует отметить, что раннесредневековые источники различают регулярные войска дербентского гарнизона от разносословного ополчения, которое принимало участие в защите города при осаде и включало не только феодальную знать, но и городские низы. Так, албанский автор VII в. Мовсес Каланкатваци, выделяя эти категории, писал, «что произошло с защитниками великого города Чора и с войсками, находящимися на дивных стенах» [12, с. 105].

Исследования в цитадели раннесредневекового города позволяют предполагать, что здесь располагалось значительное количество воинов, вероятно, основная часть регулярных военных сил гарнизона, находившегося на содержании государства. Как явствует из среднеперсидских надписей на остраках города Дура-Европос, который, подобно Дербенту, имел значительный гарнизон, иранские воины получали «хлебное довольствие» из запасов шахраба города и вероятно имели какие-то пожалованные им земли» [21, с. 65]. Из сирийских хроник (Иешу Стилит) мы знаем о выдаче «пшеницы» из зернохранилища в городе Эдессе [26, с. 208].

Чиновники, именовавшиеся в Иране семитско-иранским термином «дабир» («дпир») [25, с. 207], представляли в Дербенте, как и во всем Сасанидском государстве, очень влиятельное сословие. В Иране в VI-VII вв. это сословие, составлявшее основу административно-бюрократического аппарата государства, было крупной политической и экономической силой и играло важную роль в его раннефеодальном обществе.

Существовала царская канцелярия, которую возглавлял эран-диперпат, стоявший во главе всего многочисленного сословия «писцов» царского чиновничьего аппарата. Помимо него существовали глава податного сословия (земледельцев и ремесленников), именуемый соответственно вастриошансаларом и хутухшпатом, а также глава финансов эран-амаркар, которому подчинялись амаркары, возглавлявшие финансовые ведомства отдельных провинций [25, с. 207]. Чиновники каждого из названных ведомств существовали в провинциях Сасанидской державы и в канцеляриях правителей крупных городов.

Эпиграфические памятники Дербента свидетельствуют, что подобное административно-бюрократическое сословие существовало и в его городском обществе, причем здесь временно или постоянно присутствовали и высшие чиновники всей провинции (Восточного Кавказа), главы ее отдельных ведомств. Так, в пехлевийских (среднеперсидских) надписях города V-VII вв. упомянут один из «амаркаров», вероятно, глава финансового ведомства Кавказской Албании. Надпись гласит: «Это и отсюда вверх Барзниш, амаркар Атурпатакана выполнил» (перевод Г.С. Ниберга) [24, с. 29], или: «Это и от этого вверх сделал Дарпуш, сын Атурпатакана, хамаркар» (перевод В.Г. Луконина, прислан в рецензии на статью автора).

На Кавказе на чиновнике, носившем этот сасанидский титул, лежали обязанности по сбору податей в провинции, заведование местными финансами и производство строительных работ [15, с. 46, 54].

В другой, лишь частично прочитанной пехлевийской надписи Дербента, вероятно, идет речь еще об одном крупном чиновнике «Атурене» (чтение Г.С. Ниберга) [24, с. 32] или «Атургушнаспе» (перевод В.Г. Луконина).

Эти данные позволяют предполагать наличие у правителя Дербента собственной канцелярии со значительным административно-чиновничьим аппаратом и о весьма влиятельном положении сословия «дабиров» в социальной структуре феодального общества города. Эта социальная прослойка на Востоке и в Закавказье была тесно связана с верховной властью, однако «она не была достаточно сильной, чтобы стать ее опорой в борьбе с сепаратизмом феодальной знати [25, с. 207].

Духовенство занимало особое положение в социальной структуре дербентского общества, что было связано не только с очень сильными позициями христианской церкви в Дербенте, как и во всем Закавказье, но и со сложными противоречиями идеологического характера, которые возникали в силу различного вероисповедания сасанидской военно-административной верхушки и основной части населения города. Христианство; начавшее укрепляться в Дербенте в IV в., уже в V в. было религией основной части неиранского населения города. Крупнейший российский востоковед В.В. Бартольд, в связи с распространением здесь христианства отмечал, что оно одержало победу в пограничных областях Персии, и арабы, захватившие эти районы, «упоминают о христианстве как о религии местного населения, а о последователях зороастризма не упоминается» [5, с. 672]. Христианское духовенство являлась «особым слоем, весьма сильным и влиятельным во всех странах Закавказья» [25, с. 202]. Духовенство Дербента не было исключением в этом плане, наоборот, положение его в структуре местного общества было намного выше, чем во многих других городах Закавказья и Ирана. Близость Ватнианского поля, где погиб мученической смертью от рук маскутов один из первых христианских миссионеров на Восточном Кавказе епископ Григорис [13, с. 14] и пребывание здесь албанского царя Вече II, потерявшего корону из-за своей приверженности к христианству [7, с. 11-12], делало Дербент одной из христианских святынь Кавказа. В то же время город был и крупнейшим христианским центром Кавказской Албании, где, по сообщениям авторитетных раннесредневековых источников, находилась резиденция католикоса (патриарха) страны, перенесенная позднее в Партав [12, с. 90]. Однако В.В. Бартольд считал, что при арабах патриарх, вновь вернулся в Дербент [5, с. 672].

В связи с вопросом о титулатуре главы дербентской христианской церкви уместно коснуться вопроса о его месте в иерархии высшей духовной знати Кавказа. Мовсес Каланкатваци называет его главой албанской церкви и сообщает в связи с перенесением его престола из Дербента следующее: «После того страна наша попала под власть хазаров; церкви и писания преданы были огню. Тогда во второй год Хозроя, царя царей, в начале армянского летосчисления перенесли престол патриарший из города Чога в столицу Партав, по случаю хищнических набегов врагов креста Господня» [12, с. 90]. Это сообщение Мовсеса Каланкатваци вызвало значительные расхождения у специалистов по поводу достоверности титулатуры главы дербентской церкви.

Одни исследователи считали подобные сведения правдоподобными и заслуживающими доверия [5, с. 672], другие, не отрицая очень высокого сана главы дербентской Церкви в иерархии духовенства Кавказской Албании, полагали, что речь может идти не о католикосе, а лишь о епископе [1, с. 124-125]. Таким образом, будучи единодушны в принадлежности главы дербентской церкви к высшей духовной знати Албании, исследователи расходятся в вопросе его титулатуры. Титул католикос, или хайрапет для албанской церкви раннего времени не известен [25, с. 204]. По Канонам царя Вачагана (агуэзские каноны), относящимся к концу V в., известны архиепископ, а также епископы. Ф. Мамедова считает, что «в условиях Албании высшие церковные чины – патриарх, католикос, архиепископ применялись как равнозначные термины. Так, ИА (История агван. – А.К.) сообщает, что по греческой церковной иерархии полагалось девять степеней (чинов): Патриарх, который является айрапетом и архиепископ, который называется епископосапетом и католикосом; айрапет – армянское слово, калькированное с греческого патриарх, а епископесапет – с греческого архиепископ. Совершенно очевидно, что архиепископ и католикос идентичные термины» [20, с. 136].

В связи с вопросом о титулатуре главы албанской церкви А.П. Новосельцев пишет, что в Закавказье «относительно рано получила автокефалию армянская церковь (в 60-70-е годы VI в.) Затем (не ясно, когда) титул католикоса приняли верховный иерарх Албании и глава картлийской церкви» [25, с. 204]. М.И. Артамонов считал, что престол патриарха не мог находиться в Дербенте, так как его кафедра возникла в столице Партав в 552 г. после Двинского собора (551 г.), на котором произошло отделение монофизитской церкви от византийской (халкедоннитской). Сообщение Мовсеса Каланкатваци о нахождении патриарха в Дербенте он объясняет народной молвой, связанной с обоснованием в городе отрекшегося от престола албанского царя Вече II и близостью Ватнианского поля [1, с. 124-125]. Однако приведенные выше данные позволяют предположить наличие верховной иерархической титулатуры в албанской церкви и до Двинского собора, так что сам этот факт не может быть бесспорным доказательством отсутствия патриаршего (католикоского) престола в Дербенте.

Анализ «Истории агван» Мовсеса Каланкатваци свидетельствует, что данные о существовании в Дербенте патриаршего престола приведены и в третьей книге этого труда, написание которой большинство исследователей связывают с другим автором (Мовсесом Дасхуранци), и с более поздним периодом (X веком н.э.). Так, в этой части «Истории агван», в главе об агванских патриархах и их деяниях наряду с другими упоминается «Тер-Аббас, который в начале армянской эры перенес святительский престол из Чора в Партав и правил 44 года» [12, с. 280]. Годы правления Тер-Аббаса (551-595 гг.) соответствуют началу армянской эры летосчисления (551 г.) [12, с. 280]. В пользу предположений о наличии в Дербенте патриаршего престола говорит и еще одно сообщение «Истории агван». В той же, третьей части книги автор в связи с событиями первой половины VIII в. писал: «В 180 году (по армянскому летосчислению – 732 г. н.э. – А.К) Маслиман вторично выстроил Дарбанд во

имя таджиков (арабов. – А.К.), но не разрушил восточного патриаршего дворца, который еще и до сих пор (ко времени написания источника, скорее всего, к концу X в. – А.К.) существует в нем» [12, с. 261].

Однако, если принять во внимание сведения автора (или авторов) «Истории агван» о существовании в определенный период в Дербенте патриаршего престола, который лишь в середине VI в. века был перенесен в Партав, то встает вопрос об определенном несоответствии названных во второй части источника дат (в третьей книге время правления Тер-Аббаса и начала армянского летосчисления, когда престол был перенесен, совпадает). Автор пишет, что престол был перенесен из Чора в Партав «во второй год Хозроя, царя царей (имеется в виду Хосров Ануширван, правивший в 531-579 гг. – А.К.), в начале армянского летосчисления (т.е. в 551 г. – А.К.)» [12, с. 99]. С чем связана подобная ошибка в хронологии, ответить трудно, но если принять во внимание возможную ошибку переписчиков и видеть в дате не «2» а «20» (т.е. не второй, а двадцатый год правления), то тогда обе приведенные автором даты сойдутся и будут соответствовать 551 г. [16, с. 177].

Приведенные выше доводы и высказанные соображения, а также результаты историко-археологического исследования в Дербенте в 1970-1995 гг. позволяют считать весьма вероятным, что некоторый период, скорее всего вторая половина V – середина VI в., престол главы албанской церкви мог находиться в Дербенте [18, с. 103]. Однако, если даже подобные утверждения в дальнейшем будут опровергнуты каким-то новыми фактами, несомненно то, что духовная власть в городе принадлежала лицам, занимавшим самые высокие посты в церковной иерархии Кавказской Албании и носившим в V-VIII в. вв. очень высокую христианскую титулатуру. Особое положение среди высшей духовной знати Албании глава дербентской церкви сохранил и после перенесения престола в Партав, о чем свидетельствует титулатура албанского католикоса, подписывавшегося «католикос агваиский, лбинский и Чора (т.е. Дербента. – А.К.)» [12, с. 164, 131; 14]. Это позволяет думать, что две данные области, Лбиния и Чора, являлись какими-то особыми регионами, занимавшими более высокое положение по сравнению с другими областями Албании, что и подчеркивалось в титулатуре католикоса. Согласно данным третьей части «Истории агван», подобная титулатура католикоса была введена уже упоминаемым Тер-Аббасом, при котором «вошло в обыкновение писать на адресе бумаг каталикосу Анвании, Лбинии и Чора [12, с. 280]. Подобным же образом именовал себя католикос Тер-Виро, правивший позднее и писавший: «Я Виро, католикос агванский, лбииский и Чора» [12, с. 131].

Подтверждением особого положения дербентской церкви может служить наличие в раннесредневековом городе огромного базиличного храма (перестроенного позднее арабами в мечеть) [1; 18, с. 103-104, 141-143], который и сегодня является крупнейшим культовым сооружением Кавказа. Существование в Дербенте столь монументального христианского памятника, расположенного в шахристане [1; 16; 17, с. 48-51; 141-143; 187-188] крестово-купольного храма в цитадели города и восточного патриаршего (или епископского) дворца (что не исключает существование еще одного подобного

дворца в другой, части города) свидетельствует о значительной роли христианского духовенства в структуре дербентского раннесредневекового общества. По аналогии с крупными городами Закавказья и Западного Ирана, где большинство населения были христианами, можно предположить, что данное сословие было в Дербенте весьма многочисленным, о чем говорят и размеры культовой архитектуры города, и имело характерную для него иерархическую структуру.

М.М. Дьяконов, в связи с подобными Дербенту городами Сасанидского Ирана, где христианское население «составляло значительную часть жителей или даже основную», писал, что там «религиозный глава играл роль посредника между шахом и его христианскими подданными горожанами. Несторианскому католикосу, например, передавалось право собирать подати с христиан для передачи их в казну» [6, с. 286]. Вероятно, аналогичную роль играл и глава дербентской церкви, выступавший посредником между сасанидской администрацией города и христианским населением его, но, учитывая специфику Дербента, права его могли быть значительно шире.

У нас нет никаких данных о зороастрийском духовенстве Дербента, но, учитывая наличие здесь значительного количества иранцев (верховная власть, административно-чиновничий аппарат, воины гарнизона), можно предположить существование в городе и зороастрийского жречества, имевшего влияние на персидскую часть его населения.

Исследования экономического развития и социальной структуры Дербента позволяют характеризовать его как один из первых раннефеодальных городов Северного Кавказа с типичным для этого периода социально-экономическими отношениями и классовым обществом аналогичного во многом развитым городам Сасанидского Ирана и Закавказья.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Артаманов М.И.* Древний Дербент // Советская археология. – 1946. – VIII. – С. 121-144.

2. *Ат-Табари.* История пророков и царей / пер. Шихсаидова А.Р. Махачкала, 1971 // Рукописный фонд Института истории археологии и этнографии. Дагестанский научный центр РАН. – Ф. 3. – Оп.1. – Д. 234. № 4803. – 104 с.

3. *Ахмедов Ш.М.* Социально-экономическое и политическое развитие раннесредневекового Дагестана (V-XI вв.): автореф. дис… канд. ист. наук. – Махачкала, 1971. – 21 с.

4. *Баладзори.* Книга завоевания стран / пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. – Баку, 1927. – С. 6-22.

5. *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т. II. Ч. I. – М.: Наука, 1963. – С. 651-772.

6. *Дьяконов М.М.* Очерк истории древнего Ирана. – М.: Восточная литература, 1962. – 444 с.

7. *Егише*. О Вардане и войне армянской / пер. И.А. Обрели. – Ереван.: Изд. АН АрмССР. 1971. – 192 с.

8. *Еремян С.Т.* Сюния и оборона Сасанидами Кавказских проходов // Известия Армянского филиала АН СССР. – 1941. – № 7 (12). – С. 33-40.

9. *Иакут.* Алфавитный перечень стран / пер. Н.А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). XXIX. – Тифлис: Изд. Упр. Кавказск. Учебн. Округа, 1901. – С. 11-17.

10. *Ибн ал-Факих.* Книга о странах / пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. XXXI. – Тифлис: Изд. Упр. Кавказск. Учебн. Округа, 1902. – С. 1-57.

11. *Истахри.* Книга путей и царств / пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. XXIX. – Тифлис: Изд. Упр. Кавказск. Учебн. Округа, 1901. – С. 3-73.

12. История агван Моисея Каганкатваци / пер. К. Патканьяна. – СПб.: Типография Т. Фишера, 1861. – XXXIV, 372, V с.

13. История Армении Фавстоса Бузанда / пер. с древнеарм. И коммент. М.А. Геворгяна; под ред. С.Т. Еремяна; вступ. ст. Л.С. Хачикяна. – Ереван: АН Армянской ССР, 1953. – 236 с.

14. История Дагестана: в 4-х т. – М.: Наука, 1967. Т. I. – 433 с.

15. История епископа Себеоса / пер. Ст. Малхастянца. – Ереван: Армфан-А, 1939. – 184 с.

16. *Кудрявцев А.А.* Пути развития северокавказского города. По материалам Дербента домонгольской поры. – Ставрополь: Издательство СГУ, 2003. – 330 с.

17. *Кудрявцев А.А.* Дербент – древнейший город России. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2015. – 342 с.

18. *Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А.* Феодальный город Северного Кавказа. (Средневековый Дербент в VI – XIII вв.). – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – 307 с.

19. *Луконин В.Г.* Культура Сасанидского Ирана. – М.: Наука, 1969. – 240 с.

20. *Мамедова Ф.* «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. – Баку: Издательство «ЭЛМ», 1977. – 196 с.

21. *Мас'уди.* Мурудж ад-Дзахаб./ Пер. В.Ф. Минорского // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI вв. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – С. 18-25.

22. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дебренда X-XI вв. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 270 с.

23. Мученичество св. Шушаники // Грузинская проза. Избранные романы, повести и рассказы: в 3-х т. Т.1.: V в. – первая половина XIX в. – М.: Гослитиздат, 1955. – С. 3-17.

24. *Ниберг Г.С.* Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дебрента // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. – Баку. – 1929. – № 8. – Вып. V. – С. 23-33.

25. *Новосельцев А.П.* Генезис феодализма в странах Закавказья. – М.: Наука, 1980. – 288 с.

26. *Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956. – 366 с.

27. *Прокопий Кесарийский.* Персидская война. I, 14. Цит. по: Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – 444 с.

28. Derbend-Nameh or the History of Derbend, translated from a select turkish version and published with the text and with notes... by Mirza A. Kasem-Beg // Memoires des savants etrangers publies par l'Academie des Sciences. SPb., 1851. T. VI, 242 pp. in qarto.

УДК 94(470.67) «17» **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-28-37**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ДАГЕСТАНА В XVII В.

А.Д. КУРБАНОВ

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
367000, РД, г. Махачкала, ул. Гаджиева, 43-а
E-mail: ahmed2005@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историко-политической географии Дагестана в XVII веке. Прослеживаются имевшие место тенденции к централизации в одних, и децентрализации в других владениях Северо-Восточного Кавказа. В частности, рассматривается процесс дробления наиболее крупного политического образования региона – Гази-Кумухского шамхальства, и образования целого ряда владений с уточнением границ, основных населенных пунктов, численности народонаселения, форм государственного устройства. Уделяется внимание стремлению более сильных соседних государств расположить к себе те или иные политические силы. В исследовании нашли отражение вопросы системы управления как владений с династической властью, так и союзов сельских обществ. Количество последних не всегда было постоянным. Находились они в основном в Западном, Центральном и Южном Дагестане.

Ключевые слова: Дагестан; политическая карта; территория; границы; государственные образования; шамхальство; нуцальство; уцмийство; майсумство; союзы сельских обществ.

THE POLITICAL MAP OF THE XVIITH CENTURY DAGHESTAN

A.D. KURBANOV

FSBEI HE «Dagestan State University»
367000, RD, Makhachkala, Gadzhieva street, 43-a
E-mail: ahmed2005@mail.ru

Abstract. The article deals with the historical and political geography of the XVIIth century Daghestan. The trends toward the centralization in some principalities of North-East Caucasus and toward the decentralizations in others are traced. In particular, the process of fragmentation of one of the largest political statehood formations in the region, i.e. Gazy-Kumukhskoye Shamkhalstvo, is considered. The process of formation of a number of successor states is also considered, including specification of their borders, major settlements, population and forms of government. The attention is paid to the ambitions of strong neighboring powers to ingratiate one or another among the local political centers. The questions of government system in the political formations with central authorities as well as in the alliances of rural societies are exposed in the research. The quantity of the alliances of rural societies was not constant. They were situated mainly in the West, Central and South Daghestan.

Key words: Daghestan; political map; territory; borders; statehood formations; Shamkhalstvo; Nutsalstvo; Utsmiystvo; Maysumstvo; alliances of rural societies.

Дагестан в XVII в. не представлял собой единого целого и находился в ситуации политической неустойчивости. На его территории соседствовали и взаимодействовали как сложившиеся в предшествующий период, устоявшиеся политические единицы, так и находившиеся еще только в процессе своего становления. Это было следствием и показателем динамизма социально-экономического и политического развития Дагестана в целом, отдельных его территориально-политических структур, вызывавшего в одних случаях усиление центробежных сил, а в других – консолидационных, центростремительных тенденций. Его политическая карта состояла из двух типов политических структур – владений с наследственной властью отдельных родов и союзов сельских обществ. Первый тип политических образований далее в этой статье будет обозначаться как «княжество», имея в виду, что верховная власть в них принадлежала одному лицу, хотя и была ограничена различными традиционными институтами. Этимологически это обстоятельство лучше передается англоязычным термином «principality», указывающим, что во главе системы власти находится одно – «первое» лицо. Исторически сложившееся многообразие титулатуры первых лиц в дагестанских владениях не должно скрывать структурное единство систем власти в них.

В некоторых из них происходили изменения, другие сошли с политической арены из-за иноземного вмешательства и экспансионистской политики более крупных и сильных владений: «Феодальная раздробленность и стремление ряда феодалов к расширению своих владений за счет захвата соседних территорий порождали междоусобные войны, причем усобицы происходили не только между отдельными владениями и союзами сельских обществ, но и внутри них – между магалами и даже аулами. Происки эмиссаров Турции и Ирана, безусловно, усиливали феодальные распри» [9, с. 320].

Наиболее крупным государственным образованием к середине XVII в. оставалось Гази-Кумухское шамхальство[1], хотя в условиях роста сепаратистских устремлений со второй половины XVI века в нем начали обнаруживаться тенденции к раздробленности. Границы его простирались с севера на юг от Кабарды (*Малой Кабарды. – А.К.*) и р. Терек вдоль Каспия до владения уцмия Кайтагского – и от Каспийского моря на запад до владения Хунзахского нуцальства [5, с. 108]. Население шамхальства было пестрым по национальному составу: его населяли лакцы, даргинцы, кумыки, агулы, часть лезгин, аварцев и др. [10, с. 292; 16, с. 94]. Многие общества Дагестана то вовлекались в орбиту политического влияния шамхалов, то добивались независимости от них, откупаясь натуральной платой [4, с. 194-203]. По приблизительным подсчетам численность жителей Гази-Кумухского шамхальства составляла около 250 тыс. чел.

[1] Титулы дагестанских правителей – шамхал, нуцал, уцмий неизвестны нигде кроме как в Дагестане. Большинство исследователей считают, что они имеют местное происхождение, т.к. принятая в Дагестане иноземная социальная терминология сохранилась в неизменном виде (бек, хан, султан и др.).

Шамхальство было связано разветвленной сетью торговых путей практически со всеми феодальными владениями и союзами сельских обществ Дагестана, так как занимало очень важную в стратегическом отношении территорию. Через нее проходили как внутридагестанские торговые пути, так и маршруты мирового шелкового пути из Закавказья, Персии и других регионов в Россию и далее в европейские страны. Пошлины с проходивших по приморской трассе торговых караванов значительно пополняли казну шамхалов [13, с. 41, 296-298].

Одним из первых от шамхальства начался процесс отпадения Эндиреевского владения, которое, тем не менее, оставалось уделом в его составе до 1641 г. Владение располагалось в междуречье Сулака и Терека. Оно к рассматриваемому времени присоединило к себе территории других ослабевших политических единиц этого региона, в частности – Тюменское владение располагавшееся в бассейне реки Терек с XV в. В связи с неоднократными столкновениями с царскими войсками и постройке российских крепостей на Тереке, Сунже в 80-90-е годы XVI в., оно потеряло большую часть своей территории и лишилось выхода к морю, вследствие чего тюменцы были вынуждены искать убежище у соседних эндиреевцев.

Источники свидетельствуют, что князьям Эндирея принадлежала значительная часть Салатавии, их влияние распространялось на «Окоцкое» (Ауховское) и Барагунские владения. К концу XVII в. от Эндирея обособились Аксаевское и Костековские владения.

Одним из сильных удельных владений шамхальства было Тарковское княжество, активно участвовавшее в феодальных усобицах и нередко выступавшее их инициатором. В середине XVII в. столица шамхальства окончательно переносится из Гази-Кумуха в Тарки, отличавшиеся выгодным стратегическим расположением, что позволяло контролировать приморскую полосу Западного Прикаспия. В ходе последовавшего распада шамхальства на самостоятельные и полусамостоятельные феодальные владения тарковским шамхалам удалось сохранить под своей властью большую территорию.

Одним из уделов шамхальства являлось Мехтулинское княжество, в состав которого входили селения расположенные в бассейне реки Герга, в верхнем и среднем течении Параул-озени, а также селения Аймаки и Гергебель, лежащие по правому берегу Койсу. Политическим центром данного княжества был населенный пункт Ухли (*Охли – село в Левашинском районе РД. – А.К.*), известный как «Тах-росо» т.е. престольное селение.

Сведения об этом княжестве скудны. Известно, что источники конца XVI в. содержали сведения о количестве воинских сил в каждом из сел владения. «Кабак Ухли, а в нем шевкалов зять, у него 50 человек конных; кабак Доргели, а в нем крымшевкалов сын Мехдей, у него 100 человек конных; кабак Юнгутей, а в нем шевкалов племянник Сурхай, у него 100 человек конных» [6, с. 293].

Из состава шамхальства выделились и другие удельные владения: Эрпелинское, Губденское, Карабудахкентское, Утамышское, которые уже признавали верховенство тарковского шамхала, сумевшего на время удерживать их в составе своего владения.

В связи с распадом Гази-Кумухского шамхальства в Нагорном Дагестане выделилось в новую политическую единицу – Гази-Кумухское владение. После окончательного переноса резиденции шамхалов из Гази-Кумуха в Тарки, народное собрание избрало себе нового правителя из побочной ветви шамхалов именовавшегося – халклавчи. Последний являлся полноправным участником шамхальских княжеских съездов, за которыми подчас оставалось решающее слово в выборе очередного высшего лица. Правители Гази-Кумуха повели широкое наступление на соседние владения, и к 30-м годам XVIII в. в состав ханства входило более 200 населенных пунктов [9, с. 328].

Помимо названных владений в состав шамхальства входили союзы сельских обществ – Акуша-Дарго, Гидатль, Койсубула, Анди, Андалал, Вуркун-Дарго. Находились в политической зависимости от шамхальства – агулы, арчинцы, аварцы Караха и Мукратля, кубачинцы [12, с. 115-120]. Влияние шамхалов распространялось и на соседние с Дагестаном территории. Так, в 1630-х гг. у шамхала имелись в Малой Кабарде «ясачные люди» [11, с. 161]. Подпадали под власть шамхалов и отдельные территории Чечни [13, с. 83].

Крупным владением Дагестана в XVII в. было Хунзахское нуцальство, ядром территории которого являлось Хунзахское плато. Унифицированной системы административного деления во владении не существовало, здесь встречалось деление на округа, и в соответствии с этим определялось местное управление. Насколько можно судить по сохранившимся родословным, уже в XVII в. преобладала тенденция к передаче достоинства нуцала наследникам по прямой линии [13, с. 48].

Отвлечение шамхальской экспансии в сторону Прикаспия дало хунзахским нуцалам возможность расширить свои владения. В течении всего XVI в. хунзахские нуцалы все более проникали во внутренние дела соседних союзов сельских обществ, старались внедрить в них своих ставленников, утверждая свое влияние. В результате такой политики были объединены земли по реке Аварское Койсу, распространена власть на андо-дидойский бассейн [9, с. 251] и ряд пограничных с Дагестаном селений Чечни [1, с. 154; 5, с. 90]. Однако, как и в шамхальстве, в нуцальстве к середине XVII в наблюдаются центробежные устремления.

Сильным в политическом и военном отношениях политическим образованием Дагестана являлось уцмийство Кайтагское, располагавшееся в восточной части Среднего Дагестана. В начале XVII в. резиденцией кайтагских уцмиев являлся аул Маджалис, а к середине века центром Кайтага становится селение Башлы [7, с. 110; 22, с. 37].

Сведения о численности населения Кайтагского владения, рассматриваемого периода, содержатся в челобитной кайтагского уцмия Рустем-хана к царю Михаилу Федоровичу от 12 сентября 1634 г., в которой говорится, что он (уцмий): «учинился есми со всеми своими людьми с шестьдесят тысячьми государю в холопстве…» [20, с. 123]. Уцмийство как и шамхальство представляло собой полиэтническое государственное

образование. Его населяли кайтаги, кумыки, терекемейцы, даргинцы, кубачинцы, евреи.

Уцмийство в сравнении с шамхальством было более устойчивым в территориальном отношении, хотя и в нем наблюдались центробежные настроения, междоусобицы, борьба сельских общин за самостоятельность. Последним общепризнанным уцмием, после которого наметился раскол, был Рустам-хан, однако и при нем власть уцмия была ограниченной, чему свидетельством является составленный им же кодекс норм обычного права.

Среди политических единиц Южного Дагестана особое место занимало Дербентское султанство, столицей которого являлся один из древнейших торгово-экономических, культурных центров Кавказа – Дербент. Дербент с величественной крепостью и оборонительной системой играл важную роль не только в военно-стратегическом отношении, но служил также торговой сухопутной и морской базой, рынком сбыта товаров из многих стран. Он являлся одним из крупнейших портов на Каспийском море.

В XVII в. границы Дербентского султанства заметно расширились на юг. По свидетельству А. Олеария, дербентскому султану платили подати жители почти 200 сел «области Мускур» [15, с. 449] (*равнинно-предгорные территории вдоль побережья моря к югу от Дербента, по обеим сторонам р. Самур. – А.К.*).

С 1607 г. и до конца XVII в. султанство находилось в зависимости от шахской Персии [21, с. 19], которая назначала правителей в Дербенте – султанов. Город-крепость являлся для правителей Персии важным стратегическим центром в регионе. В этой связи дербентский гарнизон постоянно поддерживался людьми и вооружением, а правящую верхушку одаривали подарками [9, с. 251].

Однако власть султана не образующего династии и назначаемого из Исфахана, была ограниченной, так как особую роль в управлении играл наиб, избираемый сплоченной дербентской общиной из своей среды. В этой ситуации двоевластия султан отображал политику центра, а наиб местные интересы. Подобное наблюдалось и в России, когда сосуществовали воеводские и земские избы.

Другим влиятельным владением Южного Дагестана был Табасаран. В нем проживали табасаранцы (основная масса), азербайджанцы, лезгины, евреи. В конце XVI в. Табасаран окончательно распался на две политические единицы: владение кадия (кадийство) – в северной части, с центром в сел. Хучни[1] и майсумство – в южной части с центром в сел. Джаррах. Кроме этих двух владений, были союзы сельских обществ (магалы), испытавшие на себе сильное влияние феодальных владений [18, с. 155]. К концу XVII в. ряд горных табасаранских общин обособился в своеобразный союз – Девек-Елеми.

[1] В истории Дагестана – первое проявление тенденции к образованию теократической династии. В последующем подобное наблюдается в Акуша-Дарго и Андалале. В XVII веке в рассматриваемом владении идет процесс перерождения кадийской власти в феодальную. Кадии образуют настоящий владетельный дом с выделением бекских ветвей.

В Южном Дагестане в рассматриваемое время существовало и Цахурское (Элисуйское) султанство. С 1560-х гг. персидские шахи внимательно наблюдали за Цахурским султанством, жалуя цахурских владетелей многочисленными фирманами и подарками. Документы этого периода свидетельствуют о явном «интересе» Персии к цахурским правителям [2, с. 77; 18, с. 102; 21, с. 19]. В XVII в. цахурские султаны имели земельные пожалования на южном склоне Главного Кавказского хребта, но лишь в 1720-х гг. резиденция султанов переместилась из бассейна р. Самур в Елису. Цахурское султанство населяли три основные этнические группы: цахуры, ингилои (грузины-мусульмане) и мугалы (тюрки) [17, с. 73].

В соседстве с цахурским султанством располагалось владение Рутул, управляемое беками, в состав которого входили земли, как на южном, так и на северном склоне Главного Кавказского хребта. В середине XVII в. представитель правящей династии Мухаммед получил от шаха ханский титул. В последующем в Рутуле ханская и бекская власть деградировала. На месте бывшей политической единицы с династической властью образуется союз сельских общин.

Другой формой территориально-политической организации в Дагестане были, как уже отмечалось, союзы сельских обществ. Количество их не было постоянным. Находились они в основном в Западном, Центральном и Южном Дагестане. В большей степени на территориях, где издавна проживали аварцы и народности аваро-андо-цезской языковой группы (андийцы, ботлихцы, годоберинцы, чамалалы, багулалы, каратинцы, ахвахцы, тиндалы, дидойцы, хваршины, бежтинцы), даргинцы (включая кайтагцев и и кубачинцев), а также лезгины и народы южнодагестанской языковой группы (табасаранцы, рутульцы, цахуры, агулы, шахдагцы, удины).

Каждый союз имел центр (наиболее крупное село). Образование подобных союзов диктовалось необходимостью защиты интересов входивших в них общин от притеснений, как со стороны других союзов, так и феодальных владений. Были случаи объединения нескольких союзов, что приводило к образованию сильных федеративных объединений, как Акуша-Дарго, Девек-Елеми, Стал-Чиле, Андалал, Ахты-пара.

Высшим органом управления союзов сельских обществ был сход представителей всех сельских обществ, входивших в союз. Низовой административно-политической единицей таких союзов была сельская территориальная община-*джамаат*, которая имела собственное управление. Сельская община управлялась советом старейшин, который избирался обычно из сельской знати.

Как форма социально-хозяйственной организации сельские общины Дагестана типологически подобны земельным общинам, известным в других частях мира, но в отличие от них дагестанские союзы общин обладали в той или иной степени политической самостоятельностью. Социальные отношения в общине характеризовались сословным членением (на полноправных общинников, свободных, но не полноправных, зависимых - рентоплатильщиков и рабов), частной земельной собственностью членов

общины и одновременно правом каждого из них на пользование общественной собственностью. Рассматриваемые как форма социально-политической организации, они отличались от феодального государства отсутствием монархического начала в системе власти и тем, что привилегиями было наделено большинство общинников – свободные уздени, все остальные категории, находящие себе соответствие в феодальных и архаических обществах, были в численном меньшинстве.

По некоторым оценкам в Дагестане их было свыше 80 [3, с. 51]. Точно их число для XVII в. назвать невозможно, т.к. происходили как слияния, так и разделения этих союзов, а порою и поглощения соседними владениями с полной потерей самостоятельности.

Несмотря на отсутствие в рассматриваемое время государственно-политического единства Дагестана, частые междоусобицы, столкновения феодалов с сельскими обществами или их союзами, конфликты между союзами сельских обществ и внутри них, народы Дагестана в решающие исторические моменты находили силы и способы объединиться для организации отпора внешним врагам.

Особую значимость имели в политической жизни региона съезды правителей княжеств и их вассалов, которые созывались во времена внешней угрозы, или при усилении феодальных междоусобиц. В частности, в шамхальстве подобные собрания проходили в 1615, 1617, 1618, 1621, 1632, 1633 гг. [14, с. 34-35]. Владетели не всегда считались с принятыми на съездах решениями, но созыв их свидетельствует о наличии определенных объединительных союзнических тенденций и стремлении народов Дагестана к внутреннему миру.

Дагестан находился на важных военно-стратегических позициях Северо-Восточного Кавказа, где сталкивались интересы нескольких держав. По этой причине он стал объектом их борьбы за господство в регионе.

Наибольшая активность с целью усилить свое влияние в Дагестане исходила от Персии, которой Дагестан был интересен в контексте персидско-османского противостояния в XVII в. Шахские войска неоднократно вторгались в пределы Дагестана, с целью навязать местным народам свою власть. Сталкиваясь с ожесточенным сопротивлением, шах прибегал к политике подкупа местных правителей, которые в последующем должны были влиять на расстановку сил в регионе в интересах Персии. Наличие такого рода буферной зоны с северной стороны ей было необходимо, в связи с использованием османами и крымскими ханами территории Западного Прикаспия для вторжений в Закавказье. В частности, в 1606 г. шах Аббас I с этой целью захватил Дербент, закрыв тем самым проход османским войскам в Закавказье.

Агрессивная политика персидских шахов в XVII в. достигла своего предела при шахе Аббасе II (1642-1667 гг.), сменившем Сефи I. Он активно, вмешивался во внутренние дела дагестанских правящих домов. Этому способствовало прекращение в 1639 г. войны с османами и дальнейшее укрепление международного положения Персии в середине XVII в. [8, с. 76].

Последовательно продолжал такую политику и шах Сулейман (1667-1694 гг.), желавший взять под полный контроль приморский Дагестан. С этой целью, шах предпринял попытку возвести на р. Койсу (Сулак. – *А.К.*) крепость – которая послужила бы и в качестве заслона на пути усиления влияния России в регионе, усиливавшейся в течение XVII в. В этой связи российская сторона настаивала, что это «искони царская земля» [19, л. 2-3], на что шах возразил, что «река Койсу за русскими государи и цари не бывала» [19, л. 14-16], но на строительство крепости не решился.

Притязания шахов распространить свою власть за пределы Дербента в течение всего XVII в. не имели успеха. Их верховная власть, как указывалось выше, безоговорочно признавалась только в Дербенте.

Усиление позиций Персии в Дагестане шло вразрез с политикой Османской империи, у которой были свои виды на Дагестан. Потеря в начале XVII века такой стратегической базы, как Дербент, никак не устраивала османов. По этой причине к дагестанским владетелям из Стамбула и от крымского хана направлялись эмиссары с грамотами и подарками, подстрекая их подняться против Персии и России. Так, в 1635 г. были доставлены в Кайтаг к уцмию Рустам-хану, в Гази-Кумух к Тючелаву, в Эндирей к Султан-Махмуду грамоты от султана с призывами поддержать его в борьбе против шаха [20, с. 135-136]. В 1675 г. дагестанские владетели получили грамоту от крымского хана с призывом к шамхалу Будаю, Чепалаву эндиреевскому и др. принять участие в походе на Россию. Обращаясь к дагестанским князьям за помощью в борьбе против Персии, османы не забывали подчеркнуть, что дагестанцы, как и турки являются суннитами, играя, таким образом, на религиозных чувствах горцев.

Иначе складывались отношения с российским государством. После неудачных попыток утвердиться в Дагестане во второй половине XVI – начале XVII вв. силой оружия[1], Россия изменила тактику борьбы за влияние здесь. Новая политика сводилась к привлечению дагестанской элиты, прежде всего владетелей на свою сторону разного рода торгово-экономическими привилегиями (предоставление права торговли в Терском городе, Астрахани, Москве; снижение, а в ряде случаев полная отмена торговых пошлин на отдельные партии товаров и проч.) [21, с. 136-141]. В то же время Россия не отказывалась и от мелких военных акций в Дагестане в пользу лояльных владетелей. Результатом такой политики стали шерти – личные присяги на верность царю дагестанских князей и относительная безопасность на дагестанском отрезке пути в Закавказье для российских торговцев и дипломатов.

Персия со своей стороны до поры до времени мирилась с политическим проникновением России на Западный Прикаспий, ввиду того, что последняя способствовала запрету крымско-османским войскам использовать предкавказские степи, для нанесения удара по персидским территориям входе

[1] Походы 1560 г. возглавляемый воеводой Ивана IV, Иваном Черемисиным, 1594 г. воеводой А.И. Хворостининым, 1604-1605 гг. воеводой И.М. Бутурлиным.

персидско-османских войн. В этой связи шах Аббас I предлагал царю даже строительство российских крепостей на Сунже, Сулаке, и в Тарках. Однако после завершению очередной персидско-османской войны (1623-1639 гг.) Персия ужесточает свою политику по отношению к России в регионе. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы отдать Дагестан в сферу российского влияния.

На некоторое время дагестано-российские отношения осложнились в начале 50-х годов XVII в. из-за принятия под свое покровительство ногайцев (улусы Чебака Иштерекова, Шатемира и др.), откочевавших на территорию плоскостного Дагестана в связи с угрозой со стороны калмыков, а так же из-за вынужденного участия дагестанских владетелей в организованном шахом Аббасом II в 1652-53 гг. походе персидских войск на Сунженский городок с целью вытеснения российских войск с Терека.

В ходе длительной борьбы держав за влияние в регионе, местные лидеры могли наблюдать и оценивать не всегда последовательную их политику, порою невыполнение обещаний и гарантий, данных горским владетелям, даже если последние принимали номинальное подданство. В то же время стремление не допустить реального господства одной из держав в регионе толкало дагестанских князей к политике лавирования между ними с использованием противоречий этих держав, что приносило свои политические результаты.

Безусловно, на установлении доверительных отношений между владетелями Дагестана и правителями России в XVII в. существенно сказалось затишье после похода царских войск 1604-1605 гг. Наступил наиболее мирный период российско-дагестанских отношений, вследствие чего наблюдалось заметное расширение взаимных торгово-экономических и культурных связей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. С привлечением материалов и разработок Д.М. Атаева. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. – 176 с.

2. *Айтберов Т.М.* Закавказские аварцы: этнос, государственность, законы (VIII – начало XVIII в.). Ч. 1. – Махачкала, 2000. – 196 с.

3. *Алиев Б.Г.* Союзы сельских обществ Дагестана XVIII – в первой половине XIX. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). – Махачкала: Изд-во тип. ДНЦ РАН, 1999. – 339 с.

4. *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Историческая география Дагестана в XVII – начале XIX в. – Махачкала: Изд-во тип. ДНЦ РАН, 1999. – 366 с.

5. *Бакиханов А.К.* Гюлистан-и Ирам / Под ред. З.М. Буниятова. – Баку: Элм, 1991. – 314 с.

6. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. I. (1518-1613 гг.). – М.: Университетская тип., 1889. – 715 с.

7. *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские терекеменцы XIX – начало XX вв. Историко-этнографическое исследование – М.: Наука, 1990. – 216 с.

8. *Иванов М.С.* Очерки истории Ирана. – М.: Госполитиздат, 1952. – 467 с.

9. История Дагестана. Т. I. – М.: Наука, 1967. – 433 с.

10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988. – 554 с.

11. Кабардино-русские отношения в XVI-XVII вв. Документы и материалы в 2-х томах. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1957. Т. I. – 478 с.

12. *Курбанов А.Д.* Государственные образования лаков в средневековье. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. – 176 с.

13. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. – 372 с.

14. *Магомедов Р.М.* Россия и Дагестан. Страницы истории. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. – 127 с.

15. *Олеарий А.* Описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию / Пер. А.М. Ловягина. – СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1906. – 474 с.

16. Очерки истории Дагестана Т. I. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. – 392 с.

17. *Петрушевский П.И.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. – Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1949. – 182 с.

18. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. – Махачкала: Типогр. Даг. ФАН СССР, 1964. – 279 с.

19. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 77. 1674. – Оп. 1. – Д. 1.

20. Русско-дагестанские отношения XVII – первой половины XVIII в.: Документы и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. – 336 с.

21. *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. – Махачкала: Типогр. Даг. ФАН СССР, 1973. – 250 с.

22. *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). – Махачкала: Типогр. Даг. ФАН СССР, 1969. – 251 с.

УДК 271.2-9(470.47) DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-38-48

ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СРЕДИ ИНОРОДЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКОВ)*

М.С. ГОРЯЕВ
А.Б. ЛИДЖИЕВ

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»
35800, РК, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: mergengoryaev@mail.ru, juwali@mail.ru

Аннотация. Формирование России как полиэтнической империи требовало от власти политики, которая бы обеспечила интеграцию входящих в нее народов, господство центростремительных тенденций, прочность ее государственного единства. В качестве одного из важных средств достижения успеха такой политики власть рассматривала обращение в православие нехристианских народов, в том числе и калмыков. Исторический опыт миссионерской деятельности Русской Православной церкви среди нехристианских народов до сих пор еще не получил своего исчерпывающего всестороннего исследования и ее изучение уже само по себе представляет актуальную задачу исторической науки. Вопросами, связанными с историей расселения калмыков по территории России, политикой государства в отношении них, процессом их христианизации занимались, начиная с XVIII в. и особенно в XIX в., многие российские ученые, деятели Православной церкви, а также представители чиновничества. При общности мировоззренческих позиций в подходе к данным вопросам их видение проблем и оценки порой могли различаться, что в немалой степени определялось спецификой их деятельности, конкретными целями, которые преследовали представители каждой из этих групп. Различно и время обращения их к указанным вопросам, что отражает разновременность возникновения достаточно тесных и постоянных контактов с калмыками.

Ключевые слова: Российское государство; Калмыцкая степь; Русская Православная церковь; миссионерство; христианизация; историография.

HISTORIOGRAPHY OF ACTIVITY OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AMONG ALLOGENEOUS PEOPLES (BY THE CASE OF KALMYKS)

M.S. GORYAEV
A.B. LIDZHIYEV

FSBEI HE «The Kalmyk state university of B.B. Gorodovikov»
35800, KR, Elista, Pushkin St., 11
E-mail: mergengoryaev@mail.ru, juwali@mail.ru

Abstract. The formation of Russia as multiethnic empire demanded from the power of policy which would provide the integration of its member Nations, the dominance of centripetal tendencies, the strength of its state unity. As one of the most important means to the success of such

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-01-00327 «Русская православная церковь: миссионерская деятельность и культура калмыков».

policy the government considered the conversion to Christianity of non-Christian peoples, including the Kalmyks. The historical experience of missionary activity of Russian Orthodox Church among the non-Christian people still hasn't received the exhaustive comprehensive research yet and its studying already in itself is a relevant problem of historical science. Beginning 18th century and especially in the 19th century many Russian scientists, figures of Orthodox church and also representatives of officials were engaged in the questions connected with history of resettlement of Kalmyks across the territory of Russia, policy of the state in regard for them, the process of their Christianization. At community of world outlooks in approach to these issues their vision of problems and assessment could differ. It was defined by specifics of their activity, specific goals which were pursued by representatives of each of these groups. It is variously time of their appeal to the specified questions that reflects different times of the emergence of close and regular contacts with Kalmyks.

Key words: The Russian State; Kalmyk steppe; the Russian Orthodox Church; missionary work; Christianization; historiography.

Четыреста лет тому назад калмыцкий народ определился со своим будущим, войдя в состав Российского государства и навечно связав себя с его историей. Формирование России как полиэтнической империи требовало от власти такой политики, которая обеспечивала бы интеграцию входящих в нее народов, господство центростремительных тенденций, прочность ее государственного единства. И в качестве одного из важных средств достижения успеха такой политики рассматривалась миссионерская деятельность Русской Православной церкви, направленная на крещение нехристианских народов-инородцев, в том числе и калмыков.

Исторический опыт миссионерской деятельности РПЦ среди инородцев до сих пор еще не получил своего исчерпывающего всестороннего исследования. Это в полной мере относится и к истории христианизации калмыков. Поэтому ее изучение уже само по себе представляет актуальную задачу исторической науки. Вопросами, связанными с историей расселения калмыков по территории России, политикой государства в отношении них, процессом их христианизации занимались, начиная с XVIII в. и особенно в XIX в., многие российские ученые, деятели Православной церкви, а также представители чиновничества.

При общности мировоззренческих позиций в подходе к данным вопросам их видение проблем и оценки порой могли различаться, что в немалой степени определялось спецификой их деятельности, конкретными целями, которые преследовали представители каждой из этих групп. Различно и время обращения их к указанным вопросам, что отражает разновременность возникновения достаточно тесных и постоянных контактов с калмыками.

История крещеных калмыков Поволжья и Южного Урала до недавнего времени не являлась объектом специального монографического исследования и была представлена только небольшими научными статьями и работами. Что хорошо показано «Библиографическом указателе работ по истории ойратов и калмыков с древнейших времен до 1917 года», включаем более ста книг и статей, затрагивающих историю ставропольских и оренбургских калмыков [1].

Историография истории крещенных калмыков в соответствии с принятой в современной периодизации подразделяется на три периода: дореволюционный, советский и современный российский. Каждый из них имеет свою специфику, которая определяется господствующей идеологией, уровнем развития науки и методов научного исследования, образованностью и профессиональными навыками исследователей, полнотой и достоверностью источников.

Начало исследованию истории и культуры калмыцкого народа положили в XVIII в. участники академических экспедиций, организованных Петербургской Академией наук в регионах Урала, Поволжья, Сибири, Северного Кавказа. Труды участников этих экспедиций – И.Г. Георги, П.С. Палласа, И.И. Лепехина заложили новое направление в российской науке – калмыковедению [8; 17; 22]. Их работы и сегодня представляют определенный интерес: труды дореволюционных авторов, современников и участников событий, сегодня рассматриваются и как историко-литературное наследие, и как источниковый материал.

Основоположником в изучении поселений крещеных калмыков в Оренбургской губернии Российской империи считается П.И. Рычков, первый историк Южного Урала [23]. В своей «Топографии Оренбургской» он рассматривает вопросы переселения части астраханских калмыков и их христианизацию как обязательное условие для права на жительство при Оренбургской и Ставропольской крепостях. Автор описывает образ жизни, быт, промыслы и занятия крещеных калмыков и в тоже время, его труд, в основном, сводится к цитированию правительственных указов и документов, исходящих из канцелярии оренбургского губернатора.

Таким образом, вклад участников академических экспедиций неоценим, во время путешествий им удалось собрать богатейший этнографический и лингвистический материал о населяющих страну народах, в том числе и о калмыках. Опубликованные материалы экспедиций содержат немало ценной информации о быте, образе жизни, хозяйственной деятельности, языке и религии калмыков.

В первой половине XIX в. внимание исследователей было сосредоточено не столько непосредственно на распространении православия среди калмыков, сколько на изучении их традиционной религии, степени влияния буддийского духовенства. Этому были посвящены труды Н. Страхова, Н. Нефедьева, Ф. Бюлера, П. Небольсина, в том числе и в связи с предпринимавшимися правительством мерами по сокращению численности буддийского духовенства [7; 19; 20; 25]. Эти меры, по их мнению, должны были помочь миссионерам в борьбе с «идолопоклонничеством» и тем самым способствовать восприятию калмыками европейской науки

Среди работ первой половины XIX в. выделяется исследование Н.Я. Бичурина, русского востоковеда, основоположника научного китаеведения, участника русской духовной миссии в Пекине [5]. В своей работе автор, безоговорочно доверяя китайским источникам, ошибочно утверждает, что «… первое сведение о христианстве у них встречается в шерти 1683 г.» [5, с. 104].

На самом деле, шерть 1683 г. лишь закрепила факт христианизации калмыков, отмеченных в шертях 1673, 1677 гг.

Во второй половине XIX в. вышла обстоятельная работа А.А. Бобровникова «Очерк религиозного состояния калмыков» [6], в которой автор исследовал причины, препятствовавшие христианизации кочевников. Во-первых, это склонность калмыков «вовсе не думать о религии» [6, с. 498]. Во-вторых – их мнение о том, что «калмык перестанет быть калмыком, когда отстанет от своих древних суеверий и привычек» [6, с. 499]. В-третьих – это отношение к христианизации степной светской и религиозной аристократии - нойонов, зайсангов и буддийского духовенства. Кроме того, и сами калмыки-простолюдины «смотрели на крещение как на измену … владельцу и имеют понятия о крещеных … как о негодяях» [6, с. 501].

Однако, автор был уверен, что эти препятствия можно устранить просвещением калмыков и переводом крещеных в оседлое состояние.

Ученый-монголовед А.М. Позднеев ввел в научный оборот обширный фактический материал, почерпнутый из широкого круга источников монгольских, китайских, персидских, издавал оригинальные тексты калмыцких исторических памятников и их переводы на русский язык. Он сочетал научную работу с научно-практической экспедиционной деятельностью, основной целью которых было изучение духовного и общественного быта калмыков, а также приобретение калмыцкой литературы и предметов религиозного культа. Условием успеха христианизации калмыков он считал преподавание родного языка в народных школах, особенно в младших классах: «… каждое русское слово должно быть объяснимо детям на их родном языке, только прослушав эти толкования, ученики вполне основательно поймут и усвоят их содержание на русском языке …». Кроме того, он предлагал изменить систему образования и издавать учебные пособия для учащихся калмыков [13]. Будучи сторонником и проводником официальной идеологии и государственной политики, он не мог не преувеличивать заслуги правительства по охране и защите калмыков.

Таким образом, труды ученых дают ценный этнографический материал, содержат важные сведения о процессе христианизации калмыков. Будучи людьми проправославно ориентированными, они объективно оценивали ставшую традиционной буддийскую религию. При этом они подчеркивали позитивный потенциал православия не только как несущего «свет истины», но и способствующего переходу людей от кочевого образа жизни к более совершенному – оседлому.

Важное место в историографии истории калмыков занимают работы государственных чиновников, по долгу службы освещавшие разные стороны их жизни, в том числе и процесс христианизации.

В 1761 г. секретарь Калмыцких дел при Коллегии иностранных дел В.М. Бакунин составил «Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев» [2]. Автор подробно, на основании архивных материалов Коллегии иностранных дел, личных контактов с калмыками, описал события, происходившие в Калмыцкой степи

Астраханской губернии в XVIII в. и в особенности борьбу за престол, разгоревшуюся после смерти Аюки хана в 1724 г.

В.Н. Татищев, руководитель калмыцких дел, астраханский губернатор, являлся убежденным сторонником просвещения народов России. В своей статье «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» он высказывается о необходимости крещения и обучению русскому языку, которые сделают калмыков настоящими православными и приведут к оседлости [26].

В 1869 г. попечитель Казанского духовно-учебного округа П.Д. Шестаков опубликовал статью «Некоторые сведения о распространении христианства среди калмыков», в которой дал некоторое описание деятельности первых миссионеров среди калмыков. В числе прочих он упоминаете об отце Никодиме (Ленкеевиче), его усилиях в переводческой практике христианской литературы на калмыцкий язык. Автор выступает за открытую проповедь православия среди калмыков-кочевников, причем исключительно на калмыцком языке, что несомненно даст положительный результат [27, с. 142].

В конце XIX столетия бывший Главный Попечитель калмыцкого народа К.И. Костенков, на основании собранных сведений о количестве и положении калмыцкого духовенства, дополненных данными, предоставленными местными чиновниками, издал статью «О распространении христианства у калмыков» - первую крупную работу столетия, обобщившую сведения о христианизации калмыков за предыдущее время [16, с. 122]. При этом, он был сторонником «гибкой и осторожной» формы миссионерской просветительской деятельности.

В другой своей работе он описал расселение крещеных калмыков Моздокского казачьего полка и указал причины неудачи православной миссии среди калмыков – большое влияние на народ буддийского духовенства и слабая организация православной миссии [15].

В этом же контексте опубликовал в Ставропольских губернских ведомостях статью И.В. Бентковский, член Ставропольского статистического комитета, в которой оценил обращение калмыков в православие как акт «формальный, не повлиявший на их приверженность буддизму» [4].

Таким образом, труды представителей чиновников, непосредственных участников событий, являются ценными источниками для изучения истории крещения калмыков. Приведенные материалы помогают осмыслить политику правительства по отношению к принявшим православие, становятся очевидными его мероприятия по отселению в другие регионы страны, основанию православной миссии среди калмыков, что конечно же важно для понимания и осмысления политики христианизации кочевого народа Нижнего Поволжья.

Среди работ, посвященных христианизации калмыков, нельзя не упомянуть и работы представителей Русской Православной церкви, миссионеров и священников.

Так, в 1878 г. на страницах «Астраханских епархиальных ведомостей» была опубликована статья П.А. Смирнова, священника и миссионера Николаевской походно-улусной церкви, который на основании архивных материалов Управления калмыцким народом, личных наблюдений изложил

историю христианизации калмыков, обстоятельства основания походно-улусной церкви [24]. В частности, он считал, что для обращения калмыков в православие богослужение необходимо вести на их родном языке, а детей обучать грамоте.

В 1883 г. Ф.М. Юштин, секретарь Астраханской духовной консистории коллежский советник, в статье «Обзор мероприятий к распространению христианства между калмыками», дал анализ политике российского правительства по христианизации калмыков за столетие - с 70-х годов XVII в. до 1871 г., т.е. до открытия Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества. Главной канвой его исследования является постулат, что разнообразные меры, направленные на просвещение калмыков, не дали ожидаемого результата из-за «… отсутствия энергии у правительственных деятелей, малоопытности православных пастырей, влияния калмыцкого духовенства и владельцев …» [28, с. 2, 3].

Иеромонах Мефодий в своей работе «Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии», подготовленной на основе личных наблюдений, материалов губернского статистического комитета, Андреевского братства и канцелярии Главного Пристава кочующих народов Ставропольской губернии, анализируя неудачи политики правительства по христианизации калмыков, отмечал, что «… нойоны и зайсанги сильно тормозят дела миссии, всячески удерживая своих подчиненных сородичей от принятия христианства из своекорыстных целей …» [18, с. 110]. По мнению автора, правительству необходимо было разработать законодательную базу, закон, который бы уничтожил личную зависимость простолюдинов-калмыков от владельцев. Это должно был бы ускорить процесс христианизации, в то время как нойоны и зайсанги, лишившись власти над своими подвластными, больше не могли бы препятствовать их крещению.

В 1898 г. вышла в свет книга миссионера, помощника попечителя улуса и заведующего делами новокрещеных калмыков Я.П. Дубровы «Быт калмыков Ставропольской губернии» [11]. В ней автор отмечает активную противодействие буддийского духовенства миссионерской деятельности РПЦ, его борьбу за свою паству и точно оценивает саму суть политики христианизации - «… крещение их было только благовидным предлогом, за которым и скрывалась настоящая цель, именно чтобы калмыки как отдельная нация перестала существовать …» [18, с. 110].

Среди работ XX в. следует выделить фундаментальный труд архимандрита Гурия (Степанова) «Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен», в основу которого были положены статьи автора, посвященные православной миссии среди калмыков [9]. В них автор дает широкий анализ христианизации калмыков, расселенных в различных регионах России, начиная с единичных случаев принятия ими православия с конца XVII в. и до начала XX в. На основе обширных источников – законодательных актов, статистических материалов, трудов ученых-путешественников, Гурий рассмотрел и описал организация первой православной миссии в ставке нойона Баксадая Доржи (П. Тайшин),

переводческую деятельность, первые школы для детей калмыков, крещение калмыков отдельными приходскими священниками, основание миссионерских станов в Калмыцкой степи и т.д. Анализируя факторы, стимулировавшие переход калмыков в православие, автор указывает на льготы, привилегии, предоставляемые новокрещеным властями, на освобождение их от наказаний и уголовной ответственности. Более действенным, на его взгляд, путем к христианизации является формирование положительного отношения к христианству калмыцких духовных лиц и знати – нойонов и зайсангов. Наиболее же надежным путем христианизации калмыков, по его убеждению, является просвещение народа, поэтому школы должны были стать доступными их детям.

Историю христианизации донских калмыков освещали, в основном, православные миссионеры, статьи которых публиковались на страницах газет и журналов. В дальнейшем на страницах Донских епархиальных ведомостей печатались материалы о жизни крещеных. В то же время, поселение крещеных калмыков в Чугуеве Харьковской области не стало предметом специальных исследований.

Таким образом, работы представителей православной церкви характеризуются идеализацией процесса христианизации как служащего просвещению народа «светом истины». Причины неуспешной реализации политики христианизации калмыков они видели в кочевом образе жизни, приверженности к традиционной религии и сопротивлении калмыцкого духовенства и аристократии. Все они придают большое значение развитию школьного образования, а точнее возлагали надежды на детей. Именно школьное просвещение, по их убеждению, является одним из действенных средств реализации политики христианизации и соответственно создаст условия для подготовки из их же среды православных миссионеров. Безусловной заслугой этих авторов является накопление фактического материала и введение в научный оборот новых источников.

Подводя итоги обзору публикаций дореволюционного периода, посвященных христианизации калмыков, необходимо отметить, что заслугой авторов книг и статей, участников академических экспедиций, ученых-востоковедов, представителей правительственной администрации и чиновников, деятелей церкви является, прежде всего, то, что они накопили большой фактический материал, ввели в научный оборот важные архивные и литературные источники. Ими была создана база для дальнейших углубленных исследований по данной теме, а будучи современниками, участниками описываемых событий и проводниками правительственного курса, они пытались анализировать успехи и причины неудач христианизации калмыков.

В советский период проблема христианизации калмыков вообще не разрабатывалась. Можно назвать лишь несколько работ, в которых затрагивались исторические события и темы, имеющие более или менее непосредственное отношение к исследуемой проблеме – это монографии Е.Ф. Грекулова «Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX – начало XX вв.»). М., 1969, это коллективный труд «Церковь в истории России (IX в. – 1917

гг.). Критические очерки». М., 1967, это коллективная монография «Русское православие: вехи истории». М., 1989 г. В них, исходя из идеологических установок, веяния времени, утверждалось, что миссионерская деятельность Русской Православной Церкви восприняла «все характерные черты русификаторской политики царизма, подавляла и разрушала национальные формы быта и культуры подчиненных ему народов для предотвращения или, по крайней мере, ослабления возможности их борьбы против угнетенного состояния».

В советской довоенной калмыковедческой литературе данная проблема вообще не ставилась, а в связи с депортацией калмыков в 1943 г. всякая научно-исследовательская работа была прекращена. Только с 1957 г., времени восстановления государственности калмыцкого народа, начались первые научные разработки по истории Калмыкии. Но темы буддизма, миссионерской деятельности Православной церкви среди калмыков не стали предметом специального исследования – они рассматривались фрагментарно лишь как материалы, иллюстрирующие те или иные эпизоды истории народа. В частности, в работах исследователей В.Ф. Ефремовой и В.У. Килганова деятельность православных миссионеров и миссионерские школы получили негативную оценку и утверждалось, что миссионерские школы были задуманы «… как орудие духовного порабощения трудящихся калмыков, как орудие подчинения их великодержавной царской власти, а стало быть, как орудие угнетения и эксплуатации народа Калмыкии ….» [12, с. 125; 14, с. 32].

Таким образом, советская литература оценивала христианизацию только как средство национально-колониальной политики государства среди нерусских народов Российской империи и их закабаления. Положительные стороны и результаты христианизации или недооценивались, или игнорировались.

Конец 80-х – начало 90-х годов XX в. – время коренных преобразований во всех сферах общественной жизни. Распад Советского Союза радикально изменил общество, в том числе его отношение к своей истории, культуре - этот период характеризуется национальным возрождением и духовным обновлением. Перемены проходили в условиях деидеологизации общества, пересмотра прежних оценок важнейших событий и процессов, смены концепций и подходов к собственной истории, происходит взрыв интереса к письменным памятникам. Опубликовано немало индивидуальных и коллективных монографий, в которых концепции перечисленных выше авторов подвергаются переоценке с учетом нового материала, извлеченного из разных фондохранилищ, в научный оборот вводятся новые факты.

Теме христианизации калмыков посвящено ряд публикаций, вышедших в последние годы. Это статьи и монографии С.С. Белоусова, Г.Ш. Дорджиевой, в которых прослеживается тенденция к объективной оценке деятельности православных миссионеров, обращается внимание на важность их просветительской деятельности, отмечается прогрессивное значение политики христианизации калмыков [3; 10]. Однако непосредственно данной проблеме посвящена только монография Г.Ш. Дорджиевой «Буддизм и христианство в

Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.)», где на богатом фактическом материале рассматривается религиозная политика русского правительства, осуществлявшаяся по двум основным направлениям – ограничение влияния буддийского духовенства и христианизация калмыков. Более чем скромные результаты христианизации автор объясняет тем, что православные миссионеры имели «… опытного и сильного противника в лице калмыцкого буддизма, который сам имел многовековой опыт контакта с иными религиозными системами …» [10, с. 67].

Работа С.С. Белоусова посвящена организации, становлению и развитию церковно-приходской системы в Калмыцкой степи Астраханской губернии в период с 1806 г. по 1917 г., подробно рассмотрено административное устройство приходов, освещена культурно-просветительская деятельность православного духовенства.

В XXI в. возобновилось прервавшееся в советский период изучение миссионерской деятельности Русской Православной церкви в районах компактного проживания калмыков. Более чем двухвековая история христианизации калмыков рассматривается в изданной в 2006 г. монографии К.В. Орловой, в которой автор исследует влияние христианизации на быт, культуру, просвещение, мировоззрение калмыков, принявших крещение, прослеживает эволюцию методов и форм миссионерской деятельности, неоднозначно оценивает ее результаты [21]. Особый интерес представляют сведения о крещении представителя ханской династии, нойона Петра Тайшина и действовавшей в его улусе первой православной миссии, а также созданной позднее, в Ставрополе на Волге, второй православной миссии.

Таким образом, отечественные ученые внесли определенный вклад в исследование истории христианизации калмыков, накопили богатый фактический материал. Историографический обзор позволяет сделать следующий вывод - в научной литературе не нашли отражение особенности миссионерской деятельности Православной церкви среди калмыков в контексте внутренней и внешней политики Российского государства, а также ее организация и проведение рядом церковных учреждений, прежде всего, Православным миссионерским обществом; история миссионерской деятельности Русской Православной церкви, политика русского правительства, направленная на крещение калмыков-кочевников может и должна рассматриваться как неотъемлемая часть общероссийской истории, в контексте государственной политики аккультурации, т.е. процессе взаимодействия и взаимопроникновения различных систем политических ценностей и противостоящему ей стремлению калмыков сохранить свою идентичность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева П.Э.* Библиографический указатель работ по истории ойратов и калмыков с древнейших времен до 1917 года. – Элиста: Джангар, 2004. – 432 с.

2. *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутовского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. – Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1995. – 153 с.

3. *Белоусов С.С.* Православные приходы в Калмыкии в XIX – начале XX вв. (1806-1917 гг.). – Элиста: АПП «Джангар», 2003. – 160 с.

4. *Бентковский И.В.* Материалы по истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские так называемые крещеные калмыки // Ставропольских губернских ведомостей. – 1880. – № 35. – С. 1-2; – № 38. – С. 1-2; – № 42. – С. 1-2.

5. *Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV в. до настоящего времени. – Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1991. – 128 с.

6. *Бобровников А.А.* Очерк религиозного состояния калмыков // Православный собеседник. – 1865. – Т. 17. – № 5. – С. 334-352; – № 8. – С. 401-510.

7. *Бюлер Ф.А.* Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. – 1846. – Т. 47. – № 7. – С. 1-28. – № 8. – С. 59-125; – Т. 48. – № 10. – С. 58-94; – Т. 49. – № 11. – С. 1-44.

8. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – Спб.: При Имп. Акад. наук, 1799. – Ч. 4. – 385 с.

9. *Гурий (Степанов)*. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. – Казань: Центральная типография, 1915. – Т. 1. – Ч. 1. – 254 с.; – Ч. 2. – 700 с.

10. *Дорджиева Г.Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII - начало XX вв.). – Элиста: АПП «Джангар», 1995. – 126 с.

11. *Дуброва Я.П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1980. – 180 с.

12. *Ефремова В.Ф.* Из истории просвещения дореволюционной Калмыкии // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – 1968. – № 3. – С. 125-138.

13. Записка о преобразовании учебной части у калмыков Астраханской губернии / Сост. проф. А. Позднеев. – СПб.: Берман и Рабинович, 1889. – 98 с.

14. *Килганов В.У.* Становление школьного образования в Калмыкии. – Элиста: Калмиздат, 1968. – 67 с.

15. *Костенков К.И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. – СПб.: Тип. Н. Нусвальта, 1870. – 170 с.

16. *Костенков К.И.* О распространении христианства у калмыков // Астраханские епархиальные ведомости. – 1892. – №13.

17. *Лепехин И.И.* Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1821. – Т. 3. – С. 119-365.

18. *Мефодий (Львовский Н.).* Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы. – Ставрополь: типо-лит. Т.М. Тимофеева, 1898. – 172 с.

19. *Небольсин Н.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. – СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. – 192 с.

20. *Нефедьев Н.А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. – СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. – 286 с.

21. *Орлова К.В.* История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. – М.: Восточная литература, 2006. – 207 с.

22. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1809. – Ч. 2. – 657 с.

23. *Рычков П.И.* Топография Оренбургская, то есть Обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. – СПб.: При Имп. АН, 1762. – Ч. 1. – 331 с.

24. *Смирнов П.А.* О походно-улусных церквах для калмыков, кочующих в Астраханском крае // Астраханские епархиальные ведомости. – 1878. – № 25. – С. 378-382; – № 26. – С. 391-394; – № 28. – С. 425; – № 29. – С. 439-443; – № 31. – С. 467-474; – № 32. – С. 484-490; – № 33. – С. 497-502.

25. *Страхов Н.И.* Нынешнее состояние калмыцкаго народа, с присовокуплением Калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их Веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. – СПб: Типография Шнора, 1810. – 97 с.

26. *Татищев В.Н.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Собрание сочинений. Т. VIII. Работы разных лет. – М.: Ладомир, 1996. – С. 51-132.

27. *Шестаков П.Д.* Некоторые сведения о распространении христианства среди калмыков // Журнал Министерства народного просвещения. – 1869. – Ч. 145. – № 10.

28. *Юштин Ф.М.* Обзор мероприятий к распространению христианства между калмыками // Астраханские епархиальные ведомости. – 1883. – № 21-24.

УДК 94(47).073(479) DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-49-63

УЧАСТИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ*

А.В. ВЕНКОВ

ФГБУН Южный научный центр Российской Академии наук. (ЮНЦ РАН)
Российская Федерация, 344025. г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена участию донских казаков в боевых действиях на Северном Кавказе в XVIII-XIX столетиях. Показано, как на основе донского казачества был сформирован основной контингент казаков на кавказской Линии. Строительство крепостей и, вместе с ним, продвижение казаков на Кавказ шло по линии Волги и Терека, от берегов Каспийского моря на северо-запад, а затем, с конца XVIII столетия, от Таманского полуострова, с запада на восток. Пока формировались новые казачьи войска непосредственно на границе, границу охраняли и вели боевые действия против восстававшего населения Северного Кавказа донские казаки. Показаны особенности службы казаков на Кавказе, их роль в Кавказской войне, тяготы службы в незнакомом климате. Показаны потери казаков в ходе описываемых событий.

Ключевые слова: казаки; Кавказ; Кавказская война; граница; набег; крепость.

THE PARTICIPATION OF THE DON COSSACKS IN THE CAUCASIAN WAR

A.V. VENKOV

FSBIS Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (SSC RAS)
Russian Federation, 344025, Rostov-on-Don, st. Chehova, 41
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to participation of the Don Cossacks in the hostilities in the North Caucasus in XVIII-XIX centuries. It is shown how the main contingent of Cossacks on the Caucasian Line was formed on the basis of the Don Cossacks. The construction of fortresses and, together with it, the advancement of the Cossacks in the Caucasus, followed the line of the Volga and the Terek, from the shores of the Caspian sea to the North-West, and then, at the end of the XVIII century, from the Taman Peninsula, from West to East. While a new Cossack troops were formed directly on the border, the Don Cossacks continued to guard the border and fight against a rebel population of the North Caucasus. The features of the Cossacks service in the Caucasus, their role in the Caucasian war, the hardships of service in an unfamiliar climate are shown. The losses of the Cossack troops during these events are also described.

Key words: cossacks; the Caucasus; the Caucasian war; the border; the foray; the fortress.

* Статья написана при поддержке Гранта РНФ № 17-18-01411 «Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

Историография Кавказской войны прошла сложный путь становления, однако на всем его протяжении находилась под идеологическим прессом. Оценки войны колебались от «борьбы европейского культурного начала с азиатским варварством» до побочного эффекта процесса «добровольного вхождения народов Кавказа» в состав Российской империи, и в итоге очень многие вопросы, связанные с Кавказской войной, до сих пор являются дискуссионными.

Сам характер действий вооруженных сил Российской империи на Кавказе в процессе установления здесь власти «метрополии» является одной из важнейших проблем истории присоединения Кавказа к России. Однако еще в начале века было отмечено, что слабо исследована военная субкультура, нет работ, в которых вооруженные силы изучались бы с позиций исторической антропологии [16]. В то же время существуют и обилие письменных источников, и «обычные» мемуары участников событий, в которых видны и личностное отношение к событиям и масса деталей, бесценных для специалистов истории повседневности.

Со своей стороны, процессы возрождения казачества на Юге России, тоже достаточно политизированные, возродили интерес к роли казаков в Кавказской войне. И этот интерес может быть удовлетворен в том числе и за счет огромного пласта документов, хранящихся в местных архивах (ГАРО, например).

Донские казаки принимали участие в военных действиях на Кавказе задолго до общепринятого времени начала Кавказской войны (1817 г.). Сначала это были обычные набеги. Не зря одна из глав в многотомном исследовании В.А. Потто «Кавказская война» называлась «Донские гулебщики» [21, с. 114-124].

К концу XVII века на Юге России сложилась система пограничных укреплений, в которую донские казаки пока не вписывались. С одной стороны, они действительно прикрывали часть границы – вели патрулирование около турецкого Азова и пытались перекрыть на Среднем и Верхнем Дону пресловутую «Ногайскую дорогу». Но с другой стороны, они занимались морским разбоем в Азовском, Черном и Каспийском морях, из-за чего постоянно обострялись русско-турецкие и русско-иранские отношения.

Петр I после взятия Азова (1696 г.) стал жестко пресекать морской разбой донских казаков и пытался создать на Азовском берегу новую систему укреплений. Однако он проиграл войну с турками в 1711 году, и продолжил постепенное продвижение пограничных укреплений вниз по Волге к югу от старой пограничной черты, но все еще севернее и восточнее территории донских казаков.

Новые укрепления, заселявшиеся донцами, казалось, стремились сомкнуться с укреплениями гребенских казаков, находившихся в низовьях Терека.

В 1716 году была построена Новохоперская крепость «для удержания набегов татар» [14, с. 39]. «В 1717 году при построении Новохоперской

крепости переведены были туда на жительство несколько сотен донских казаков, которые первоначально составляли гарнизон крепости» [14, с. 36].

Новохоперская крепость находилась гораздо севернее места основных жилищ донских казаков, но именно из этого укрепления начали донские казаки новый «бросок» на юг. В 1718-1720 гг. по повелению Петра I создается Царицынская сторожевая линия между Доном и Волгой. Линию предполагалось заселить донскими казаками.

Методичное продвижение на юг по степи вдоль Волги в 1722 году сменилось открытой попыткой завоевания Кавказа. Это стало одной из задач Персидского похода Петра Великого в 1722-1723 гг.

Донское войско выставило в этот поход 2 тысячи казаков, которые участвовали во взятии крепости Тарки в устье Терека. Донской походный атаман Краснощеков с 1 000 казаков и 4 тысячами калмыков первым напал на наместника Дербента, разорил и пожег селения горцев, после чего Дербент сдался без сопротивления.

К этому же времени, к 1722 году, чеченские исследователи относят «вторую карательную экспедицию донских казаков против чеченцев на Сунжу и Аргун по указу Петра I». Первую такую карательную экспедицию они датируют 1718 годом [27].

Донские казаки участвовали во взятии Баку в 1723 г., а в октябре 1725 г. в новом походе генерала Кропотова против шамхала Тарковского Адиль-Гирея, который закончился повторным взятием и разорением Тарков и ссылкой Адиль-Гирея в Архангельскую губернию.

Тогда же, в 1722 году, многие терские казаки переселились на реку Сулак и образовали там Аграханское войско (по реке Аграхань). В 1724 году сюда по жребию «без всякого отрицательства и роптания отправили» 1000 семей с Дона [24, с. 155]. Так началось подкрепление терских казаков донскими.

Это было естественно, сравнивая численность казаков на Дону и на Тереке. В конце царствования Петра I иррегулярное войско России состояло из 10 малороссийских полков, в которых насчитывалось 60 тысяч человек; 5 слободских казацких полков – 16 тысяч человек; донские казаки получали жалование на 14266 человек, яицкие – на 3195 человек, терские – на 1800, гребенские – на 500, чугуевские – на 214 [26, с. 461].

В 1732 году последовал новый шаг методичного продвижения на юг вниз по Волге – набранные по жребию донские казаки образовали Волгское казачье войско, которое контролировало течение Волги между Царицыном и Астраханью, чтобы пресечь самовольный переход через Волгу кочевых народов.

Одновременно шло продвижение казаков вверх по Тереку. В 1736 в районе Кизлярской крепости создали два войска: Терско-Кизлярское из терских казаков и Терско-Семейное – из переселившихся донцов (аграханцев). Укрепления по Тереку в 1739 году образовали Кизлярскую укрепленную линию. В 1746 году два войска под Кизляром объединились и создали Гребенское казачье войско (в 1755 они опять разделились).

После того как в XVII и XVIII вв. казаки и русские войска несколько раз

брали Азов, а сами казаки были полностью подчинены России (после поражения Булавинского восстания), граница продвинулась южнее. К середине XVIII века система русских укреплений начала строиться в низовьях Дона, прямо на землях донских казаков. Крепость Св. Дмитрия Ростовского (Ростов-на-Дону), крепость Св. Анны были возведены, «зажав» меж собой столицу донских казаков Черкасск. Здесь донские казаки держали границу по Манычу (от ногайцев и черкесов) и по Миусским лесам (от крымских татар). Пограничные разъезды ходили по левому берегу Дона под Черкасском.

Степь между Доном, Манычем, Кубанью и Тереком считалась ничейной территорией. Оттуда продолжались набеги крымских татар и ногайцев на донские станицы. Так, в 1734 крымские татары, азовские турки и кубанские татары совершили разорительные набеги на земли донских казаков, на Бахмут и на земли Полтавского полка. Донцы отвечали «всеобщими походами», то есть ответными набегами. Эти набеги были главной составляющей казаче-горского и казаче-татарского конфликта в XVIII – начале XIX столетия.

Число казаков, несущих службу на Дону в первой половине XVIII века, оставалось неизменным. В 1718 году их было 15713 [23, с. 12], а в 1756-м – 15734 [25, с. 38]. С такими силами можно было удерживать лишь небольшую территорию. Тем не менее, ежегодно с Дона на службу в другие места империи отправляли 3400 казаков, которые, отслужив 3-4 года, возвращались домой и ждали следующей очереди, и каждые два года сменная команда в тысячу донских казаков (2 полка) отправлялась стоять гарнизоном в Кизляре. Границу по Тереку от Кизляра до Каспийского моря удерживали гребенские казаки. На удерживаемой казаками территории постоянно шли столкновения с татарами. Так, в 1733 году «при походе с Дону на Сулак Ивана Фролова с донской командою, крымцы… оную донскую команду окружили и взяли в плен атамана Фролова. А команду несколько дней при Куме держали в осаде и могли бы ее взять, но кабардинцы, получа о том известие, всеми силами выходили к тем казакам на помочь и их оборонили, а потом и атамана Фролова из полону выручили»[11, с. 148].

У донских казаков к тому времени сложилась особая тактика охраны границы – они пропускали врага на русскую территорию, а на обратной дороге нападали на обремененного полоном и добычей противника. Часть (а зачастую и большая часть) отбитой добычи, таким образом, естественно, оставалась у казаков. Попытки действовать таким же образом на «ничейной» территории давали сбои. Так, в 1733 году на реке Куме полторы тысячи донских казаков под командованием атамана Краснощекова столкнулись с татарами, возвращавшимися с награбленным добром из Дагестана. Но на беду донцов и Краснощекова с татарами были казаки-некрасовцы и 10 тысяч калмыков хана Дондук-Омбо. Краснощеков был окружен. Однако кабардинский князь Магомед (Бомат) Кургокин, тесть хана Дондук-Омбо, подошел со своим войском и уговорил своего зятя уйти вместе с татарами и некрасовцами [11, с. 148].

Прикубанье и предгорья Кавказа неизменно становились театром военных действий во всех русско-турецких войнах. Между войнами и во время

военных действий здесь шло строительство укреплений. В 1763-1769 гг. путем продвижения казаков и регулярных войск вверх по Тереку была создана Моздокская укрепленная линия.

В 1770 году на Кавказ прибыли 100 семей с Дона из Луковской станицы. Среди них были артиллеристы, и они стали создавать на Тереке войсковую артиллерию. Тогда же, в 1770 году, 517 семейств из состава Волжского войска (бывшие донские казаки) были переселены к Моздоку и помещены в пяти станицах по левому берегу Терека, между Моздоком и гребенским войском. Они образовали Моздокский полк, во главе которого был поставлен вместо войскового атамана полковой командир. В 1777 году в состав полка были включены 200 семей калмыков, принявших православие (они вскоре вернулись в буддизм).

С началом новой русско-турецкой войны, ситуация на Дону, невзирая на победы, осложнилась.

В 1770 году из Бессарабии на Кубань пришла присягнувшая России на верность ногайская орда. Ногайцы некоторое время контролировали степь между Доном, Манычем и Кубанью, поскольку калмыцкий хан, ранее здесь кочевавший, вскоре, во время Пугачевского восстания, изменил России и ушел за Волгу. Попытки ногайцев отложиться от России в 1774 году пресеклись у Калалаха, на стыке современных Ставропольского края и Ростовской области. Преследуя разбитых ногайцев, казаки доходили до Кубани.

1777 начато сооружение Азово-Моздокской линии, задачей которой было перегородить степь и окончательно пресечь набеги со стороны Кавказа и Кубани. Пограничные гарнизоны старых крепостей, расположенных севернее территории донских казаков, переводились на юг. «В 1777 г. из них (казаков Новохоперской крепости. – А.В.) составлен пятисотенный полк и переселен в Кавказскую область на Кубань, в том же году в состав полка поступили военнопленные персияне и несколько семейств мирных горцев» [14, с. 36].

Хоперские казаки были переведены на Азово-Моздокскую линию в 1778-1781 гг. Они были поселены в уездном городе Ставрополе, составили там Хоперский казачий полк. Казаки стояли в крепостях Донской (866 верст от Астрахани, 300 верст от Черкасска и 90 верст от Кубани), Московской и Северной «для содержания кордонного караула на Кавказской линии в предосторожность нечаянных набегов от живущих за оною линиею тамошних горских народов» [14, с. 33].

Генерал И.Л. Дебу, служивший на Кубани, писал, что в Хоперский полк «вошли вольные люди из донских казаков» [14, с. 35].

Население Кавказа сопротивлялось строительству укреплений. В 1782-1783 годы на Кавказской линии шли постоянные бои с «закубанцами» и чеченцами.

Каждый год с Дона на Кавказ посылали по 3-4 полка, которым предстояло отслужить там 2-3 года. Так, в 1782 году на два года на Кавказ были командированы полки Дмитрия Иловайского, Василия Орлова и Матвея Платова [1, с. 78] (два последних впоследствии – донские атаманы), «и битвы гремели на берегах Валерика, Гойты, Рошны и Гехи» [21, с. 128].

В 1786 году на Кавказ переводятся донские казаки из Волгского войска, ранее включенного в Астраханское. Сделано это было в контексте общей реформы. В 1786 году Гребенское, Терское-Семейное, Волгское и Терское казачьи войска и Моздокский казачий полк вместе с Хоперским казачьим полком получили общее название поселенных Кавказской линии казаков

Меняя названия, все эти казаки, переселенные на Терек, сохранили свои донские традиции. По свидетельству очевидцев, хоперские, моздокские и волгские казаки «одежду имеют как у донцов и вооружены штуцерами, саблями и дротиками. Они разводят лошадей преимущественно калмыцкой, а овец – малороссийской породы, занимаются охотой, сеют рожь, пшеницу, ячмень, овес…» [14, с. 34].

Обустройство на новом месте требовало времени, но восточная часть границы к этому времени была достаточно плотно прикрыта донцами, которые опирались на две крепости – Кизляр и Моздок.

В 1783 году была уничтожена ногайская орда. Казаки запрещали им подходить на 20 верст к Манычу, кочевать разрешали лишь по Егорлыку и Кагальнику, не ближе. После нескольких стычек в голодную зиму, решено было переселить ногайцев на Урал. Во время переселения на речке Ее ногайцы взбунтовались, повернули и стали прорываться на Кубань. Конвойные войска зажали их на переправе. Ногайские кибитки завязли, и степняки, порезав в отчаянии скот, порубив жен и детей, ушли налегке, верхом, укрылись за Кубанью [1, с. 82-83]. Вследствие этих событий донских казаков поднимали в «поголовный поход» против ногайцев, и 13 донских полков во главе с А.В. Суворовым между Лабой и Кубанью, у Керменчика, разгромили ногайскую орду[21, с. 112-113]. 4 тысячи ногайцев были проданы в рабство в Черкасске, столице донских казаков. Это последний зафиксированный случай работорговли на Дону[1, с. 83].

Считается, что с этого момента Дон перестал быть пограничной линией и «задремал, как старец, утомленный многолетними боевыми трудами» [21, с. 124].

В 1788 под руководством Суворова начала строиться Кубанская линия от Тамани до Ставрополя – 540 верст. Но начавшаяся война с турками (1787-1791) передвинула границу еще южнее. После 1791 года она стала проходить по Кубани

С перенесением границ России к предгорьям Кавказа русские вошли в соприкосновение с многочисленными народами, живущими в горах и на предгорьях, отличающимися друг от друга языком, культурой, верой, уровнем социального развития. С одними (кабардинцами) русские имели давние дружеские дипломатические и культурные связи, другие сразу же стали беспокоить новых соседей набегами. Одним из промыслов народов, находящихся на стадии родового строя, являлось наездничество, т.е. те самые «походы за зипунами», присущие казакам в XVI-XVII веках, и горская молодежь постоянно совершала набеги на соседние территории с целью грабежа.

Все это вынуждало русские власти строить систему связанных между собой укреплений от Каспийского до Азовского и Черного морей. Горцы не мирились со строительством крепостей на спорных территориях. Постоянно вспыхивали конфликты русских войск с целыми народами. В результате русские (особенно казаки) ходили в ответные набеги и еще тщательнее укрепляли границу. С целью закрепления территории правительство организует на линии казачьи поселения.

Генерал Р.А. Фадеев считал: «На Кавказе было бы невозможно управиться с горцами без заселения казаками передовых линий» [14, с. 37].

Генерал Гудович, командовавший на Кавказе, после заключения мира решил закрепить новую территорию и построить между Усть-Лабой и Белой Мечетью 12 новых станиц: 4 станицы заселить казаками Волгского полка, 3 – Хоперского, остальные 5 – донцами. Но время поджимало, волжские и хоперские казаки уже начали заселение в других местах, и Гудович решил обойтись одними донцами.

В феврале 1792 года вышел указ о поселении на Кубанской линии донских казаков в количестве 3000 семей из 6 донских полков. 3 донских полка к тому времени уже отслужили, но их не отпускали домой, хотели, чтобы они «выписали» свои семьи к себе на границу.

Донское войско к этому моменту за 40 лет (с 1756 года) выросло в 4 раза. Видимо, было налажено «естественное воспроизводство». На Дону в массовом порядке появились семьи. Всего на начало XIX века казачьего населения на Дону числилось 320 тысяч [3, с. 23]. В условиях натурального экстенсивного хозяйство уже чувствовалось перенаселение.

Однако попытки массового переселения донских казаков на отвоеванные земли после Ясского мирного договора провалились. Три полка взбунтовались и самовольно ушли с Линии, а потом было восстание нескольких станиц против переселения. Донцы взбунтовались, потому что переселяться их заставляли не по жребию, а всех скопом. Вспыхнул так называемый «Есауловский бунт» [21, с. 193-194].

После подавления «Есауловского бунта», переселение началось в 1794 году. Удалось отправить с Дона на Кавказ 1000 семейств (4700 душ обоего пола) вместо предполагаемых 3 тысяч казачьих семейств. Переселившиеся донцы образовали станицы Усть-Лабинскую, Кавказскую, Григориполисскую, Прочноокопскую, Темнолесскую, Воровсколесскую. Сами они были названы Кубанским казачьим полком и охраняли Линию от Усть-Лабинской до Урупа.

Вопрос прочного прикрытия границы решался переселением в 1792 году на Кубань черноморских казаков с территории Южной Украины.

Когда после войны с турками «черноморцев» стали переселять на Тамань и правый берег Кубани, их насчитывалось 7239 человек [18, с. 92], они создали 38 станиц по наименованиям 38 старых запорожских куреней (хотя реально сохранились 3 куреня). Но в реальности на постах созданной Черноморской линии от Тамани до Усть-Лабинской крепости в 1793 году границу охраняли 796, а в 1798 г. – 845 конных казаков [18, с. 85].

Большую часть (порой 90%) кордонных конных казаков составляли наемные казаки, служившие за своих хозяев [18, с. 85]. «Основную массу конницы Черноморского войска в первые десятилетия его существования составляли наемники, служившие за казаков-хозяев (наёмники – преимущественно престарелые, малолетние или «хворые» люди). Приток в войско различных беглых элементов, переселение в Черноморию огромного количества малороссийских казаков (фактически крестьян) определили наличие в войске большого количества малоподготовленных в военном отношении людей» [18, с. 113].

Переселившимся на Кубань черноморцам понадобилось очень много времени для акклиматизации. Не прекращавшиеся на границе стычки вызывали неизбежное сравнение черноморцев и других казаков, поселившихся на Линии, и это сравнение всегда было в пользу линейцев. «А.П. Ермолов, оставивший просто уничижительную характеристику Черноморского войска, писал, что линейцы «всегда отличались от прочих казаков особенной ловкостью, исправностью оружия и добротою коней»» [18, с. 112].. Но Кавказское линейное войско окончательно было образовано лишь в 1832 году из 5 полков терских казаков (Кизлярского, Терско-семейного, Гребенского, Моздокского и Горского), размещавшихся от устья р. Терек до Моздока, и 5 казачьих полков Азовско-Моздокской линии (Волгского, Кавказского, Ставропольского, Хопёрского и Кубанского).

Пока же к началу XIX в. линейцы не отличались особой многочисленностью. Тогда на Кавказе, помимо «черноморцев», компактно проживало несколько групп казачьего населения: Терско-Кизлярское войско, Терско-Семейное войско, Гребенское войско, Моздокский казачий полк, Моздокская горская казачья команда, Волгский, Хоперский и Кубанский казачьи полки. Войска эти выставляли на службу одних только казаков: Терско-Кизлярское – 108, Терско-Семейное – 400, Гребенское – 466, Моздокский полк – 1000, Моздокская горская казачья команда – 50, Волжский полк – 510, Хоперский – 519, Кубанский – 501 [17].

Чтобы усилить Кубанскую линию между Усть-Лабинской и Кавказской крепостями, сюда в 1803 году переселили оставшихся казаков упраздненного Екатеринославского казачьего войска. Войско создавалось М.И. Платовым, который в качестве костяка взял с собой 500 донских казаков. Личный состав для войска дали однодворцы, передвинутые на юг с Белгородской черты. Остатки войска состояли из 3277 казаков, из них был создан Кавказский казачий полк.

Удержать силами казаков-переселенцев территорию от Устья Терека до Устья Кубани было невозможно, и на Линии стояли русские регулярные войска – 8 полков: Казанский, Суздальский и Вологодский мушкетерские, 16-й егерский, Нижегородский, Борисоглебский, Владимирский и Таганрогский драгунские [21, с. 590].

Кроме того на Линии продолжали постоянно нести дежурство несколько донских казачьих полков. Количество служивых донских казаков в это время (февраль 1807 года) составляло 50110 человек, причем в полках и командах

находилось 39532 человека [6, л. 1], и служба на Кавказе оставалась их уделом. Так, в 1808 году на Кавказской линии стояли следующие полки. Полк подполковника Балабина держал посты по реке Терек. На Линии находился Донской казачий войскового старшины Г.А. Грекова 16-го полк (1 января 1808 года был переименован в Донской казачий подполковника И.С. Поздеева 5-го полк). Здесь же был Донской казачий подполковника Ф.И. Араканцева 1-го полк. Весь 1808 год полк нес кордонную службу по границе с Кабардой, причем 29 октября участвовал в отражении горцев, пытавшихся прорвать Кавказскую линию. Там же, на р. Малке, участвовал в многочисленных боях и стычках с кабардинцами полк войскового старшины Д.И. Каршина 4-го.

Кабардинцы в тот год вели себя весьма воинственно, с ними дрались полки Аханова и Быхалова. Полк Аханова на Баталпашинской переправе летом 19 июня 1808 года отразил 300 кабардинских наездников [13, с. 85].

На Кубани нес службу полк Грекова 20-го. И здесь же полк Персиянова 1-го неоднократно отражал попытки закубанских горцев прорваться на российскую территорию.

За плечами у них казачий полк войскового старшины Л.М. Петрова 1-го содержал карантинную цепь от г. Александрова до г. Ставрополя, по границе с кочевьями ногайцев. Штаб полка стоял в с. Круглолесском.

Чтобы удержать связь по Военно-Грузинской дороге, из Грузии во Владикавказ вывели полк подполковника Петра Пантелеевича Апостолова 1-го. С 14 августа 1808 г. штаб-квартира полка располагалась в крепости Владикавказе, а сотни содержали посты по Военно-Грузинской дороге к стороне Грузии и сопровождали почту от Моздока до Владикавказа.

В г. Гори держался полк войскового старшины Е.М. Ежова 1-го, а его сотни содержали посты по Моздокской дороге. В Грузии при дежурстве генерала Паулуччи находились казаки полка Миллера 2-го [15, с. 87].

В Эриванскую экспедицию в 1808 году ходил казачий полк войскового старшины И.М. Агеева 2-го; участвовали в боевых действиях против персов полк подполковника Нечаева 1-го и полк войскового старшины Богачева 1-го.

Таким образом, на Линии и в Закавказье стояли и дожидались смены 15 донских казачьих полков. Численно они не уступали казакам, поселившимся на Кавказе и на Кубани.

В ответ на набеги горцев русское командование продолжало военные действия и делало это зачастую руками казаков. Так, экспедиция в Чечню в январе 1807 года была в послужных списках казаков отмечена, как нахождение «в заграничном походе за Тереком при наказании чеченцев и карабулаков» [12, с. 98].

С 1812 по 1815 год длился своеобразный период в службе донцов на Кавказе. Новые донские полки в этот период на Кавказ не посылались, сражались в Европе. На Линии оставались сверх всякого срока полки, которые не были выведены с Кавказа в 1812 году. Они все равно оставались становым хребтом сложившейся системы обороны. А.П. Ермолов, прибыв на Кавказ, отметил в дневнике: «Нахожу выставленные для меня конвои линейных казаков, составленные по большей части из малолетних, к службе неспособных,

ибо предшественник мой отпустил шесть донских полков, служивших на линии, и их заменили старыми и малыми… Первое сделанное мною распоряжение состояло в том, чтобы остановить шесть донских полков, отправляемых на Дон, и приказать им вступить на посты, которые занимали они прежде» [20, с. 194].

Однако за это время, видимо, и выковалась знаменитая боеспособность линейцев, которые находились на Линии безотлучно. Именно с приездом Ермолова на Кавказ разница в уровне боеспособности донцов и линейцев стала заметна.

Боеспособность донских казаков, прибывавших на Кавказ на 3-4 года, была ниже боеспособности линейных казаков, которые постоянно жили в условиях пограничья. Когда донской полк № 20 (впоследствии знаменитый «Баклановский полк») во главе с полковником Баклановым атакой в лоб в конном строю опрокинул равную по силам чеченскую конницу, линейцы всего лишь сказали: «Полк может равняться с линейскими» [2, с. 208].

Лишь один донской полк за время Кавказской войны получил Георгиевское знамя за конкретное сражение – полк № 38 за бой у Гилли 3 июня 1844 года в отряде генерала Пассека [4, с. 73]. В то же время все линейные казачьи полки имели Георгиевские знамена. За конкретное сражение – 1 ноября 1848 под ст. Сенгильевской – Георгиевское знамя имел Кубанский полк, потомки переселенных после «Есауловского бунта» донцов. Хоперский и Кавказский полки имели Георгиевские знамена за участие в делах «бывших против горцев». Кизляро-Гребенской, Горско-Моздокский и Сунженско-Владикавказский полки имели знамена «За военные подвиги против непокорных горцев», словно вся их жизнь на Кавказе была сплошным подвигом. Уманский, Лабинский и Линейный полки имели знамена «за покорение Западного Кавказа», а Волгский полк – «За покорение Восточного и Западного Кавказа» [4, с. 83-121].

После войн с Ираном и Турцией в 1827-1829 гг. донских казаков больше стали посылать в Закавказье, охранять новую границу с Турцией и Ираном. Так в 1833 году к северу от Кавказского хребта стояло 4 полка донских казаков, за хребтом – 9 [2, с. 53]. Помимо этого донские полки охраняли территорию современных Грузии и Азербайджана от набегов тех же горцев.

Перенесение военных действий на территорию горских селений изменило характер войны. Она приняла характер партизанских действий и контрпартизанских операций (зачастую проводившихся при помощи тех же набегов). Л.Н. Толстой, успевший послужить на Кавказе, до выхода повести «Хаджи-Мурат» описал боевую жизнь русских войск в двух рассказах с говорящими названиями «Рубка леса» и «Набег». Леса вырубались, чтобы можно было достать противника в любой точке Кавказа, а по просекам не особо многочисленные на Кавказе русские войска ходили в ответные набеги, проводили своего рода «операции возмездия», сжигали аулы, вытаптывали посевы и отгоняли скот.

Причем жгли хлеб не только казаки. Так, хорунжий Талалаев 29-го донского полка докладывал 2 июля 1853 года, что выезжал с казаками «к месту

полевых работ Александровской и Николаевской станиц, где вскоре присоединился из Николаевской станицы с командой казаков хорунжий Дурняпин, на месте этом встречено было огромное скопище горцев, из коих пехота зажигала копны нажитого поселянами хлеба, а конница прикрывала их» [10, л. 28].

Регулярным войскам, солдатам и офицерам, успевшим поучаствовать в наполеоновских войнах на территории Европы, такая война должна была казаться сплошным воинским преступлением. Когда во время Даргинской экспедиции в селении Дарги русские нашли яму, в которой содержались русские пленные, у солдат, по воспоминаниям очевидцев, «явилось какое-то озлобление к неприятелю» [5, с. 312]. И тут незаменимы были казачьи части, сформировавшиеся в условиях разбоев и жестокой азиатской войны, у которых важнейшим стимулом службы была добыча.

Участие донских казаков в войне проявилось в охране «мирных» поселений от «немирных» («Баклановский полк», например, все время службы охранял селения кумыков от чеченскихъ набегов), прикрытии массовой вырубки лесов, участии в экспедициях и набегах, зачастую это делалось с целью подрыва экономики «немирных селений». Как говорил донской генерал Я.П. Бакланов: «Оттягать чужое – видно, вложено Богом в нашу казацкую душу, и уж тут никак не утерпишь!..» [2, с. 156].

С прибытием на Кавказ в качестве наместника графа Воронцова количество донских полков здесь увеличилось. В 1846 на Кавказе и в Закавказье находилось 19 донских полков [2, с. 175]. Для сравнения – такое же количество донских полков несло службу в целом в России перед 1-й Мировой войной.

Служба казаков на Кавказе зачастую протекала в условиях лихоимства, поборов с казаков. Известно громкое дело, когда в 1840 году под суд отдали сразу троих полковых командиров (Каргина, Фомина и Пантелеева) и донского походного атамана на Кавказе (Леонова).

Сама служба на Кавказе довольно часто рассматривалась как наказание, куда слали офицеров «запойных, дабы могли они воздержать и исправить себя от порочной жизни» [1, с. 322]. Делалось это М.И. Платовым, который перед кампанией 1812 гг. из прибывающих в полки офицеров «скандальных и неуемных» сразу же отправлял на Кавказ [1, с. 323], и было подтверждено в 1820-м, когда «нерадивых, дурных и порочных» донских офицеров отправили из полков, стоявших в Польше, на Дон, а оттуда, «дабы оные офицеры на Дону праздно не жили», – в Грузию и на Кавказскую линию [22, с. 314]. Впрочем, в отношении рядовых казаков данное наказание не просматривается. Так, в 1841 году в Польшу был направлен полк Родионова № 36, имевший в своем составе 24 штрафованных [2, с. 111]. В 1846 году на Кавказ был послан полк под тем же номером, но уже с другим личным составом, а вместе с ним полки №№ 25, 34, 38. В их рядах штрафованных было соответственно – 19, 17, 19, 21 [2, с. 273]. Хотя, полк генерала Бакланова № 17, посланный на Кавказ в 1850 году, имел в своих рядах 51 штрафованного [2, с. 273]. Дело в том, что офицеры в полки

отбирались Войсковой канцелярией (затем Войсковым штабом), а казаков в полки направляли станичные общества при строгой очередности.

Многие донские полки, прибыв на Кавказ, «раздергивались», что подрывало их боеспособность. Казаки использовались в различных командировках, на отдаленных постах, на дежурствах в штабах.

Так, в 1846 году донской полк № 19 стоял во Владикавказе и имел на лицо – 441 казака, в командировках – 365. Полк № 31 стоял в Грузии. По списку в нем числилось 602 казака, на лицо – 205, в командировках – 381 [7].

Отличительной чертой службы казаков на Кавказе была высокая смертность. Так донские полки полковников Быхалова 1-го и Аханова 1-го за время службы дважды на год попадали в карантинные лагеря. После возвращения 30 марта 1807 года из чеченского похода среди вернувшихся казаков вспыхнула чума и полки Быхалова и Аханова до весны 1808 года находились в карантинах [13, с. 85]. Вторая вспышка чумы последовала весной 1809 года, когда полки Аханова и Быхалова готовились к отправке домой, на Дон. Из-за карантина полки вернулись на Дон 1 мая 1810 [13, с. 98]. Прибыв на Кавказ, А.П. Ермолов констатировал: «Получил курьера об открывшейся чуме на Кавказской линии и что проходившие пять донских полков заразились» [20, с. 195].

Но даже и без зафиксированных эпидемий смертность оставалась крайне высокой. Полк № 26 стоял в укреплении Воздвиженском в 1843 – 1847 гг. Убыль за это время – 96 казаков, из них убито – 16. В полку 17 георгиевских кавалеров [8, л. 30-31]. То есть, полк участвовал в боевых действиях активно, но потери нес не в сражениях.

Динамику потерь можно проследить на примере известного уже нам полка № 20. Самые большие потери умершими приходились на 1-й год службы, в период акклиматизации, а по времени года – на зиму и раннюю весну. Так, в 1-й год службы с января по май 1847 года в полку умерло 47 казаков «от обыкновенных болезней» и 2 «скоропостижно».

В 1848 потери в полку – 1 убитый, 4 умерли от ран, от болезней – 8 человек.

В 1849 – убитых – 0, от ран умерли – 2, от болезней – 3, скоропостижно – 1, «насильственно» – 2.

И в последний год службы в полку № 20 умерло от болезней 10 казаков. И в других полках количество умерших в последний год службы обычно возрастает [9].

Эффективность боевых действий донского полка № 20, стоявшего на стыке территорий современных Чечни и Дагестана, была достаточно высока.

Своеобразный пример: командир полка для удобства ведения боевых действий в местных условиях переодел всех казаков полка в трофейную одежду и перевооружил трофейным оружием. И сам ездил в желтой трофейной черкеске. В полку было более 800 казаков. Следовательно, одежду и оружие сняли с такого же количества убитых.

В целом этот полк отличается от других и соотношением потерь боевых и небоевых. Всего за время службы на Кавказе полк № 20 потерял: убитыми – 1

офицера и 35 казаков, умерли от ран – 23 казака, 3 казака сбежали к горцам, но вернулись, 2 из них были отправлены в арестантские роты, 1 расстрелян по суду, умерли от болезней 3 офицера и 79 казаков [9].

В то же время полк № 43, вернувшийся из Бессарабии и участвовавший в Венгерской кампании, потерял 5 убитых казаков, умерших от ран – 3, бежало из полка – 4, умерло от болезней – 2 офицера и 99 казаков. А в полку № 37, вернувшемся тогда же из Грузии, умерли 4 офицера и 136 казаков (из них 2 от ран), 3 офицера и 29 казаков остались в госпиталях [2, с. 284].

Участие в Кавказской войне и в предшествующих ей военных действиях на Кавказе стало важным этапом в военной истории донского казачества. Подсчитано, что за годы Кавказской (1817-1864) войны в ней приняли участие 118 донских казачьих полков или около 100 тысяч донских казаков, а если взять военные действия до этого периода, то в сумме в войне на Кавказе участвовало 226 тысяч донских казаков [4, с. 29].

В целом за годы Кавказской войны казаки понесли потери, которые можно соотнести с потерями войны 1812 года и походов 1813-1814 годов. По версии А.Н. Пивоварова, погибло в боях 1763 человека, умерло от болезней более 16 тысяч [19, с. 59]. Фактически соотношение погибших и умерших 1 – 9.

Видя такие потери, Александр Второй перестал посылать донские полки на службу на Кавказ и в Закавказье. И последние вспышки военных действий – подавление восстания в Чечне и Дагестане в 1877 году – проходили уже без них.

Таким образом, донские казаки внесли заметный вклад в создание знаменитой «Линии», они дали людские ресурсы для заселения и закрепления за Россией пограничной кавказской территории и сами несли на ней пограничную службу, пока все остальные переселенцы адоптировались к новым условиям жизни. Когда началась непосредственно Кавказская война (1817-1864), казаки (и не только донские) обеспечили сочетание преимуществ регулярной армии с тактикой партизанских действий, необходимой в местных условиях, чем способствовали завершению затянувшейся на Кавказе войны. В XVI-XVII веках казаки жили в условиях набеговой системы, в XVIII – начале XIX столетия продолжалась своего рода инерционная фаза набеговой системы, и казаки были заинтересованы в «замирении» горцев и степняков, в прекращении набегов с их стороны. Но уже в XIX веке донские казаки, как военное сообщество, не были заинтересованы в войне на Кавказе, они честно выполняли свой воинский долг – не более того. В народном сознании служба на Кавказе отложилась как тяжелая, безрадостная, полная опасностей. Определенной компенсацией было возвеличивание подвигов одного из командиров донских полков, действительно талантливого военачальника – генерала Г.Я. Бакланова. Его имя, наряду с именами Ермака Тимофеевича, А.В.Суворова, М.И. Кутузова, М.И. Платова, было в 1904 году присвоено одному из донских полков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Венков А.В.* Атаман Войска Донского Платов. – М.: Вече, 2014. – 480 с.

2. *Венков А.В.* Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. – М.: Вече, 2016. – 432 с.

3. *Венков А.В.* Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. – М.: Вече, 2013. – 308 с.

4. *Галушко Ю.* Казачьи войска России. – М.: Русский мир, 1993. – 231 с.

5. *Гейман В.А.* 1845 год. Воспоминания // Кавказский сборник. – Т. 3. – 1879. – С. 251-375.

6. Государственное казенное учреждение Ростовской области Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 168.

7. ГАРО. – Ф. 344. – Оп. 1. – Д. 497.

8. ГАРО. – Ф. 344. – Оп. 1. – Д. 525.

9. ГАРО. – Ф. 344. – Оп. 1. – Д. 638.

10. ГАРО. – Ф. 344. – Оп. 1. – Д. 711.

11. *Дзамихов К.Ф.* «В службе и обороне…». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов). – Нальчик.: Изд. Отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 356 с.

12. *Захаревич А.В.* Донской казачий полк Аханова 1-го в боях с горцами на Северном Кавказе в 1804-1810 гг. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 6-7 мая 2016 г.). – Ростов-на-Дону.: Альтаир, 2016. – С. 96-99.

13. *Захаревич А.В.* Подполковник Акиндин Иванович Аханов – герой третьего плана боев с горцами на Северном Кавказе в 1804-1810 гг. // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – 624 с.

14. *Колесников В.А.* Историография Хоперского казачьего полка: от генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Л. Юдина // Кубанский сборник. – 2006. – № 1(22). – С. 32-57.

15. *Корягин С.В., Королев В.Н.* Шуруповы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 15. – М.: Тип. МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2001. – 120 с.

16. *Лапин В.В.* История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003. – 82 с.

17. Линейные казаки // История кубанского казачества: сайт. URL: http://kuban-cossacks.ru/boevaya-slava-kubanskogo-kazachego-vojska/linejnye-kazaki (дата обращения: 27.10.2017).

18. *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Боевая слава кубанского казачества. – Краснодар: Традиция, 2012. – 456 с.

19. *Матишов Г.Г.* Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII-XX вв.). Заметки на полях истории. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 272 с.

20. *Погодин П.М.* Генерал Ермолов. Сражения и победы легендарного солдата империи, героя Эйлау и Бородина и безжалостного покорителя Кавказа. – М.: Центрполиграф, 2017. – 527 с.

21. *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. – Ставрополь: «Кавказский край», 1994. – 672 с.

22. *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 3. Персидская война. 1826-1828. – Ставрополь: «Кавказский край», 1993. – 608 с.

23. Присяги донских казаков, 1718: материалы по истории и генеалогии казачества. – Волгоград: Панорама, 2012. – 224 с.

24. *Ригельман А.И.* История о донских казаках. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1992. – 224 с.

25. Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг. – М.: Военное издательство Министерства Вооруженных сил Союза ССР, 1948. – 516 с.

26. *Соловьев С.Н.* Сочинения. Кн. IX. – М.: Голос – Колокол, 1998. – 708 с.

27. Хронология истории ЧР // Атагинский форум на сайте «Старые Атаги». URL: http://st-atagi.ru/forum/27-139-1 (дата обращения: 21.10.2017).

УДК 93/94(479) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-64-83**

РОССИЯ И ГОРСКИЕ НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

П.А. КУЗЬМИНОВ

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Аннотация. Цель статьи – показать на конкретном историческом материале реальную альтернативность, присутствовавшую в государственной стратегии, в формах, тенденциях и результатах ее реализации на одном из наиболее сложных этапов взаимодействия Российской империи с народами Северного Кавказа. В статье анализируются процессы, обусловившие обострение российско-кавказских отношений в конце XVIII – начале XIX в. Ставка имперского правительства на силу и военное давление в отношении горских народов Северного Кавказа вызвала активное сопротивление народных масс. Понадобились годы военного противостояния, чтобы кавказская администрация осознала бесперспективность данного курса. Деятельность М.С. Воронцова изменила характер отношений между властями и горцами, что позволило перейти к мирным формам освоения Северного Кавказа.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; политика; противостояние; сближение; военные столкновения; реформы.

RUSSIA AND THE MOUNTAIN PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS AT THE END OF XVIIITH – THE BEGINNINGS OF XIXTH CENTURIES: ALTERNATIVE MODES OF INTERRELATIONS

P.A. KUZ'MINOV

FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Abstract. The article is aimed to demonstrate by concrete historical evidence the real alternatives that were present in governmental strategy as well as in modes, tendencies and results of its implementation during one of the most multifarious and contradictory phases in interactions of Russian empire with the peoples of the North Caucasus. There are analyzed the processes that conditioned the sharpening of Russian-Caucasian relations at the end of 18th – the beginnings of 19th centuries. Imperial government's initial stake on forceful policy and military pressure towards the mountain peoples of the North Caucasus caused mass and vigorous popular resistance. The long years of military confrontation turned to be needed to make the imperial administration in the Caucasus to realize the pointlessness of such a course. M.S. Vorontzov's undertakings made an alteration in the character of relations between state powers and mountaineers that made possible the passage to peaceful forms of mastering of the North Caucasus.

Keywords: Russia; North Caucasus; policy; confrontation; convergence; military clashes; reforms.

Сложность и противоречивость взаимоотношений Российского государства и народов Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в. лежат в основе одной из ключевых проблем современного кавказоведения. Острота дискуссий, их продолжительность вызваны, помимо прочего, избирательным подходом тех или других авторов к интерпретации проблемы. Она строится либо с позиций российского государственного интереса, либо с позиций этнонационального развития отдельных народов региона, с преимущественным вниманием либо к конфликтным формам, либо к конструктивному содержанию взаимодействия сторон.

В сложившейся историографической ситуации, актуальной задачей становится выработка сложной, но внутренне последовательной концепции исторического места Кавказской войны, в которой Россия и народы Северного Кавказа выступали бы как очень разные, но «равноценные» субъекты единого исторического процесса, а полнота охвата материала позволяла бы не растворять трактовки войны в трактовках периодов и форм взаимного тяготения (сближения, культурного обмена, со-развития), но равным образом – не уводить в тень войны ценность и значение последних [24, с. 25]. Такой подход, по нашему мнению, позволит отразить реальную альтернативность исторического процесса и противопоставить односторонним трактовкам периода утверждения России на Северном Кавказе синтетическое, а тем самым – более объективное его видение.

От развития торговых и политических связей, принимавших порой формы военно-политического союзничества, отношения России и народов Северного Кавказа в конце XVIII в. переходят в военно-конфронтационную фазу. Территория и народы региона оказались своеобразной разменной монетой в геополитических расчетах великих держав.

Предпосылки такого сдвига назревали на протяжении XVIII в. когда культурная дистанция между европеизирующейся Россией и народами Северного Кавказа существенно увеличилась, а пространственная и политическая – были стёрты. В непосредственное взаимодействие вступили общества с различной социальной структурой и хозяйственными традициями, с качественно разнородными системами власти и управления [12, с. 15].

Вместе с тем, реакция в горских обществах на усиливающееся давление России была различной. Феодальные владельцы Кабарды, Кумыкии, Дагестана, почувствовав угрозу ограничения комплекса своих традиционных прав, начинают борьбу за их сохранение. В то же время, отдельные группы западных чеченцев, ингушей, осетин, абазинцев, под влиянием настойчивых уговоров Кавказской администрации, покидают обжитые, но скудные землёй отроги Кавказских гор и создают аулы на плоскости, принадлежащей кабардинским и кумыкским князьям. Обращения последних к представителям кавказской администрации с просьбами и требованиями остановить переселение, результата не имели. Конфликт интересов вел к обострению отношений как между переселенцами с гор и законными владельцами плоскостных земель, так и между последними и российской военной администрацией в регионе. То есть

одновременно развивались два взаимосвязанных, но по сути антагонистических процесса, которые были обусловлены военно-политическим присутствием здесь России [30, с. 46]. Но при этом была существенная разница между структурой и практиками европейских колониальных империй, и имперской политикой России. Накопленный веками опыт управления захваченными территориями давал возможность Англии, Франции, Испании, Португалии, Бельгии, Голландии беспрепятственно выкачивать материальные ресурсы из заморских колоний и использовать их в качестве рынка сбыта для производимой в метрополии товарной продукции.

Колонизационный процесс в России XVI-XVII вв. имел иную основу. В.О. Ключевский выделил в нем главное: «История России есть история страны, которая колонизуется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией» [27, с. 50]. Осваиваемая в процессе нерегулируемого мирного колонизационного процесса территория – это не чужая, захваченная для ограбления область, а своя, неотъемлемая часть Российского государства. Значит, и отношение к ней определялось не сиюминутными выгодами, кто больше и быстрее награбит, захватит, увезет, а долговременной программой, учитывающей не только интересы Центра, но и колонизируемой Периферии. В XVIII в. Россия превращается в империю, утверждаются имперская политика – политика, направленная на укрепление и расширение империи, и имперское мышление – мышление имперскими категориями [39, с. 5]. Одновременно она окончательно становится унитарным государством с иерархически организованным управленческим аппаратом и официальной государственной доктриной просвещенного абсолютизма. «Народная» (крестьянская и казачья) колонизация превращается в инструмент государственной политики. При этом, российское имперское мышление остается не-колониальным – присоединяемые территории должны становиться неотъемлемой частью государства.

Но Северный Кавказ представлял собой, подчеркнем, не просто территорию, а густо населенный, многообразный и самобытный мир. Каждый из местных народов был привязан к определенной территории, характеризующейся устойчивым социокультурным единством, наличием автономных институтов социальной и потестарно-политической самоорганизации и соответствующим самосознанием населения. Такие этносоциальные ареалы Северного Кавказа на протяжении длительного времени поддерживали свою пространственно-временную устойчивость, несмотря на то, что на всем протяжении своей истории сохраняли локальный характер и не имели собственно политических (государственных) границ, способных «ограждать» их от окружающей социально-политической среды [11, с. 205]. Их взаимные отношения сформировали, в свою очередь, систему подвижного этнополитического равновесия. Она поддерживалась устойчивостью хозяйственно-культурного уклада отдельных этносов, привязанных к определенным природно-ландшафтным зонам, проницаемостью культурно-языковых границ для демографического обмена и межэтнических социальных связей, наличием элементов единой соционормативной культуры

(гостеприимство, аталычество, покровительство), относительным равновесием военно-политических сил феодализированных образований, способных претендовать на гегемонию в регионе. Все это придавало отношениям между этносообществами Северного Кавказа «регулируемый», упорядоченный характер [10, с. 193].

Восприятие региона как своего рода этнорегиональной исторической системы не элиминирует этническое своеобразие его народов, но вместе с тем позволяет выявить некоторые сущностные начала, действующие на всей территории Северного Кавказа и не зависящие от случайного стечения обстоятельств. Одновременно появляется возможность за частоколом разнородных событий и фактов выявить основной вектор движения горских обществ, уточнить механизм их социокультурного взаимодействия с российским обществом и государством, становившегося все более плотным с последней трети XVIII в.

Турция, проиграв войну России (1768-1774 гг.), решила упрочить свои владения на восточном берегу Черного моря, который в то время находился под протекторатом Порты. Под предлогом защиты татар, ушедших на левый берег р. Кубани после завоевания Крыма и Таманского полуострова российскими войсками, турецкое правительство решило построить крепость Анапу. Эта местность принадлежала хейгакскому князю Заноко Магомет-Гирею и была им добровольно уступлена туркам. Здесь интересна реакция на это народов региона, предвидевших трагические последствия принятого политического решения [35, с. 15, 16]. Соседи хейгаков, натухайцы и шапсуги, отчетливо осознавали, что при разрыве отношений России и Турции, их земли станут театром военных действий. Поэтому они настойчиво просили князя не утверждать принятого решения. Князь Магомет-Гирей не прислушался к просьбе и на месте древней столицы протоадыгского Синдского государства Горгиппии французские инженеры в 1781 году построили мощную военную крепость Анапа, реконструировали крепости Суджук-Кале, Сухум-Кале, Поти, Батуми. Были сооружены новые редуты между р. Риони и о. Палеостомом [42, с. 126].

По итогам второй русско-турецкой войны (1787-1791 гг.), р. Кубань стала границей между двумя империями. Ясский мирный договор 29 декабря 1791 г. закрепил за Россией Крым, Кабарду, правый берег Кубани и Тамань. Указом от 28 февраля 1792 г. Екатерина II объявила протекторат над народами Северного Кавказа, правда, не спросив их об этом. Но в указе подчеркивалось, что в отношении автохтонов нужно действовать «не оружием, а паче правосудием и справедливостью». Для этого администрации на местах вменялось в обязанность «всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличностями ... Со всей серьезностью следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам» [42, с. 127].

Адыгские народы, живущие на левом берегу Кубани, считались подвластными султана. На правой стороне поселились черноморские казаки, которые по указу Екатерины II от 30 июня 1792 г. перешли сюда с Днестра.

Адыги снабжали переселенцев хлебом, семенами, скотом, саженцами, фруктами, лесом, одеждой, сбруей и даже оружием. Взамен получали от черноморцев соль, которой за Кубанью не было. Идиллии в отношениях народов, конечно, не было. «Притирка» народов происходила сложно. За первые семь лет пребывания казаков на Кубани «черкесами было убито около 30 чел., пленено 59, нанесен материальный ущерб на сумму свыше 12600 руб.» [47, с. 613]. Обратный ущерб, полученный адыгами в результате захвата казаками всего правобережья, никто не подсчитал.

Часть адыгов, недовольная тем, что оказалась под протекторатом Турции, просила Российского подданства. Владельцы бжедугского и натухайского народов «в подтверждение искренности своих заявлений дали присягу на Коране: свято и непоколебимо хранить верность Государю и обид русским не делать. В случае разрыва России и Оттоманской Порты и возникновении войны между ними не воевать с русскими, с тем, однако, чтобы и черкесы со стороны русских не были разоряемы. Помимо этого, натухайцы просили разрешения на свободный переход желающих поселиться в Черномории» [29, с. 74]. Екатерина II, опасаясь дипломатических осложнений с Портой, отказала им в этой просьбе. Так народная дипломатия, направленная на поиск взаимоприемлемых условий мирного сосуществования народов, не была востребована правительством. Это решение вызвало негативные последствия. Абадзехи, недовольные развитием торговых отношений между черноморцами и бжедугами, а также усилением власти князей, решили «наказать» последних. Во время знаменитой Бзиюкской битвы 1796 г., в которой с обеих сторон погибло более 4000 чел., войсковой атаман черноморских казаков Т. Котляревский поддержал аристократию бжедугов. Это было воспринято «демократическими народами» Закубанья как вмешательство в их внутренние дела. Появилась «третья сила» в лице России, которая нарушила баланс сил в крае. Хрупкое взаимопонимание первых этнокультурных контактов непродуманными действиями местной администрации было разрушено.

Тем не менее, стремление отдельных этнических и социальных групп принять покровительство России не ослабло. Идя навстречу настойчивым просьбам горцев, поддержанным войсковым начальством, в 1798 г. Павел I подписал рескрипт на имя Новороссийского губернатора В.В. Каховского, которым разрешил селиться в Черномории «всем тем, кто из-за Кубани переселиться пожелает» [29, с. 78]. В 1799 г. в урочище Ангелинский ерик, в 60 верстах от Кубани, появился черкесский Гривенский аул султана Шеретлуг-Оглу численностью около ста душ.

В этом же году бжедугский князь Явбук-бей подал прошение перейти на жительство в Россию с 1493 подвластными, причем даже в том случае, если российские войска будут препятствовать этому. «Буде суждено, – говорил он, – погибнуть мне с моим народом, то лучше пасть, не защищаясь, от оружия русских, чем от злодеев абазинцев» [29, с. 79]. Не получив добро на переселение, князь ушел в Анапу. Но процесс переселения адыгов, ногайцев и татар на правый берег Кубани продолжался. В 1800 г. в Гривенский аул прибыло еще около 200 чел. [29, с. 81, 82]. Не всегда фиксируемый переход

адыгов на правый берег Кубани продолжался и позднее, несмотря на запрещение генерала А.П. Ермолова. По подсчетам А.Т. Керашева, с 1828 по 1864 гг. российскими властями зарегистрирован 1051случай (около 5800 чел.) мотивированного перехода адыгов в Россию [25, с. 38].

Быстро и бесконфликтно войти в систему новых отношений, в иноязычную среду им и тысячам других горцев, искавших лучших условий жизни, было сложно. Процесс адаптации происходил медленно, т.к. стереотип поведения, ментальность жителей Кавказа строилась на иных социокультурных основаниях.

Храбрость, удальство, геройство составляли отличительные черты образа горца. В народном сознании выработалось своеобразное понятие о чести: добыча, взятая отвагой в жесткой схватке с врагом и имущество, ловко украденное у соседа, не столько обогащали участников этих акций, сколько создавали им ореол героев. Укравший не считался вором, если не был обличен. Понять эту странную логику российские военные власти не могли, да и не хотели, поэтому жестко реагировали на любые известия о «хищничестве», «воровстве» и «разбоях». Карательные походы по всему периметру Кавказской линии стали обычным явлением.

Стратегия и тактика военного искусства, особенности военного воспитания, вооружение и боевые качества горцев соответствовали уровню их социальной организации и были составной частью их быта. Гибкая военно-территориальная организация горцев была малоуязвима для иноземного силового воздействия, поскольку обладала мощными естественными укреплениями, неисчерпаемыми ресурсами регенерации, особым менталитетом, который вдохновлял на борьбу с любым противником. Эту черту прекрасно подметил один из лучших наездников Северо-Западного Кавказа Бесльний Аббат. Оказавшись в 1834 г. в Зимнем дворце Петербурга и осматривая галерею портретов генералов и адмиралов России, он оценил важность сохранения их лиц для детей и потомков. Но вместе с тем подчеркнул, что «…наши черкесы, ей богу, храбрее всех народов на свете и безрассуднее; никто их не посылает на войну против их воли; а сами они спешат навстречу опасности, сражаются, умирают добровольно! Ранят ли их – нет награды; убьют – их семейство никто не призрит; за всё, если скажут «храбрый» вот и награда для них! За это одно слово они идут навстречу верной гибели!» [45, с. 238].

А.С. Пушкин с поразительной точностью обрисовал военно-психологический портрет горца всегда готового к действию: «движений вольных быстрота», «ничто его не тяготит, ничто не брякнет, пеший, конный – все тот же он; все тот же вид – непобедимый, непреклонный. Черкес оружием обвешан; он им гордится, им утешен. На нем броня, пищаль, колчан, кубанский лук, кинжал, аркан и шашка, вечная подруга» [38, с. 10].

Воинская слава была высшей ценностью в горском обществе. Виртуозное владение оружием, джигитовка, меткая стрельба из ружья с лошади на скаку – были обязательными качествами мужчины-горца. В значительной степени милитаризованный мужской быт был причиной того, что российские офицеры

и генералы высоко оценивали военный потенциал народов Северного Кавказа. Осознанная склонность горцев к оружию объясняется, по мнению А.С. Сенявского, тем, что в здешних условиях важность индивидуальной жизни для самой личности уступала ключевым ценностям своего социума, а ценность мужчины определялась почти исключительно ценностью его как воина, эффективно выполняющего свой долг [41, с. 61].

Понятно, что общественные ценности и нормы усваиваются человеком независимо от его воли и желания. Это происходит естественно и неизбежно в ходе социализации, под влиянием окружения, которому человек подражает, которое его поощряет или наказывает. Но за кажущейся хаотичностью и спонтанностью данного процесса стоит, как нам представляется, определённый порядок, порождаемый идеологией общества, который является концентрированным выражением особенностей социальной среды.

Определяющие маркеры жизни горцев – свобода мысли и свобода действий – оказывались несовместимыми с установками российского правительства, заинтересованного в демилитаризации населения, регламентации административно-судебной власти местной элиты, ликвидации института «наездничества». Строительство Кавказской укрепленной линии, введение приставств, родовых судов и расправ, превратили тлеющий цивилизационный конфликт в военный.

Возведение крепостей, форпостов, переселение тысяч казачьих семей в жизненно важные для местного населения районы, вызывали противодействие горцев. Их набеги на станицы и населенные пункты, угон скота, захват пленных, уничтожение небольших отрядов российских войск по всему пространству Северного Кавказа стали обыденным явлением. Необъявленная война началась, а вскоре зазвучала и военная риторика. «Кровь моя кипит, как в котле, – писал в 1804 г. правитель Кавказа П.Д. Цицианов по поводу бурного протеста кабардинцев против строительства крепости Кисловодск, отрезавшей богатейшие альпийские Эшкаконские пастбища от Кабарды, – и руки мои трясутся от жажды напоить земли ваши кровью ослушников, ждите, говорю я вам, по моему приказу штыков, ядер и пролития вашей крови реками. Не мутная вода потечет в реках, протекающих по вашим землям, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная» [20, с. 117].

Позднее «проконсул» Кавказа А.П. Ермолов утверждал, что Кавказ неизбежно будет частью Российской империи, а поэтому существование в этих краях независимых и полузависимых государств и обществ любого вида и вероисповедания, будь то христианство, мусульманство или язычество, в горах или на равнине, просто несовместимо с честью и достоинством Российского императора, с безопасностью и благополучием его подданных. С.С. Эсадзе считал одной из главных причин возникновения мюридизма среди горцев «патриотические предубеждения Ермолова». Исходя из них он «поставил себе за правило уничтожить в крае всякую нерусскую национальность». Под «национальностью» здесь С.С. Эсадзе понимает самобытный социокультурный уклад местных народов. Когда, «попирая древние установления, сроднившиеся с чувствами и верою народа», Ермолов стал «заменять их новыми,

поверхностно обдуманными», применяя репрессивные методы, это вызвало неизбежное отторжение, а затем и сплочение отдельных племен Северо-Восточного Кавказа вокруг мюридизма с его лозунгом священной войны [48, с. 29, 35, 40].

Лучшим вариантом реализации своих планов военные власти сочли репрессивные походы в горы, в ходе которых уничтожались жилища, аулы, посевы, захватывался скот и продовольственные запасы. Полагалось, что политика устрашения и военного давления – единственная действенная сила, позволяющая держать горцев в повиновении. В ходе военных столкновений с отрядами генералов И.В. Якоби, Ф.И. Фабрициана, Г.И. Глазенапа, десятки кабардинских селений были сожжены. В районе Пятигорья было уничтожено 80 кабардинских аулов. В 1810 году во время военной экспедиции генерала С.А. Булгакова было уничтожено в Большой Кабарде свыше 200 поселений [21, с. 81, 82]. «Бравый» генерал был наказан Александром I, но его августейший брат Николай I «…опустошение жилищ и полей горцев … изволил признать соответствующим целям» [21, с. 82].

Карательные экспедиции против горцев, как средство борьбы с хищениями и набегами, были малоэффективными, в большинстве случаев безадресными, поскольку командование не имело возможностей выявить действительных участников нападений. «Для острастки» разорялся подозрительный и часто непричастный к инциденту аул. Трагичность ситуации подчеркивалась тем, что эти походы и репрессии приходили в вопиющее противоречие с нормами российского законодательства, в частности, седьмой главы «Полевого уголовного уложения для действующей армии». Смертная казнь ждала военнослужащих, виновных в «грабеже лиц, домов, селений и вообще собственности» (§61). Сурово каралось «зажигательство домов, истребление лесов и жатв и убийство жителей» (§62). Если все вышесказанное совершала целая часть, расстрелу подлежал ее командир (§63, 73). В соответствии с законодательством, за подобные преступления против мирного населения, большую часть Отдельного Кавказского корпуса необходимо было расстрелять по приговору полевого суда, поэтому данные статьи военного права оказались совершены «забыты» командованием.

Напротив, широкое применение получили статьи 39 и 40 пятой главы того же «Полевого уголовного положения», которые наказывали смертью за «… явное неповиновение или бунт жителей мест и областей армией занимаемых, истребление её продовольствия и всякое злонамеренное препятствие её движению и успехам», а также «… склонение к бунту и неповиновению жителей земель, армией занимаемых, хотя бы и не произвело возмущения» [33, с. 14]. При строгом выполнении этих статей расстрелу подлежало едва ли не все население Северного Кавказа. Несоответствие военного законодательства методам репрессий и устрашений, проводимых командованием различных воинских частей и подразделений, сохранялось на всем протяжении Кавказской войны.

Парадоксальность общей военно-политической ситуации заключалась и в том, что «от военачальников, – подчеркивает В.В. Лапин, – требовали не

победы над вооружёнными силами другого государства, а так называемого «умиротворения» горцев, для чего армия как машина, созданная для устрашения и разрушения, не годилась в принципе» [33, с. 29]. Некорректность задачи, поставленная правительством перед войсками на Северном Кавказе, предопределили паллиативность мер высшего командования, концептуальную противоречивость проектов и предложений, направленных на «приобщение» горцев к «цивилизации». Это обостряло военно-политическое положение в крае, которое требовало продуманных шагов и действий, а вместо этого приходилось «тушить пожары» то на левом, то на правом фланге Кавказской военной линии.

Военный «каток» России, быстро увеличиваясь в размерах (с 30 тысяч при А.П. Ермолове, до 200 тысяч при А.И. Барятинском), давил и уничтожал горцев, никак не желающих покориться превосходящим силам противника. Перефразируя А. Линкольна, правомерно было бы сказать, что можно терроризировать целый народ какое-то время или часть народа – всё время, но нельзя терроризировать весь народ всё время. В этом заключался главный концептуальный изъян опоры исключительно на силу.

Большинство старших офицеров и генералов, служивших на Кавказе, были убеждены, что с горцами надо разговаривать только опираясь на силу. Те же немногие, кто пытался высказывать иной взгляд и считал «невозможным добиться принуждением и грубой силой того, что можно сделать путём любви и доверия к человеку» [14, с. 347], встречали непонимание. Но мы считаем, что именно позиция этой гуманно настроенной части Российского общества привела к постепенному изменению характера взаимоотношений правительства с горцами, что, в свою очередь, ускорило подлинное умиротворение в крае.

В воспоминаниях, докладах, записках, письмах военных и чиновников, служивших на Кавказе, отражены тысячи полярных оценок жизни и действий горцев. К счастью, в них имеются не только планы тотального уничтожения «хищников», но и проекты, посвященные мирным способам включения горских народов в культурное пространство России на основе признания «особости их понятий, нравов и обычаев» [37, с. 65]. Осмысление «инаковости» жителей Северного Кавказа, раньше называемых только «хищниками и дикарями», уже было шагом к толерантности и определяло новые формы и методы сближения народов. Это проявилось в создании элементов новой системы управления и судопроизводства, отчасти соответствующей представлениям горцев о справедливости, в отказе от повсеместной проповеди христианства, в развитии образования, взаимовыгодной торговли и т.д.

В этом отношении показательна эволюция взглядов упоминаемого выше П.Д. Цицианова. Определяя главные правила управления Кабардой приставу генерал-майору И.П. Дельпоцо, Цицианов осуждает применение силовых методов при формировании новой судебной системы: «При всяком выборе в родовые суды (введённые в Кабарде в 1793 году. – П.К.) употребляемы были батальоны и пушки вместо предводителей (так в тексте, имеется в виду организация. – П.К.) выборов». Он предлагает программу долгосрочных действий, которые должны изменить ситуацию в крае: «1. Для обучения детей

кабардинских владельцев и узденей открыть училища в Георгиевске и Екатериноградe; 2. Учредить беспошлинный впуск на линию кабардинских домашних произведений; 3. В Георгиевске и Константиногорске построить за счет государства мечети; 4. Сформировать Кабардинский гвардейский эскадрон; 5. Прекратить в Кабарде политику «разделяй и властвуй», заключающуюся в поддержке неприязни между народом и князьями» [1, с. 952-954] и др. Предложения Цицианова не были реализованы, но важен сам факт его нового подхода к «общежитию» с народами Кавказа.

Эта же мысль достаточно явно звучит и у его преемника А.П. Тормасова, который прямо заявил военному министру, что «всегда был противного мнения относительно системы, около полувека тщательно поддерживаемой местными на линии начальниками, чтобы сопредельных ей народов держать не только в повиновении, но и в жестоком порабощении, употребляя против них силу оружия» [2, с. 828-830]. Для выхода на качественно новый уровень взаимоотношений, Тормасов предлагал предоставить горцам экономические выгоды, активно развивать торговлю с ними, обеспечить покровительство исламу и воздействовать через духовенство на сознание горских народов, повсеместно открывать школы для воспитания горских юношей и т.д.

К аналогичному заключению пришел и известный государственный и общественный деятель Н.С. Мордвинов, заявив в 1816 году, что «народы кавказские оружием покорить невозможно». Необходимо «завести в городах наших школы для воспитания молодых князей и детей старшин народных, чтобы в оных находили они свои обряды и свойственные горским жителям упражнения: употребление оружия, ристание на конях» и др. Развивать торговлю, обеспечивающую горцев всем необходимым, привлекать их гостеприимством и благотворением – вот путь, по мнению адмирала, который по-настоящему сблизит Кавказ и Россию [5, с. 149-154]. Мысль вполне понятна и обоснована. Экономическая и культурная адаптация горцев к общероссийскому контексту смягчит их суровые нравы, окажет воздействие на психологию, на миропонимание и мировосприятие, что и обеспечит невидимый, но очень важный механизм социокультурного взаимодействия.

В кульминационный период противостояния Российских вооруженных сил и имамату Шамиля и черкесам Звкубанья, когда ряд укреплений Черноморской береговой линии был уничтожен горцами, ее начальник генерал Н.Н. Раевский-младший писал командующему Отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головину: «Долг службы и совести заставляет меня повторить то, что говорил прежде и в чем всегда был убежден: одна миролюбивая система с черкесами может вести к прочному их покорению, – всякая другая, основанная на разорении и кровопролитии, вредна и противна великодушным намерениям Монарха. Необходимо развитие торговли, которая сблизит горцев с нами. … Перемена всей системы лишит нас плодов, приобретённых от постоянного следствия системы мира, уронит доверенность к нам горцев, повлечёт за собой все бесчисленные и грязные злоупотребления, неразлучные с разбойничьей войной» [6, с. 385-392]. Честная, открытая позиция Раевского по отношению к «разбойничьей войне» стоила ему должности. Конфликт с

командующим Кавказской линией П.Х. Граббе, проводившим политику «штыка и пушек» по отношению к горцам, завершился отставкой Раевского. Но главное все-таки в другом: в России и на Кавказе были генералы и чиновники, видевшие пагубность, бессмысленность и абсолютную неэффективность кровавых репрессий к жителям гор.

Постепенно выстраивалась определенная система представлений о развитии мирных отношений с горцами: от Тормасова, через Мордвинова, Грибоедова, Пушкина, Покровского, Бековича-Черкасского, Хан-Гирея, Казы-Гирея, Ногмова, Раевского, С. Иванова, Шишкова, Полежаева, Герцена, Белинского, Лорера, к Воронцову, Л. Толстому, А. Кешеву, К. Атажукину, Ч. Ахриеву, У. Лаудаеву, А. Ардасенову, К. Хетагурову и др., которую Я.А. Гордин определяет, как «гуманно прагматичную» [13, с. 566]. Трагичность ситуации и для России, и для насельников Кавказа заключалась в том, что высказанные идеи и предложения, в том числе и на самом высшем уровне, оставались благими пожеланиями. Гигантские средства вновь и вновь направлялись в войска для проведения карательных экспедиций, «замирения» и «умиротворения» горцев силой оружия.

В 1842 г. командиром Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим Закавказским краем был назначен генерал-адъютант А.И. Нейдгарт. Определяя цели, формы и методы действий российской власти на Кавказе в условиях кульминационного этапа противостояния с горцами император Николай I заявил: «1. не хочу никаких завоеваний; 2. необходимо покорение враждебного нам населения Кавказа; 3. хочу упрочения нашего владычества краем; 4. командующий ласковым, справедливым и строгим соблюдением порядка должен вселять во всех доверенность, уважение и любовь к себе; 5. полезно увеличить число народных и уездных училищ, но воспитание в самом крае никак не должно превышать обыкновенных гимназических степеней; ибо всё высшее образование должно быть непременно в России, т.е. в общем корыте Империи; 6. поощрять коммерческие отношения с Россией» [22, с. 380-384]. Очередная постановка внутренне противоречивой задачи свидетельствовала, что высшая власть в государстве так и не осознала своей ответственности перед населением Кавказа, да и не поняла, что же здесь надо делать. Регион, который требовал так много сил и средств государства, по мнению монарха, все еще не входил «в общее корыто Империи». Не случайно надежды правительства на быстрое «замирение» края вновь оказались тщетными.

Активизация военных действий армии Шамиля, длительная полоса неудач и поражений регулярных российских войск на Кавказе привела руководство России к выводу, что причина неудач – в отсутствии свободы действий у командующего войсками, в его чрезмерной зависимости от указаний Петербурга. Необычайная сложность региона, различный уровень социально-экономического, политического, культурного, уровня его отдельных частей требовали быстрых, эффективных, нестандартных решений от военного командования и органов гражданского управления в крае. Но это было невозможно из-за необходимости согласовывать все планируемые действия с

верховной властью в лице начальника Генерального штаба, военного министра, министром финансов, императора.

В этой ситуации, в середине 40-х годов XIX века Николай I принял решение предоставить «своему наместнику почти неограниченные полномочия, избавив его даже от ответственности перед военным министром» [15, с. 174]. Это решение должно было, во-первых, ускорить завершение военных действий в регионе, во-вторых, создать приемлемые условия существования для мирных горских обществ, признавших власть России. Новой формой управления регионом было выбрано наместничество, а на должность первого наместника Кавказа назначен генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф М.С. Воронцов, который сочетал в себе несколько качеств – деятельный генерал, опытный администратор, знаток Кавказа. По мнению В.В. Дегоева, объем полномочий Воронцова превышал власть Г.А. Потемкина при Екатерине Великой.

Наместник объединил военные и гражданские функции по управлению Кавказом в своих руках и получил «карт бланш» в условиях жесткой централизации государственного аппарата. Для усиления эффективности в отдельные звенья управления стали привлекаться представители горской элиты. Они получали чины, звания, права и привилегии российских дворян.

Управление краем Воронцов начал с обращения к «жителям Дагестана». В нем ключевыми были два положения – прекращение вооруженного сопротивления и гарантия сохранения дагестанцам «веры, законов, обычаев, имущества и земли» [3, с. 361]. «Воззвание» было тепло встречено частью населения. Предприняты были шаги к привлечению на сторону России наибов Шамиля. Воронцову, видимо, было известно о серьезных противоречиях между имамом и его ближайшими сподвижниками. «Несклеенность» имамата по его наибской линии и возможность усугубить разрыв между главой государства и его «автономными» образованиями представлялась очень привлекательной [9, с. 516].

Объявляя вне закона Шамиля и его окружение, Воронцов подчеркивал, что он проводит четкую грань между ними и остальным обществом. Гарантируя неприкосновенность ислама, традиций, обычаев, прав собственности, наместник обещал подвести под эти основы общественной жизни прочные законодательные опоры. Одновременно горцев ставили перед выбором: либо признать «справедливую и благодетельную власть» российского императора, радеющего о благополучии своих подданных, и тем самым разделить их счастливую судьбу, либо навлечь на себя жестокую кару [17, с. 95]. Такие обращения оказывали определенное воздействие на жителей предгорий, куда легко достигали российские войска.

Военная катастрофа, постигшая российские войска в даргинской экспедиции 1845 г., во время которой погибло свыше 3630 солдат и офицеров и около трех тысяч было ранено [9, с. 525], ускорила эволюцию политики наместника Кавказа в сторону диалога и взаимопонимания. Принцип российской имперской политики «в здешнем краю и добро надо делать насилием» ощутимо слабел. Свобода рук, предоставленная Николаем I

М.С. Воронцову, позволили ему изменить тактику освоения региона. Вместо карательных экспедиций, войска приступили к планомерному продвижению в горные районы с помощью топора и лопаты. Солдаты прорубали просеки в лесу, позволяющие воинским частям беспрепятственно проникать в самые отдаленные горные районы. Малоземельным и безземельным горцам предлагалось переселяться на плоскость, где им предоставлялись значительные участки земли.

Трудно, болезненно, очень сложно для командного состава, постепенно, с оговорками, но все-таки Кавказская администрация стала переходить к политике «понимания» по отношению к горцам. Не отказываясь от военных планов, которые продолжали доминировать, высшая администрация на Кавказе осознала важность реализации экономических, административно-судебных и просветительских программ в регионе. Воронцов переакцентировал внимание местного начальства с военных проблем на культурные, торговые, сословные, аграрные, экономические [37, с. 83]. Изменение вектора в управлении регионом почувствовали многие. А.Л. Зиссерман вспоминал, как по прибытии Воронцова на Кавказ «краю был дан толчок вперед, к лучшему. В стране, которая до того не знала почти деятельности, закипела жизнь, и дремавшие силы были вызваны наружу; всякий почувствовал потребность если не делать, то хотя бы заявить о чем-нибудь полезном…» [19, с. 74].

Управлять многонациональным Кавказом было сложно, особенно когда необходимо было вмешиваться в сложившиеся межэтнические отношения между народами или обществами. Для создания толерантной обстановки, при наличии которой только и можно было реализовывать просветительские программы, Воронцов немало издал приказов и распоряжений, направленных на развитие дружеских отношений между русскими и местными жителями, на обеспечение равных прав всех народов [44, с. 241].

Свою деятельность на Кавказе Воронцов начал со сбора конкретного материала о горцах. Зная об острых противоречиях между народами Северного Кавказа и местной администрацией, он потребовал от командования Кавказской военной линии активизировать подачу горскими народами прошений на его имя по наиболее важным проблемам их жизнедеятельности. Шаг к пониманию был сделан и вызвал бурную реакцию. Так, представители тагаурского, куртатинского, алагирского, цимитинского, джераховского, назрановского, кистинского, галгаевского, карабулакского обществ подали прошения, в которых было поставлено несколько проблем [46, л. 1-31]. Во-первых, решить аграрный вопрос, т.е. закрепить земельные участки земли, которыми владела горская знать, в их потомственную собственность; во-вторых, предоставить права российских дворян старшинам и владельцам аулов; в-третьих, посылать их детей на учебу в Россию; в-четвертых, возвратить в родные аулы горцев, сосланных за преступления в Россию; в-пятых, не присылать, без соответствующей просьбы, священников в горские общества для проповеди учения Христа; в-шестых, за потраву сенокосов и посевов частями Отдельного Кавказского корпуса, выплачивать денежную компенсацию; в-седьмых, отменить правило «барамты», когда по подозрению в

совершении преступления наказывалось все общество, а не конкретные виновные, и др. Помимо коллективных было подано множество прошений индивидуальных. Их общее число только в ЦГА РСО-Алания, по нашим подсчетам, составляет несколько тысяч [34]. Массовый характер обращений за помощью к Кавказской администрации – явное свидетельство поиска населением той силы, которая создаст приемлемые условия жизни. По нашему мнению, прошения – это особая форма социокультурного диалога, который складывался в процессе взаимодействия, и в комплексе с другими источниками, дает возможность исследовать формирующийся механизм государственного регулирования социально-экономических и культурных проблем горцев и степень его эффективности.

Свыше 70 % всех прошений касались аграрно-сословного вопроса. Сословные, в свою очередь, можно разделить на две группы. Одна включает прошения различных категорий горских крестьян: фарсаглагов, адамихатов, кавдасардов, азатов, пшитлей и унаутов о защите их от притеснений старшинской и уоркской верхушки, присвоения им звания узденей с тем, чтобы они пользовались теми же привилегиями, что и знать. Другая группа – прошения старшин и владельцев, в которых алдары, баделяты, старшины ходатайствуют о юридическом закреплении их сословных прав. Это дало бы им возможность сделать карьеру на российской службе по примеру князей Черкасских и Бекович-Черкасских, генералов Д. Бегидова, Х. Анзорова, С. Азамат-Гирея, А. Туганова, М. Кундухова, полковников Хан-Гирея, Казы-Гирея, А. Атажукина, Ф. Абдурахманова, С. Галаева и др.

Для решения этих злободневных для горцев вопросов во Владикавказе, а затем в Нальчике, Хасавюрте, Грозном открываются комитеты и комиссии [31], которым была поставлена задача разработать комплекс мероприятий по реализации поданных просьб. Сам факт разработки конкретных проектов обеспечения жизненных интересов горцев, свидетельствовал о настойчивом поиске новых механизмов взаимоотношений официальной власти с жителями края, т.е. это была форма социокультурного диалога, но инициатором ее разработки теперь становится российская администрация.

По инициативе М.С. Воронцова в 1848 году Николай I подписал указ о создании Кавказского учебного округа. Управляющий учебным округом должен был создать систему образования в регионе и стремиться «1. в распространении повсюду правильного знания русского языка, дело до сих пор совершенно забытое, вследствие чего весьма малое число туземцев могут в настоящее время служить с пользой правительству и собственно для себя; 2. в непременном и безусловном обучении всех русских учеников хотя бы одному из туземных языков [26, с. 141]. Реализация этого проекта, несмотря на сложность и длительность осуществления, действительно сблизила бы местное население с российской администрацией. Здесь дело касалось буквально того, чтобы администрация и население могли заговорить на одном языке.

В 1848 г. в станице Екатериноградской в Большой Кабарде была открыта школа военных воспитанников «для детей русских офицеров, кабардинских князей и дворян, с допущением нескольких детей отличившихся урядников

линейного казачьего войска, т.е. 25 кабардинцев, 25 русских чиновников и урядников и 25 кантонистов» [32, с. 349]. В этом же году была создана Навагинская школа во Владикавказе для детей привилегированных сословий [8, с. 303]. Как видим, и в этом вопросе, так долго поднимавшемся прогрессивными деятелями Кавказа, был сделан реальный шаг вперед.

В 1846 году при непосредственном содействии М.С. Воронцова была открыта первая общекавказская газета, которая «имела целью знакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем, еще находившемся почти в младенческом состоянии и мало известном» [23, с. 1]. Помимо официальных распоряжений правительства и администрации в ней печатались разнообразные исторические материалы о прошлом и настоящем горских народов. Эти публикации давали возможность читателю проникнуть в духовный и материальный мир насельников Кавказа, ближе познакомиться с их общественным и административным устройством.

Понимание приходит в процессе познания. Аксиоматичность этой формулы, видимо, была вполне ясна Воронцову, поэтому по его рекомендации первым редактором газеты «Кавказ» был назначен О.И. Константинов, который известен был не только как хороший журналист, но и знаток Кавказа. Нельзя не поразиться его откровенной комплиментарности в отношении к жителям горных ущелий в период острейшего военного противостояния в регионе. Описывая черкесов Северо-Западного Кавказа, он сумел увидеть такую гамму необычайного в их повседневной жизни, что его очерк скорее похож на поэму. «Сколько удивительного и достойного изучения, – пишет он, – мы найдем в этом народе. Характеры истинно рыцарские, герои, исполненные доблести, чести, ума и высокого красноречия; воспитание и презрение всех слабостей тела и духа. Народ, не имевший письмен, передающий из рода в род в песнях историю, законы, мысли и чувствования. Изощрение дара слова положено было у него в основание воспитания и, красноречие гремело на народных съездах, а песня звучала над прахом каждого замечательного человека. Каждый, умирая, уже слышал хвалебный гимн себе, или порицание соотечественников и мысль, что скажут обо мне, сторожила всякого в его славных и бесславных деяниях» [28, с. 19]. Теплое, уважительное отношение редактора ко всем народам Кавказа предопределило тематику и тональность издания, формировало благожелательное общественное мнение к жителям гор. Не случайно, именно здесь были напечатаны сотни историко-этнографических исследований краеведов и ученых (Хан-Гирей, П. Хицунов, Н. Берзенов, Д. Бакрадзе, А.М. Шёгрен, В. Переваленко, Е. Вердеревский и др.).

Появление новой газеты за хребтом Кавказа, доброжелательный подход редакции к судьбе горцев встретил поддержку со стороны прогрессивной части российского общества. С прошлого года, – писал известный литературный критик В.Г. Белинский, – в Тифлисе издается газета «Кавказ», значение которой неоценимо важно в двух отношениях: с одной стороны, это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ним образование привычки и дает возможность грубые средства к рассеянию заменить полезными и благородными. С другой стороны,

газета «Кавказ» знакомит Россию с самым интересным и наименее знаемым его краем, входящим в ее состав» [7, с. 58]. Великий просветитель увидел в деятельности газеты главное: вольно или невольно она ограничивает возможности военного командования решать вопросы взаимоотношений с горцами только с помощью оружия.

С этой же целью, по личной просьбе М.С. Воронцова, к нему был откомандирован один из лучших российских востоковедов – Н. Ханыков. Его статьи «Перевод мусульманских постановлений о войне», «О мюридах и мюридизме», опубликованные в газете «Кавказ», дали читателям, в том числе и военным, бесценный материал об исламе, основах тариката и религиозной подоплеке противостояния горцев России. По-видимому, он был одним из первых, кто поставил вопрос о необходимости учитывать эти аспекты при проведении в крае преобразований.

В 1850 г. полковник Н.Ф. Торнау опубликовал в Тифлисе работу о главных началах мусульманского законоведения, отметив в предисловии новизну и важность такого труда для любой европейской страны, вступающей в контакт с мусульманским миром. «Главная моя цель при издании настоящего труда, – подчеркивал Торнау, – есть практическая пригодность оного к управлению мусульманскими племенами Империи и ознакомление правительственных лиц, администраторов и судей с освященными религией и вполне проникнутыми духом оной гражданскими законами последователей ислама» [36, с. 84]. Подчеркнув прикладной характер своего труда, ученый предложил его администрации как руководство к действию. С этой же целью, Воронцов предлагал привлечь крымского муфтия Кади Эскер Сеид Халил Эфенди и его четырех помощников «к увещеванию мюридов и горцев расположиться к России» [14, с. 484].

Большое научное и общественное значение имело открытие в 1850 г. Кавказского отдела императорского Русского географического общества (КОИРГО), который стал первым провинциальным филиалом РГО. Идея об учреждении КОИРГО возникла в 1848 г. в среде военной интеллигенции, поскольку на Кавказе проходили службу многие известные ученые и просто любознательные инициативные люди, занимающиеся сбором и изучением разнообразного материала по истории горских народов. Сознавая, что выявленный ими материал большей частью остается без употребления в архивах, ряд общественных деятелей обратились к М.С. Воронцову с предложением «открыть на Кавказе местный отдел РГО, с целью изучения Кавказского края в отношениях: географическом, этнографическом и статистическом» [18, с. 184]. Поддержка наместником начинания, предопределила положительное решение вопроса. Указом Николая I от 27 июня 1850 г. был утвержден устав КОИРГО и бюджет общества в 2000 руб.

КОИРГО объединил все малочисленные научные кадры, претендуя на координирующую роль в организации исследований не только в области собственно географии, но также этнографии, статистики, археологии, библиографии и т.д. [43, с. 119]. Не все из намеченного удалось сделать, но открытие филиала самого передового научного общества России в Тифлисе,

свидетельствовало о том, что курс «на понимание, через познание» с местным обществом был стратегическим и не ограничился первыми либеральными начинаниями.

Многие рекомендации ученых не только были услышаны, но и реализованы. Военное командование на Кавказе вынуждено было, помимо решения военных задач, решать разнообразные экономические, технические, социальные, земельные и культурные проблемы местного населения: строительство меновых дворов, школ, фельдшерских пунктов, дорог, мостов через горные реки, плотины против разлива рек на плоскости. В 1846 г. был создан «Комитет улучшения садоводства и укрепления берегов реки Терек». Эта неброская, но важная для горцев конкретная работа создавала прочный фундамент добрососедских отношений и оказывала большее влияние, чем военные победы. Особенно явно это проявилось в годы Крымской войны, когда частям, сражавшимся против турецких войск в Закавказье, не пришлось опасаться за свой тыл.

Одновременно шел поиск новых форм управления, где определенную роль играли бы представители местной элиты. Новая система административно-территориального управления оформилась в 1858 г., когда официально была введена система военно-народного управления. Суть этого управления, по мнению Кавказской администрации, подготовившей его введение, заключалась в следующем: «Мы должны действовать с особенной осторожностью, чтобы мерами преждевременными, чуждыми еще понятиям и нравам горцев, не внушать в них неудовольствия, недоверия и отвращения к нашим нововведениям и не вызвать сопротивления с их стороны. Лучшим для того средством будет применяться при всех наших преобразованиях в управлении мирными горцами, к общественному их устройству и народным обычаям» [40, л. 4 об. – 5].

Многогранная деятельность администрации по обеспечению в крае порядка, организованного на основе сочетания норм российского и местного обычного права, с одной стороны, и ежедневная потребность горцев в обеспечении условий для жизни, вели к постепенному примирению горских народов с реалиями Российской империи.

Но менялись, приспосабливаясь к конкретным жизненным реалиям, не только они. Эволюционировала и сложившаяся здесь военно-административная система, пытающаяся, в лице своих наиболее талантливых представителей, организовать приемлемые формы сосуществования различных социально-культурных укладов.

Итоги этого процесса свидетельствуют, что успехи имперского правительства стали реальными тогда, когда была изменена стратегия взаимоотношений с народами Кавказа. Аппарат управления занялся организацией социокультурного пространства, жизни и быта горских обществ, что, в конечном счете, и определило выбор народов Кавказа. Порядок, организация, система, как синонимы мира, безопасности и благополучия, стали для горцев ключевыми, жизненно важными идеями, что меняло ментальные ориентиры и вело к интеграции, сближению народов Северного Кавказа с

Россией. Все возрастающая потребность в таком способе бытия заставляла Петербург искать пути ее удовлетворения и подсказывала то стратегическое направление, в котором должна была развиваться российская политика на Кавказе [16, с. 29]. Да, были отклонения, иногда даже отступления от избранного пути. Можно вспомнить письмо Александра II в 1860 г. наместнику Кавказа А.И. Барятинскому, в котором, касаясь вопроса о предстоящих территориально-административных преобразованиях на Северном Кавказе, он писал: «Управление горцами должно стать главной задачей текущего момента, надо смотреть на управление горцами как продолжение их покорения» [4, с. 1287]. Несмотря на такую установку, местная администрация искала формы углубления связей с горцами.

Едва ощутимая потребность в союзе с северным соседом в XVI в., стала осознанной необходимостью для основной массы горцев во второй половине XIX века. Траектории движения горского и российского социумов совместились в эпоху либеральных реформ 60-70-х годов XIX века, несмотря, опять-таки на некоторые «недоразумения». Потеря политической независимости положила начало модернизации традиционного горского общества по российским лекалам. Изменились и вектор, и механизмы социально-культурного развития народов Северного Кавказа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. Т. 2. – 1238 с.

2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. Т. 4. – 1019 с.

3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1885. Т. 10. – 982 с.

4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1893. Т. 12. – 1558 с.

5. Архив графов Мордвиновых: в 10 т. / Предисл. и примеч. В.А. Бильбасова. – СПб.: тип. И.Н. Скороходова, Т. 5. 1902. – 743 с.

6. Архив Раевских. Т. 1-5. Т. 3: Письма. 1839-1841 гг. / Изд. П.М. Раевского; Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. – СПб.: тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 3. – 718 с.

7. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – М.: Мысль, 1956. Т. 10. – 439 с.

8. *Блиев М.М., Бзаров Р.С.* История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. – Владикавказ: Ир, 2000. – 351 с.

9. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 877 с.

10. *Боров А.Х., Дзамихов К.Ф.* Россия – Северный Кавказ (современный политический опыт в историческом контексте) // Полис. – 1998. – № 3. – С. 192-203.

11. *Боров А.Х.* Новое время в социокультурной мозаике России: Северный Кавказ // Россия в новое время: центральное и периферийное в системе культурного диалога. Материалы Российской межвузовской научной конференции 28-29 апреля. – М.: РГГУ, 1999. – С. 200-215.

12. *Боров А.Х.* Северный Кавказ: социокультурные механизмы исторического процесса // Исторический вестник. – Нальчик, 2006. – Вып. III. – С. 3-55.

13. *Гордин Я.А.* Россия на Кавказе // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – С. 555-583.

14. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х годах XIX века. Сб. док. / Сост. Г.-А.Д. Даниялов. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1959. – 785 с.

15. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. – М.: Русская панорама, 2001. – 448 с.

16. *Дегоев В.В.* Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIXв.) // Кавказский сборник. – М.: Русская панорама, 2004. Т. 1(33). – 352 с.

17. *Дегоев В.В.* Три силуэта Кавказской войны: А.П. Ермолов, М.С. Воронцов, А.И. Барятинский // Вестник института цивилизации. – 2000. – Вып. 3. – С. 67-116.

18. Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества (КОИРГО). – Тифлис: Типография Канцелярии наместника Е. И. В. на Кавказе, 1853. Кн. 2. – 275 с.

19. *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1867. – М.: Кучково поле, 2014. – 576.

20. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. / Сост. проф. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 480 с.

21. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 396 с.

22. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – 720 с.

23. Кавказ. – 1846. – №1. – 4 с.

24. *Карамурзов Б.С., Боров А.Х.* Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Кавказология. – 2017. – №1. – С. 12-40. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Borov_Karamurzov_Kavkazologiya_2017_1.pdf (дата обращения: 17.06.2017)

25. *Керашев А.Т.* Побеги адыгов в Россию (1828-1864) // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX веке. – Майкоп: Майкопское книжное изд-во, 1987. – С. 37–48.

26. *Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю.* Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). – Пятигорск: ИП Филиппов, 2006. – 158 с.

27. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Соч. в 9 т. – М.: Мысль, 1987. Т. 1. – 431 с.

28. *Константинов О.И.* Очерк северной стороны Кавказа // Сборник газеты «Кавказ». Первое полугодие 1847 г. – Тифлис, 1847. – 256 с.

29. *Короленко П.П.* Горские поселенцы в Черномории // Известия общества любителей изучения Кубанской области. / Под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. – Екатеринодар, 1902. Вып. 3. – С. 73-115.

30. *Кузьминов П.А.* Аграрные преобразования у народов Центрального Кавказа в 50-60-е годы XIX века // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2005. – С. 44-71.

31. *Кузьминов П.А.* Работа сословно-поземельных комиссий и комитетов в 40-70-х годах XIX века в Центральном Предкавказье // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2005. – № 22. – С. 69-76.

32. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 446 с.

33. *Лапин В.В.* «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия…» Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – С. 9-29.

34. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века: Сборник документальных материалов. В 2-х т. / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. Т. 1. Территория, население и особенности социально-экономических отношений у народов

Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. – М.: Поматур, 2005. – 368 с.; Т. 2. Проекты и решения сословных и земельных отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. – М.: Поматур, 2005. – 392 с.

35. *Новицкий В.* Анапа и закубанские поселения // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 2. – Тифлис: Типография Канцелярии наместника Е. И. В. на Кавказе, 1853. – С. 7-52.

36. *Олейников Д.И.* Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. – С. 69-90.

37. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. – 529 с.

38. *Пушкин А.С.* Кавказский пленник // Соч. в 3-х Т. – М.: Мысль, 1986. Т. 2. – 532 с.

39. Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. – М.: Русская панорама, 2011. – 880 с.

40. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1268. – Оп. 9. – Д. 436.

41. *Сенявский А.С.* Психологическая регуляция и подготовка воинов в различных исторических и этнокультурных условиях // Военно-историческая антропология. Ежегодник. – М.: РОССПЭН, 2002. – 400 с. – С. 53–69.

42. *Трехбратов Б.А.* История Кубани с древнейших времен до начала XX века. Учебное пособие по краеведению. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 2000. – 440 с.

43. *Тютюнина Е.С.* К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX века // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: КБГУ, 1989. – 239 с.

44. *Удовик В.А.* Воронцов. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 413

45. *Хан-Гирей.* Бесльний Аббат // Черкесские предания. Избранные произведения. / Сост. Р.Х. Хашгожева. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 288 с.

46. Центральный государственный архив РСО-Алания. – Ф. 233. – Оп. 1. – Д. 3.

47. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. 1. История края. Екатеринодар, 1910. Репринт. – Краснодар: Советская Кубань, 1992. – 712 с.

48. *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом: в 2 т. – Тифлис: Типография Гуттенберг, 1907. Т. 1. – 620 с.

УДК 930, 94 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-84-94**

ВОСПРИЯТИЕ «КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ» В ЗАПАДНОЙ И ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В.В. ЦИБЕНКО

Южный федеральный университет
Центр междисциплинарных гуманитарных исследований
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 160, каб. 202
E-mail: tsibenkovv@sfedu.ru

Аннотация. В западной и турецкой историографии термин «Кавказская война» воспринимается как инновация и искажение истории, что указывает на недостаточное знакомство с российской историографией по Северо-Западному Кавказу. Однако следует отметить обоюдность данного процесса, поскольку альтернативная терминология и сопутствующие ей смыслы ускользают от внимания российских исследователей. В этой связи в данной статье предпринимается попытка провести анализ ключевых понятий, используемых в турецкой и западной историографии для обозначения военных действий на Северо-Западном Кавказе в ходе его присоединения к Российской империи. Основным методом проведенного исследования стал компаративный. При подготовке статьи использовались турецкоязычные и англоязычные материалы. Следует отметить, что за «турецкой» и «западной» историографией в реальности скрывается множество историографических традиций и школ, подверженных влиянию как географического фактора, так и этнического. С целью их изучения ставилась задача найти возможные причины, обуславливающие генезис тех или иных подходов к описанию истории Северо-Западного Кавказа и создать некую схематичную периодизацию. По возможности анализировался фактор влияния российской и локальной кавказской историографии. Осознавая все недостатки широких обобщений и опасность создания упрощенной картины, было решено принимать историографию как комплексное, многосоставное и порой противоречивое явление.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ; черкесы; историография; Турция; Кавказская война; Русско-Черкесская война.

PERCEPTION OF THE «CAUCASIAN WAR» IN WESTERN AND TURKISH HISTORIOGRAPHY

V.V. TSIBENKO

Southern Federal University
Centre for Interdisciplinary Studies in the Humanities
344002, Russia, Rostov-on-Don, Pushkinskaya 160, 202
E-mail: tsibenkovv@sfedu.ru

Abstract. In Western and Turkish historiography the term «Caucasian War» is perceived as innovation and distortion of historical reality. This points out at the insufficient acquaintance with

* Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки РФ в сфере научной деятельности №30.2875.2017/8.9.

Russian historiography on North-Western Caucasus while there is some reciprocity in this respect, because alternative terminology and accompanying it meanings escape the attention of Russian historians. This paper presents an analysis of key concepts used in Turkish and Western historiography to denote fighting in North-Western Caucasus in the course of its acquisition by the Russian empire. The principal research method is comparative one. The paper is based on materials in Turkish and English languages. It should be noted that under the terms «Turkish» and «Western» historiographies in fact is hiding the multiplicity of traditions and schools of historical writing susceptible to the influence of geographic as well as ethnic factors. In order of their studying the task was set to find out the possible causes conditioning the genesis of various approaches to representations of history of North-Western Caucasus and to construct some schematic periodization. The special attention was paid to the influence, exerted by Russian and local Caucasian historiography. Relying on the understanding of all the flaws of broad generalizations and the danger of creating a simplified picture, historiography is here taken to be a complex, plural and occasionally controversial phenomenon.

Key words: North-Western Caucasus; Circassians; historiography; Turkey; Caucasian War; Russo-Circassian War.

В июне 2015 г. в № 36 журнала «Былые Годы» была опубликована статья за нашим авторством [48], посвященная трансформации содержания и восприятия так называемого черкесского вопроса в исторической ретроспективе. Статья вызвала живой отклик у черкесской общественности и была отмечена критическими публикациями черкесских активистов Ияда Югара (Iyad Youghar) и Аделя Башкави (Adel Bashqawi) [52], а сразу вслед за ними – ведущего аналитика по постсоветскому пространству Пола Гобла (Paul Goble) [24]. Хотя данная критика не имела академической аргументации и не соответствовала содержанию статьи, она представляет интерес как показательный пример различий в историографических подходах.

Внимание упомянутых выше авторов привлекла использованная в статье хронология и терминология, воспринятая как «официально российская» [52]. По словам Пола Гобла, «статья не только фальсифицирует даты Русско-Черкесской войны, которая длилась с 1763 по 1864, но и перекрещивает этот конфликт в «Кавказскую войну» – российскую инновацию, которая игнорирует то, что реально случилось в западной части Северного Кавказа» [24].

Восприятие термина «Кавказская война» как инновации в очередной раз указало на недостаточное знакомство западных исследователей с российской историографией по Северо-Западному Кавказу[1]. Однако следует отметить обоюдность данного процесса, поскольку альтернативная терминология и сопутствующие ей смыслы ускользают от внимания российских исследователей. В этой связи в данной статье предпринимается попытка провести анализ ключевых понятий, используемых в турецкой и западной историографии для обозначения военных действий на Северо-Западном Кавказе в ходе присоединения к Российской империи.

[1] В данной статье не затрагивается критика термина «Кавказская война» в рамках самой российской историографии, поскольку это выходит за рамки обозначенной темы.

Основным методом проведенного исследования стал компаративный. При подготовке статьи использовались только турецкоязычные и англоязычные материалы, хотя привлечение историографических работ на французском и немецком языках значительно расширило бы наше представление о «западной» историографии.

Следует отметить, что за «турецкой» и «западной» историографией в реальности скрывается множество историографических традиций и школ, подверженных влиянию как географического фактора, так и этнического. С целью их изучения ставилась задача найти возможные причины, обуславливающие генезис тех или иных подходов к описанию истории Северо-Западного Кавказа и создать некую схематичную периодизацию. По возможности анализировался фактор влияния российской и локальной кавказской историографии. Осознавая все недостатки широких обобщений и опасность создания упрощенной картины, было решено принимать историографию как комплексное, многосоставное и порой противоречивое явление.

Кроме того, при работе с историографическими работами не всегда возможно было отделить Северо-Западный Кавказ от Северного, а черкесов (адыгов) от других кавказских народов. В этой связи разграничение проводилось там, где это получалось сделать.

В ходе проведения исследования были использованы многочисленные библиографии по Северо-Западному Кавказу, написанные на турецком и английском языках [41; 13; 29]. Также привлекалась работа Зейнеля Абидина Бесленея «Обзор литературы по черкесским исследованиям», представленная им на конференции в г. Сухум (Абхазия) в 2007 г. [14]. Хотя автор не рассматривает российские историографические работы как предвзятые и необъективные, а также уделяет крайне незначительное внимание англоязычным материалам, он детально систематизирует турецкоязычные исследования черкесской диаспоры.

Кроме того, за 2013-2017 гг. коллективом Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета была собрана собственная библиографическая база, включающая много не учтенных более ранними списками современных работ на русском, английском, турецком и арабском языках. Часть из них была использована при написании статьи. Тем не менее, работу нельзя назвать завершенной, поскольку сама широта темы позволяет выделить только основные тенденции в развитии западной и турецкой историографии по Северо-Западному Кавказу.

Западная историография

Основа западной историографии по Северо-Западному Кавказу в период российского укрепления на Кавказе была заложена британскими историками и путешественниками. Они сформировали эмоциональную оценку военного присутствия России на Кавказе как угрозы британским интересам в Индии. Черкесия (страна северокавказцев) воспринималась как барьер или щит,

наподобие Польши, способный сдержать «продвижение» России [46, с. 29]. «Пионер» в черкесских делах Дэвид Уркарт в 1853 г. призывал европейцев: «Для Индии и для Османской империи существует только один мощный защитный барьер… Кавказ. В наше время мы увидели возникновение этого нового народа. Этот народ находится в войне с Россией. Услышь это, Европа!» [49, с. 135-136].

Так же, как и Уркарт, такие путешественники по Черкесии как Эдмунд Спенсер (Edmund Spencer), Джеймс Белл (James Bell), Джон Лонгворт (John Longworth) и Вильям Джесси (William Jesse) в 30-40-е гг. XX в. использовали слово «война» или «Русская война» по отношению к кавказским событиям [47; 10; 39; 30]. Уже в 50-е гг. XX в. у американского путешественника Джорджа Дитсона встречается упоминание о «Кавказской войне» [21, с. 372], а британец Рассел Ли в книге «Истории из России, Сибири, Польши и Черкесии» говорит о «Черкесской войне» [37].

Однако под этим понималась, в первую очередь, «священная война “бравого Шамиля, Наполеона черкесов”» [37, с. 411]. Звучали постоянные призывы оказать ему помощь для спасения Кавказа и британских владений: «Россия неизбежно подчинит Кавказ при поражении Шамиля, если помощь не будет оказана вовремя. И Россия не остановится на этом. Ее агрессивная политика, противоположная мировой, приведет ее в Индию и к империи Индийского океана» [51, с. 157].

В свою очередь, действия черкесов на Северо-Западном Кавказе описывались как «современная борьба за независимость» [37, 344], «борьба против порабощения Россией» [45] и пр. В британской историографии делался акцент на непризнание власти России в Черкесии ни де факто, ни де юре. Отстаивалась независимость кавказских племен и утверждался принцип свободы торговли.

Наибольшее распространение в исследовательской литературе получила идея о «российском завоевании Кавказа» и, в ответ, кавказском или черкесском «сопротивлении». Она просуществовала до нашего времени, будучи использована в работах Джона Бэддли (John Baddeley), Питера Брока (Peter Brock), Виллиса Брукса (Willis Brooks), Моше Гаммера (Moshe Gammer) в отношении к Северо-Восточному Кавказу, Поля Хенце, Кадыра Натхо (Kadir Natho) и многих других [7; 16; 17; 23; 26; 40].

С 2000-х гг. такими исследователями как Уолтер Ричмонд (Walter Richmond), Оливер Буллоу (Oliver Bullough), Кадыр Натхо, Ирма Крайтен (Irma Kreiten), Мераб Чухуа (Merab Chukhua), Адель Башкави (Adel Bashqawi), Антеро Лейцингер (Antero Leitzinger) и др. [44; 18; 40; 36; 20; 9; 38] активно продвигается идея черкесского геноцида (подробнее см.: [4]), а черкесская историография развивается в русле пост-колониальных исследований.

Следует отметить, что в России концепция геноцида черкесов распространяется уже в конце 80-х в соответствии с трендом того времени. Начиная с XXVII Съезда КПСС в 1986 г., когда Горбачев объявил политику гласности и впервые произнес с трибуны слово «геноцид», с политических трибун стали регулярно озвучиваться идеи о геноцидах русских, армян,

азербайджанцев, абхазов, грузин, чеченцев, ингушей и др. В апреле 1990 г. в ауле Кошехабль в Адыгее прошел научный форум, в заключительных рекомендациях которого значилось: «царизм проводил политику геноцида по отношению к адыгским народам в XIX века» [2, с. 263].

На научной конференции «Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства», проведенной в Нальчике 24–26 октября 1990 г. был введен в научный оборот термин «русско-кавказская война», который был вскоре дополнен «русско-черкесской», «русско-адыгской», «русско-кабардинской» и др. «межэтническими» войнами.

Нижняя датировка войн опускалась вплоть до XV в., верхняя могла доходить до современности. Наибольшее распространение приобрела версия о «столетней колониальной войне» (1760-1864 или 1763-1864), вошедшая в официальные документы северокавказских республик. Эта датировка была введена в научный оборот в 1956 г. кавказским эмигрантом Рамазаном Трахо, сотрудником функционировавшего в 1950-1972 гг. в Мюнхене Института по изучению истории и культуры СССР [3].

Хотя в западной историографии регулярно встречались термины «Кавказская война» и «Кавказские войны», к 2000-м гг. под влиянием исследователей черкесского происхождения проявилась тенденция к закреплению термина «Русско-Черкесская война». В то же время, такой ведущий исследователь как Уолтер Ричмонд употребляет синхронно понятия «Русско-Черкесская война», «Русско-Кавказская война» и «Кавказская война» [44]. При этом под черкесами понимаются как собственно адыги, так и северокавказцы (иногда, как у Джона Бэддли и Моше Гаммера, от них отделяются кабардинцы).

Не было выработано в западной историографии и единого подхода к хронологии. Начало войны относят к 1800, 1802, 1817, 1825, 1829, 1830 гг., окончание – к 1763, 1840, 1859, 1861, 1864, 1872 и т.д. В свою очередь, американский исследователь черкесского происхождения Кадыр Натхо отмечает: «Подавляющее большинство историков, однако, пришло к выводу, что Русско-Кавказская война началась в 1763 и длилась до 1864 г. Тем не менее, информация этих историков неверна, так как первое российское вторжение в Черкесию произошло в 985 г. под руководством князя Святослава… Это произошло 1016 лет назад, за 778 лет до того, как предположительно началась Русско-Кавказская война!» [40, с. 267].

Турецкая историография

В турецкой историографии османского периода не только отсутствовал термин «Кавказская война», но даже близкие ему понятия. Для османов военные действия России на Кавказе не представлялись как нечто целостное, а лишь как сменяющие друг друга русско-турецкие и русско-иранские войны, затрагивающие кавказские территории, на которые претендовала Османская империя.

Важнейшим критерием оценки происходящих на Кавказе событий для турецкой историографии был ислам. Османские историографы писали о продвижении России на Кавказ с XVII в. как наступлении неверных на мир ислама. Османский султан, будучи одновременно халифом, воспринимал мусульман Кавказа (Черкезистана) как своих подданных.

У султанов были и другие причины претендовать на владение Северо-Западным Кавказом. Помимо клятв верности, приносимых черкесскими князьями в Константинополе и отсылаемых им денег, и статусных подарков (меха, кожи, ружья), существовало представление о наследственной преемственности владения, переданного османам от Золотой Орды через Крымское ханство. Другую версию предлагает османский историк Ахмет Джевдет-паша (1822-1895): «Как Кабартайцы, так и другие Черкесские племена, старшие слуги высокой монархии, до самых дней султана Баязида, служили ему, как конное войско, в мире и войне. После того при свидании с Баязид-ханом, великий Хаджи-Гирей-хан просил его, чтобы он сказанные племена отдал ему в распоряжение; просьба его была уважена, и с тех пор племена эти всегда служили ему» [1, с. 373].

Земли между Кубанью и Тереком считались перешедшими под османское господство с признанием крымским ханом вассальной зависимости от османского султана в 1475 г. [34, с. 383; 15]. Принадлежность западно-кавказских земель османам юридически подтвердил Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., по которому новая российско-турецкая граница проходила по реке Кубань[1]. На этом же основании османы посчитали себя вправе отдать России все восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани святого Николая по Адрианопольскому мирному договору 1829 г.

С 1774 г. в связи с потерей Крыма максимально обострился интерес османского правительства в привлечении к себе черкесов. Считая черкесов своими подданными, османские султаны требовали от них подчинения по принципу «в мирное время не воюйте, при объявлении же войны воюйте на стороне Османского государства» [25, с. 106]. Поэтому все военные операции черкесов вне русско-турецких войн рассматривались османской стороной крайне негативно как способные навредить внешней политике государства и спровоцировать очередную войну. Таким образом, в выделении особой войны России с горцами в османской историографии речи идти не могло.

Ситуация коренным образом изменилась в правление младотурок, среди которых было много переселенцев с Кавказа. На фоне таких исторических событий как Первая мировая война и создание Горской республики на Кавказе начал преобладать взгляд о русском захвате и оккупации (işgal, istila) независимого Кавказа. Однако возможность для широкого распространения эти взгляды получили только на рубеже 50-60-х гг. XX в. Тогда были

1 При этом, согласно Ахмету Джевдету-паше, юридический статус Большой Кабарды – «члена, силою обстоятельства отторгнутого от тела империи», – оказывался неясным. Османская империя, опасаясь нарушить трактат, не стала поддерживать кабардинцев, чем и воспользовалась Россия [1, с. 373].

опубликованы труды по многовековой истории «войны за свободу и независимость Северного Кавказа» («İstiklal mücadele ve muharebeleri», «Hürriyet ve İstiklâl Savaşı») и «Кавказско-Русской борьбе» («Kafkas-Rus Mücadalesi») таких проживавших в Турции участников событий как адыги Пшемахо Коцев и Исмаил Хакки Беркок, а чуть позже, и ингуш Вассан-Гирей Джабагиев [35; 11; 19]. Это направление поддержали, и турецкие исследователи того периода [27; 28; 50].

Столь долгое молчание о Северо-Западном Кавказе и черкесах в турецкой историографии было связано с табуированием темы в ходе построения мононационального турецкого государства, идеология которого не допускала существования иных национальных движений среди мусульман Турции. Маргинальной оказывалась любая нетурецкая идентичность граждан страны, в том числе и черкесская. Возвращение Кавказа на повестку дня было обусловлено, с одной стороны, ослаблением идеологического давления в связи с приходом к власти в 1950 г. Демократической партии вместо правившей монопольно с 1924 г. Народно-республиканской партии. С другой стороны, важную роль сыграло вступление Турции в НАТО в 1952 г. и превращение ее в активного участника Холодной войны. Уже с 50-х гг. начали образовываться кавказские ассоциации и издаваться журналы по кавказской проблематике.

С 60-х гг. исследовательский интерес к истории вхождения Кавказа в состав России постепенно нарастал преимущественно среди исследователей черкесского происхождения. Крупнейшими среди них стали публиковавшие свои исследования с конца 80-х гг. Nihat Berzeg [12] и Izzet Aydemir [6]. Публикацию источников и исследований по истории Северо-Западного Кавказа начали осуществлять многочисленные издательства черкесской диаспоры, в том числе: «Nart Yayıncılık», «Kafdav Yayınları», «Adige Yayınları», «Kafdağı Yayınları» и др.

«Черкесская» историография внутри магистральной турецкой во многом существует по принципу контристории, оспаривая многие положения официальных исторических доктрин. Так, например, переселение северокавказцев в Османскую империю турецкие историки называют миграцией и связывают его воедино с переселениями с Крыма и Балкан, делая акцент на исламском вероисповедании черкесов (кавказцев). Черкесские исследователи, в свою очередь, с 90-х гг. развивают концепцию изгнания и геноцида (например, см.: [5], мало уделяют внимания религиозным вопросам и отходят от понимания черкесской идентичности как общекавказской, переходя узкому этническому пониманию – «черкес равно адыг».

Турецкая историография республиканского периода использовала такую терминологию как: «русско-кавказская война (войны)» («Rus-Kafkas savaşı (savaşları)»), «русско-черкесская война (войны)» («Rus-Çerkes Savaşı», «Çerkes-Rus savaşları»), «национальная черкесская война» (Çerkez milli savaşı) и даже «черкесская национальная освободительная война» (Çerkes Ulusal Kurtuluş Savaşı) [31]. Верхней планкой войны или войн указывали чаще всего 1864 г., начало же относили к 1762, 1763, 1829 гг.

Например, Яхья Канболат (Yahya Kanbolat) пишет: «В 1762 г. началась Черкесско-Русская война под предводительством Имама Мансура… В 1819 же Черкесско-Русская война под названием «Война Мюридов» начинается снова. Это была партизанская война и черкесы продемонстрировали чудеса в этой войне» [32, с. 51, 70].

В 2000-х гг. внутри черкесско-турецкой историографии также закрепился термин «русско-черкесская война» с датировкой 1763-1864 гг., который был заимствован из российско-кавказской историографии. Однако религиозное крыло диаспоры придерживается версии о 300-летней русско-кавказской войне, начавшейся с возведением русскими крепости Терки в 1567 г. (см., например: [8]), что позволяет сохранять интерпретацию этнонима «черкес» как северокавказец.

При этом термин «Кавказская война» до сих пор встречается в Турции непониманием. Так, один из современных черкесских авторов следующим образом реагирует на официально отмечаемый на Кавказе «День памяти жертв Кавказской войны»: «Сейчас меня снова обвинят в жестокосердии и очернении важных вещей, однако я не могу удержаться от вопроса. Что подразумевает Россия, говоря о погибших в Кавказских войнах? Очевидно, черкесы убивали друг друга, пришла Россия и их разняла. Посадила нас на корабли и отправила в Турцию со словами «Если вы останетесь здесь, то не успокоитесь и перебьете друг друга. Лучше отправлю-ка я вас в Османскую империю» [42].

Также присутствует мнение о неправомочности использования самого термина «война» по отношению к историческим событиям того времени, поскольку это было «сопротивление против политики геноцида русского царизма, являвшегося огромной империалистической силой» [43]. Сторонники этого подхода указывают на отсутствие у черкесов профессиональной армии и централизованного государственного устройства.

Отдельно следует отметить влияние, которое оказал на турецкую историографию по Северо-Западному Кавказу перевод русскоязычных историографических трудов черкесскими издательствами, начавшийся в 90-е гг. XX в. Так, с переводом в 1995 г. книги Касумовых «Геноцид черкесов» [33] начинает формироваться представление о черкесском геноциде, однако только среди исследователей черкесского происхождения[1]. Впоследствии концепция геноцида черкесов развивается в Турции также благодаря переводам, но теперь уже с английского языка.

Тем не менее, можно обнаружить своеобразный фильтр в подборе работ и даже самом их переводе. Русскоязычные исследования подвергались сокращениям, адаптации и внесению существенных правок. Например, «Покорение западного Кавказа и окончание Кавказской войны» Семена Эсадзе в турецком варианте превратилось в «Завоевание Черкесии русскими» [22]. К 2000-м годам ситуация нормализовалось, и работы начали переводиться ближе к оригиналу.

1 В связи с табуированностью тематики геноцида в турецкой исследовательской традиции, из-за аналогий с требованиями признать геноцид армян.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что хотя восприятие событий на Северо-Западном Кавказе в российской и турецкой историографии было обусловлено локальными традициями и рамками заданных магистральных подходов, можно выделить ряд общих тенденций. Например, общую схожесть османского и британского (так же, как и российского) имперских взглядов на Кавказ как на арену борьбы великих держав.

В современной историографии отчетливо выделяется собственное направление, развиваемое исследователями с черкесскими корнями и носящее черты контристории. Оно характеризуется этноцентризмом и развитой виктимностью. При этом в Турции проявляется некоторая оппозиционность черкесских историков турецким, обусловленная длительной маргинализацией черкесской темы в целом из-за доминирования турецкого национального проекта.

Западная историография менее гомогенна в подходах, что объясняется размытостью ее границ. Она демонстрирует наибольший разброс мнений по оценке событий на Северо-Западном Кавказе. Тем не менее, в британской историографии также оказалось возможным проследить некоторые общие тенденции.

Каждая из двух рассмотренных историографий формировалась в соответствии с собственной логикой развития, отличающейся от российской. Таким образом, непонимания и искажения, связанные с терминологией по описанию событий на Северо-Западном Кавказе (в частности, с термином «Кавказская война») опираются на разницу историографических традиций, порождающую конфликты интерпретаций.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Джевдет-паша.* Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 года по 1202 год хиджры (1775 – 1784) // Русский архив. – 1888. – Кн. 3. – Вып. 3. – С. 369-392**.**

2. Материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа» / Ред. Д.Х. Мекулов. – Майкоп: Адыгея, 1991. – 264 с.

3. *Трахо Р.* Черкесы. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1992. – 158 с.

4. *Цибенко С.Н.* Актуализация проблемных вопросов черкесов России и диаспоры в англоязычных источниках // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1 (77). – С. 103-112.

5. *Aslan C.* Bir Soykırımın Adı 1864 Büyük Çerkes Sürgünü // Uluslararası Suçlar ve Tarih (Uluslararası Hukuk ve Tarih Dergisi). – 2006. – No. 1. – P. 1-33.

6. *Aydemir İ.* Göç. Çerkes Sürgünü. – Ankara: Gelişim Matbaacılık, 1988. – 220 p.

7. *Baddeley J.* The Russian conquest of the Caucasus. – London, New-York, Bombey, Calcuta: Longmans, Green and Co, 1908. – 595 p.

8. *Barlas C.* Kafkasya'da Ölüm ve Sürgün // Akademik Perspektif: сайт. URL: http://akademikperspektif.com/2017/09/07/kafkasyada-olum-surgun/ (дата обращения: 01.12.2017).

9. *Bashqawi A.* Circassia: Born to Be Free. – Wayne-New Jersey: Xlibris Corporation, 2017. – 662 p.

10. *Bell J.S.* Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838, and 1839. – London: E. Moxon, 1840. – Vol. 1, 2. – 453, 488 p.

11. *Berkok I.* Tarihte Kafkasya. – İstanbul: İstanbul Matbaası, 1958. – 533 p.

12. *Berzeg N.* Gerçek, Tarihi ve Politik Nedenleriyle çerkes Sürgünü. – Ankara: Takav Matbaacılık, 1996. – 221 p.

13. *Berzeg S.E.* Kafkasya ve Çerkesler Bibliyografyası. – Samsun: Nart Publications, 1996. – 143 p.

14. *Besleney Z.A.* An Overview of Circassian Studies Literature // The North Caucasus: Histories, Diasporas and Current Challenges. Proceedings of the Sukhum Conference «Towards a New Generation of Scholarships on the Caucasus» / Ed. Ergün Özgür. – Ankara: Kalkan Matbaası, 2009. – P. 74-90.

15. *Bilge S.* Osmanlı Devleti ve Kafkasya. – İstanbul: Eren Yayıncılık, 2005. – 250 p.

16. *Brock P.* The Fall of Circassia: A Study in Private Diplomacy // The English Historical Review. – 1956. – Vol. 71. – No. 280. – P. 401-27.

17. *Broocks W.* The Politics of the Conquest of the Caucasus, 1855-1864 // Nationalities Papers. – 1996. – Vol. 24. – No. 4. – P. 649-660.

18. *Bullough O.* Let Our Fame Be Great: Journeys Among the Defiant People of the Caucasus. – New York: Basic Books, 2010. – 496 p.

19. *Cabağı W.G.* Kafkas-Rus Mücadelesi. – Istanbul: Baha Matbaası, 1967. – 112 p.

20. *Chukhua M.* Circassian Genocide – The History of Problem, Chronicles of Events, the Scientific Conclusion // Parliament of Georgia: сайт URL: http://www.parliament.ge/files/1544_32742_536746_genocidi-en.pdf (дата обращения: 01.12.2017).

21. *Ditson G.L.* Circassia: or a Tour to the Caucasus. – New-York: Stringer &Townsend, 1850. – 474 p.

22. *Esadze S.* Çerkesya'nın Ruslar Tarafından İşgali. Kafkas-Rus Savaşlarının Son Dönemi. – Ankara: Kafkas Derneği Yayınları, 1999. – 134 p.

23. *Gammer M.* Russian Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. – London: Frank Cass, 1994. – 452 p.

24. *Goble P.* Moscow Disinformation Spreading from Mass Media to Academic Output // Window on Eurasia: сайт. URL: http://windowoneurasia2.blogspot.ru/2016/01/moscow-disinformation-spreading-from.html (дата обращения: 01.12.2017).

25. *Güneş-Yağcı Z.* Osmanlı Devleti'nin Kuzey Kafkasya Siyaseti: Çerkeslerden Bağlılık Senedi Alınması // Karadeniz. – 2009. – No. 2. – P. 99-112.

26. *Henze P.B.* Fire and Sword in the Caucasus: The 19th Century Resistance of the North Caucasian Mountaineers // Central Asian Survey. – 1983. – Vol. 2. – P. 5-44.

27. *Hızal A.H.* Kuzey Kafkasya Hürriyet ve İstiklal Davası. – Ankara: Orkun Yayınları, 1961. – 163 p

28. *Hizaloğlu M.* Şeyh Şamil (Şimalî Kafkasya İstiklâl Mücadeleleri). – Ankara: Ayyildiz Matbaasi, 1958. – 80 p.

29. *Jaimoukha A.M.* Circassian Bibliography & Library. – Amman: Sanjalay Book Press, 2009. – 224 p.

30. *Jesse W.* Notes of a Half-pay in Search of Health: Or, Russia, Circassia, and the Crimea, in 1839-1840. – London: J. Madden and Company, 1841. – 352 p.

31. *Kalkan Y.B.* Çerkes Halkı ve Sorunları: Çerkes Tarih, Kültür, Coğrafya ve Siyasetine Sınıfsal Yaklaşım. – Istanbul: Gün Yayıncılık, 2006. – 354 p.

32. *Kanbolat Y.* Bin Sekiz Yüz Altmış Dörde Kadar Kuzey Kafkasya Kabilelerinde Din veToplumsal Düzen. – Ankara: Bayır Yayınları, 1989. – 114 p.

33. *Kasumov A., Kasumov H.* Çerkes Soykırımı: Çerkeslerin XIX. Yüzyıl Kurtuluş Savaşı Tarihi. – Ankara: Kafkas Derneği, 1995. – 310 p.

34. *Kırzıoğlu F.* Osmanlılar'ın Kafkas Ellerini Fethi (1451-1590). – Ankara: Ankara Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, 1976. – 550 p.

35. *Kosok P.* Kuzey Kafkasya Hürriyet ve İstiklâl Savaşı Tarihinden Yapraklar. – İstanbul:Çeltüt Matbaası, 1960. – 64 p.

36. *Kreitn I.* A Colonial Experiment in Cleansing: the Russian Conquest of Western Caucasus,1856-65 // Journal of Genocide Research. – 2009. – Vol. 11. – No. 2. – P. 213-241.

37. *Lee R.* Stories from Russia, Siberia, Poland and Circassia. – London: T. Nelson and Sons, 1853. – 444 p.

38. *Leitzinger A.* The Circassian Genocide // The Eurasian Politician. – 2000. – No. 2. URL: http://users.jyu.fi/~aphamala/pe/issue2/circass.htm (дата обращения: 01.12.2017).

39. *Longworth J.A.* A Year Among the Circassians. – London: H. Colburn, 1840. – Vol. 1. – 312 p.

40. *Natho K.I.* Circassian History. – Wayne-New Jersey: Xlibris Corporation, 2009. – 574 p.

41. *Özbek B.* Çerkesya Bibliyografyası. – Ankara: Private Edition, 1993. – 252 p.

42. *Özden M.* 21 Mayıs'ta Çerkes Kurumları Neden Birleşemez? // Özgür Çerkes: сайт. URL: http://www.ozgurcerkes.com/?Syf=22&Mkl=870423&pt=Murat%20%C3%96zden&21-May%C4%B1s%E2%80%99ta-%C3%87erkes-Kurumlar%C4%B1-Neden-Birle%C5%9Femez (дата обращения: 01.12.2017).

43. *Özden M.* Özgürlüğe Giden Yol Özgür Çerkes: сайт. URL: http://www.ozgurcerkes.com/?Syf=22&Mkl=885764&pt=Murat%20%C3%96zden&%C3%96zg%C3%BCrl%C3%BC%C4%9Fe-Giden-Yol (дата обращения: 25.05.2016).

44. *Richmond W.* The Circassian Genocide (Genocide, Political Violence, Human Rights). – New Brunswick: Rutgers University Press, 2013. – 218 p.

45. *Rolland S.E.* Circassia: Speech [of Stewart E. Rolland,] [on behalf of the Circassians intheir struggle against subjugation by Russia] at a public meeting at Preston held at the Corn Exchange,Preston, October 1, 1862 to receive the deputies from Circassia [in a report of the meeting]. – London:Hardwicke, 1862. – 34 p.

46. *Rolland S.E.* The growth of Russian power contingent on the decay of the British constitution. – London, Robert Hardwicke, 1858. – 48 p.

47. *Spencer E.* Turkey, Russia, the Black Sea, and Circassia. – London: G. Routledge & Company, 1855. – 412 p.

48. *Tsibenko V.V., Tsibenko S.N.* Circassian Question: Transformation of Content and Perceptio // Былые Годы. – 2015. – Vol. 36. – No. 2. – P. 450-460.

49. *Urquhart D.* Recent events in the East. – London: Trübner & Co., 1854. – 311 p.

50. *Tokses S.* Kafkasya'da Kafkas-Rus Mücadelesi, Kabartay-Balkar Cumhuriyeti (XIX. Asırda). Undergraduate Dissertation. Istanbul University, Faculty of Letters, Department of History. – Istanbul, 1966. – 57 p.

51. *Wagner F.* Schamyl and Circassia. – London: G. Routledge & Co., 1854. – 188 p.

52. *Youghar I., Bashqawi A.* The Circassians Refuse the Hostile Attitude // Radio Adiga: сайт. URL: http://www.radioadiga.com/ClosedIndex/artikkk.php?ind=4425 (дата обращения: 01.12.2017).

УДК 930.1 (470.6) DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-95-115

ОСМЫСЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В СОСТАВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А.А. ЖУРТОВА

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: anzhelka28@mail.ru

Аннотация. В статье изучена современная отечественная историография российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв. В частности, в ней проанализированы работы К.Ф. Дзамихова, А.Х. Борова, М.М. Блиева, Я.З. Ахмадова, Ш.А. Гапурова, Е.Г. Муратовой, Е.И. Кобахидзе и других исследователей, рассматривающих процесс вхождения народов Северного Кавказа в состав России в рамках национально-регионального исторического развития. Многие современные авторы, стремясь продемонстрировать равную степень вклада народов Северного Кавказа и русского народа в развитие Российского государства, отказались от позиции, трактующей взаимоотношения России с северокавказскими этническими обществами по формуле сюзерен-вассал, делают в своих работах акцент на равноправии сторон в решении военно-политических вопросов на протяжении всего периода их исторического взаимодействия. Это привело к возникновению идей союзов, альянсов народов Северного Кавказа с Россией в XVI-XVIII вв. Большинство исследователей вхождение северокавказских этнических общностей в состав России связывает с их насильственным завоеванием в период Кавказской войны. Часть авторов отстаивает точку зрения о добровольном вхождении местных народов в состав Российского государства посредством принесения присяги.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Россия; присоединение; историография; военно-политический союз; Кавказская война.

REFLECTIONS ON THE INTEGRATION OF THE NORTH CAUCASIAN PEOPLES INTO RUSSIA IN PERSPECTIVE OF THE NATIONAL-REGIONAL HISTORICAL DEVELOPMENT

A.A. ZHURTOVA

FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: anzhelka28@mail.ru

Abstract. The article deals with the modern Russian historiography of Russian-Caucasian relations in the XVI-XIX centuries. In particular, it presents an analysis of the works of K.F. Dzamikhov, A.H. Borov, M.M. Bliev, Ya.Z. Akhmadov, Sh.A. Gapurov, E.G. Muratova, E.I. Kobakhidze and other researchers who consider the process of incorporating the North Caucasus into Russia within the framework of national and regional historical development. Many modern authors, are seeking to demonstrate significant contribution of the peoples of the North Caucasus to the making and development of the Russian state, comparable with that of Russian people, abandoned the position that interprets Russia's relations with North Caucasian ethnic societies on the basis of the suzerain-

vassal formula. Instead they emphasize the parties' parity in resolving military-political issues of common interest throughout the entire period of their historical interaction. This led to the emergence of the idea of an alliance between the peoples of the North Caucasus and Russia in the XVI-XVIII centuries. Most researchers associate the incorporation of North Caucasian ethnic communities into Russia with their forcible conquest during the Caucasian War. Some authors defend the view of the voluntary entry of local peoples into the Russian state via the taking of an oath.

Key words: North Caucasus; Russia; joining; historiography; the military-political alliance; the Caucasian war.

Введение

В отечественной историографии проблеме формирования российского многонационального государства отведено значительное место. Историографический анализ исследований, посвященных истории формирования современных территориальных границ России, механизмов мирного взаимодействия в рамках одного поликультурного пространства позволяет выявить уровень идеологической безопасности и консолидированности государства и общества.

Современная историческая наука характеризуется наличием методологического плюрализма в изучении взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. К числу основных факторов имперской политики в регионе часть ученых относит ее стремление к территориальным приращениям, предполагающее жесткое подавление любых форм сопротивления со стороны завоеванных народов. Другая часть – стремится обосновать, что Российская империя по форме государственно-территориального устройства представляла собой лучший вариант организации власти и управления национальными окраинами, который способствовал позитивному влиянию русского народа на северокавказские этнические общества. Все это требует глубокого научного анализа, который позволит определить степень изученности проблемы, выявить круг вопросов, нуждающихся в дальнейшем исследовании.

Цель статьи: проанализировать современные исследования, рассматривающие присоединение народов Северного Кавказа к России в рамках национально-регионального исторического процесса.

Историография вопроса

Современная отечественная историография характеризуется изменениями в области методологии исторических исследований, обусловленными глубокой трансформацией российского общества.

К числу исследований, в которых анализируются тенденции развития современного кавказоведения, разрабатываются новые методологические подходы к изучению тех или иных исторических и историографических проблем можно отнести работы А.Х. Борова, Э.А. Шеуджен, П.А. Кузьминова и др. [26; 27; 28; 29; 30; 31; 73; 110; 111; 112].

Большой интерес представляют исследования белорусского историка А.Н. Максимчика [77; 78; 79], в которых изучен значительный по объему корпус историографических источников по проблеме российско-кавказского исторического взаимодействия. Важное место в кавказоведении занимают труды К.Ф. Дзамихова [51; 52], в которых изучена историография взаимоотношений России и адыгских народов в XVI-XVIII вв.

Историографический и методологический аспекты изучения проблем Кавказской войны и участия в ней народов Северного Кавказа проанализировал В.В. Дегоев [43; 44]. Е.Г. Муратова [88; 89] исследовала историографические источники по проблеме присоединения балкарцев к Российскому государству.

Несмотря на интерес к проблемам развития исторической науки, до настоящего времени не создано специального обобщающего исследования, в котором изучена современная историография вхождения Северного Кавказа в состав России.

Методология исследования

В качестве инструмента структурного анализа развития исторической науки в статье используется дисциплинарная матрица Йорна Рюзена. Эта теоретическая конструкция позволяет решить задачу одновременного исследования процесса развития исторической науки и историографии определенной проблемы.

В дисциплинарной матрице Й. Рюзена основу анализа историографических источников составляют пять циркулярно взаимосвязанных факторов: интересы, концепты обозначения, методы, формы репрезентации, функции. «Интересы» обуславливаются особенностями социально-экономической, политической системы общества, уровнем развития духовной культуры и самой исторической науки. Профессиональное сообщество историков отвечает на социальный запрос в форме концепций и теорий («концепты обозначения»), в основе которых лежат понятные и адекватные своему времени понятия и категории, а сами исторические исследования проводятся в соответствии с определенными правилами и «методами» научного анализа. Полученное знание должно быть репрезентировано в такой форме, которая будет сочетать в себе строгое соответствие научным требованиям и доступность изложения («формы репрезентации»). Результатом данного процесса становится формирование субъектной и коллективной идентичности, как главной социальной «функции» исторической науки. Схема факторов исторической науки Й. Рюзена позволяет проанализировать ход развития отечественного кавказоведения, максимально учитывая сложность и многофакторность этого процесса.

Результаты

В начале 1990-х гг. доминирующим фактором общественного развития стали центробежные силы и этноцентризм. История, как область знания, всё больше превращалась в историю этносов и этнических государств. Вопросы

развития этнонациональной государственности, этнонациональных территорий и границ, этнической культуры и этнического языка составили основу научных построений последних лет. По выражению Т.С. Гузенковой, в национальных историях на смену классам «пришли» народы-этносы, а место классовой борьбы «заняли» национально-освободительные движения [41, с. 138].

Дисциплинарная матрица региональной исторической науки на современном этапе имеет, на наш взгляд, следующие характерные черты:

1. Интересы. История на Северном Кавказе является средством обоснования требований сегодняшнего дня, самоидентификации и консолидации этносов. Историческая память северокавказских народов носит не только мемориальный характер, она всегда актуализирована и переживается как фактор современности [56].

По выражению Л.С. Гатаговой, последовавший за развалом СССР процесс лихорадочной суверенизации национально-территориальных образований России в 1992 г. выдвинул на первый план разномастные группы региональных элит, вступивших в ожесточённую борьбу за власть [39, с. 255]. Победителям требовались идеологические средства для консолидации этносов, своя «национальная терапия» [39, с. 255]. Историческая наука, как важный фактор воздействия на массовое сознание и формирования общественного мнения, приобрела еще большее значение.

Важным импульсом современных исторических построений выступает стремление практически всех этнических интеллектуальных элит Северного Кавказа избавить собственные народы от статуса исторической и культурной периферии, и найти аргументы в пользу того, что их достижения сопоставимы с общепризнанными образцами мировой цивилизации [41, с. 138].

2. Концепты обозначения. По мнению А.Н. Максимчика, на волне «национализации» северокавказской истории региональные исследователи пытались показать и доказать, что включение народов региона в состав Российской империи было первым упущенным этапом в сохранении независимого существования горских народов, когда их дальнейшая судьба решалась у них за спинами [79, с. 90].

Версия о «добровольном присоединении» кавказских народов к Российской империи, господствовавшая в отечественной историографии второй половины XX в., была отвергнута большинством ученых как заказное произведение советской идеологии. Вместо нее восторжествовала концепция «жестокого колониального завоевания», которое, по мнению В.В. Дегоева, якобы сопровождалось геноцидом и подготовило историческую почву для современного этносепаратизма и этнополитических конфликтов [45, с. 19].

Тематика научных исследований претерпела ряд важных изменений: в центре внимания многих современных исследователей оказалась имперская колониальная политика, Кавказская война, мухаджирство и другие страницы истории взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. При этом в большинстве работ подчеркивается равноправный и взаимовыгодный характер российско-горского исторического взаимодействия, возникает теория о военно-политическом союзе местных народов с Россией в XVI–XVIII вв.

3. Методы. Концептуальный и методологический плюрализм нашел отражение и в региональных исследованиях по проблеме вхождения народов Северного Кавказа в состав России. Палитра научных подходов к изучению вопроса представлена, в частности, методами политико-правового, цивилизационного анализа российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв. и др. Часть национальных историков сохраняет в своих работах элементы советской историографической традиции.

С точки зрения К.Ф. Дзамихова, в условиях национально-культурной трансформации российского сообщества четко обозначились проявления этнонационального сознания в исторических исследованиях, которые привели к ощутимому усилению этноцентризма как исследовательского подхода [46, с. 29].

4. Формы репрезентации. Современная политическая риторика характеризуется явным преобладанием проповеди, главной чертой которой является неумение говорить для «других». Речь оратора, которая в конкретном случае представлена в форме исторической концепции, произносится исключительно для «своих» и воспринимается как проповедь, некритично, не позволяя выслушать противоположную сторону. Это приводит к замыканию исследователей в «этнических квартирах» [74, с. 77], где каждая сторона все глубже и глубже погружается в разбор собственной позиции, игнорируя реальность существования других сторон.

Г.Г. Хазагеров видит возможность социального примирения в пересмотре концепций диалогических по сути жанров, получивших монологическую трактовку [105]. Нужно отказаться «от технологий заведомого манипулирования, заводящего в тупик и говорящих, и слушающих», «создать такую общественную обстановку, при которой словесный разбой будет сразу же опознан и поставлен вне рамок серьезного разговора» [105].

5. Функции. В современном региональном научном дискурсе, по словам В.Ф. Патраковой и В.В. Черноуса, на смену интернационалистскому советскому мифу, в основе которого лежала абсолютизация процессов прогрессивного взаимодействия народов во всех сферах общественной жизни, пришли этноцентричные мифы о собственной этнической исключительности, великом прошлом местных народов и т. д. [96]. Началась война исторических мифов, которые способствуют легитимации региональных этнократических режимов, обоснованию сепаратистских проектов и достижению политических целей национализма [59, с. 349]. Романтизация и мифологизация национальных историй происходит на фоне демонизации истории России [74, с. 77-78], противопоставления своих и чужих, которое вылилось, по определению А.Х. Борова, в активное формирование «синдрома жертвенности и вчинения исков» [26, с. 87]. Подобная поляризация концептуальных подходов в науке не способствует научному осмыслению проблемы. Все это – не что иное, как новый виток конъюнктуры, но таковы внутренние факторы развития науки, которые необходимо учитывать в процессе исследования.

В конце 1980-х – 1990-х гг. на юге России проводились масштабные научные конференции, в материалах [63; 64; 94; 95; 109] которых отразились

новые подходы к проблемам Кавказской войны. На круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность», состоявшемся еще в 1989 г. в редакции журнала «Вопросы истории», В.П. Крикунов предложил отказаться от термина «добровольное вхождение», поскольку он был пронизан «духом антиисторизма» [72, с. 41-42]. Исследователь отметил, что «если добровольное присоединение в том или ином виде имело место в какой-то конкретной ситуации, то добровольное вхождение как процесса длительного, с ломкой экономической и социальной структуры, традиций и уклада жизни, религии и национальной культуры быть просто не могло. Такой процесс обязательно в каких-то слоях встречал сопротивление, вызывая у кого-то недовольство, так как задевал интересы многих» [72, с. 41-42]. Он предложил разработать четкую систему характеристик процесса формирования Российского многонационального государства.

На Всесоюзной научной конференции 1990 г. в г. Нальчике были сформулированы выводы по некоторым спорным вопросам российско-адыгских взаимоотношений в прошлом. Ученые подчеркнули, что важнейшими датами адыгской истории являются 1557 г., когда между Кабардой и Московским государством был заключен военно-политический союз, и 1864 г. – время окончания русско-кавказской войны и насильственного выселения адыгов в Османскую империю [95, с. 3]. Кабарда, как утверждалось в материалах конференции, к 1830 г. в результате карательных экспедиций царских войск была лишена своей государственности [95, с. 3]. Кроме того, в научной несостоятельности обвинялась концепция М.М. Блиева о роли набеговой системы в Кавказской войне.

Большинство ученых Кабардино-Балкарии пришло к выводу, что трактовка договора 1557 года как добровольного присоединения Кабарды к России не объясняет характера сложившихся между ними взаимоотношений, а потому нуждается в пересмотре.

Новую интерпретацию политического акта 1557 г. дал К.Ф. Дзамихов [46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54]. Он определил данное соглашение как взаимовыгодный военно-политический союз, который имел в основе договор о покровительстве 1557 года, фиксировался в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального вассалитета [47, с. 35] и включения территории Кабарды в состав России не предусматривал. Это был союз между царским правительством и адыгской феодальной знатью, которая в результате сохраняла свои права и была связана с русским царем лишь обязательствами военной службы [49, с. 44]. Сближение адыгов с Россией в середине XVI в. обусловлено, по мнению автора, внутри- и внешнеполитическим положением кабардинского народа, а также интересами российской восточной политики. Составной частью Российской империи Кабарда была объявлена в 1774 г. в соответствии с Кючук-Кайнарджийским договором. Фактическое присоединение Кабарды к России произошло, согласно концепции К.Ф. Дзамихова, путем вооруженного завоевания в конце первой четверти XIX в. [50].

С точки зрения В.Х. Кажарова, военно-политический союз Кабарды с Россией в середине XVI в. является очевидным фактом, заслуга К.Ф. Дзамихова

заключается в том, что устный дискурс по проблеме он перевел в плоскость научных выводов [65, с. 23].

Идея о военно-политическом союзе получила развитие в исследованиях Г.Х. Мамбетова, Б.К. Мальбахова, А.Х. Бижева, Р.Х. Гугова, А.Х. Нагоева, Б.Х. Бгажнокова и др. [12; 13; 14; 17; 40; 80; 81; 84; 92;]. По мнению Г.Х. Мамбетова, доказательством тому, что в 1557 г. был заключен именно союз служит то, что на Кабарду не распространялось российское государственно-территориальное устройство и законодательство, Россия не вмешивалась во внутреннюю политику кабардинского общества и т.д. В своих взаимоотношениях Кабарда и Россия выступали, по словам историка, как равноправные субъекты, государства [84, с. 19-20].

Б.К. Мальбахов особую важность в процессе сближения Кабарды с Россией придает деятельности князя Темрюка Идаровича, который надеялся благодаря российскому покровительству укрепить свою власть князя-валия (старшего князя Кабарды. – А.Ж.) и объединить адыгов [81, с. 123]. Московскому государству этот союз позволял в перспективе овладеть стратегическим плацдармом в центре Кавказа. Ученый утверждает, что российско-кабардинские взаимоотношения до XVIII века были исключительно дружественными и равноправными. С 1763 г. начинается этап завоевания Кабарды, который завершается в 1825 г. в результате деятельности генерала А.П. Ермолова [81, с. 286].

В XVIII в., как утверждает А.Х. Бижев, противоречия во взаимоотношениях российской и адыгской элиты постепенно начали нарастать и кабардинские земли стали подвергаться насильственной колонизации [17, с. 5]. Автор полагает, что установление союзнических отношений с Россией объективно было для Кабарды прогрессивным явлением, однако политическое завоевание, осуществленное реакционными кругами России, уничтожило большую часть адыгского населения [17, с. 322].

Смысл заключенного в 1557 г. соглашения, отмечает Р.Х. Гугов, Кабарда воспринимала как союз, Россия же видела в кабардинцах своих подданных [40, с. 678]. XVIII в. определяется автором как важный этап в истории российско-кавказских взаимоотношений: в 1774 г. к России присоединились Кабарда и Осетия, во второй половине XVIII в. под покровительством царского правительства оказались Ингушетия, часть Чечни и Карачай [40, с. 7]. По мнению ученого, процесс включения региона в состав Российской империи в XIX в. завершился не без использования колониальных методов. Оценки Р.Х. Гугова отличаются меньшей категоричностью, им признаются позитивные последствия российского влияния на северокавказские народы [40, с. 5-6].

В соответствии с периодизацией А.Х. Нагоева, присоединение Кабарды к России происходило в два этапа: первый этап, начавшийся во второй половине XVI века и завершившийся Кючук-Кайнарджийским миром 1774 г., характеризуется «прогрессивной по отношению к Кабарде» политикой; второй этап, начавшийся после 1774 г. и продолжавшийся до окончания Кавказской войны, стал периодом борьбы кабардинского народа против завоевательной политики российских властей [92, с. 209].

Союз 1557 года, с точки зрения Б.Х. Бгажнокова, был одним из видов межгосударственных взаимоотношений, который известен со времен Древней Греции и называется в науке симмахия (от греч. symmachia – sym «вместе» + machomai «сражаюсь» – военный союз между отдельными государствами). В случае надобности каждая из сторон обязывалась оказывать военную помощь другой стороне в борьбе с внешними и внутренними врагами [13, с. 3].

В интерпретации Т.Х. Алоева договор 1557 г. представляет собой по содержанию «типичный военно-политический альянс», а по форме – «сеньориально-вассальный контракт с присущей ему субординацией» [1, с. 8-9].

В 90-х гг. XX в. в научном пространстве Юга России появилась версия о геноциде адыгов в ходе Кавказской войны и выселения в Османскую империю. Научное обоснование эта идея получила в исследовании А.Х. и Х.А. Касумовых [68]. Антироссийские выступления адыгов в конце XVIII – XIX вв. характеризуются авторами как «национально-освободительная борьба» за независимость против «военно-колониальной политики русского царизма», в результате которой «значительная часть адыгов» оказалась выселенной в Османскую империю, многие «погибли от голода, холода и болезней во время переселения» [68, с. 197]. Данная политика, по мнению историков, стала «тягчайшим преступлением, настоящим геноцидом» по отношению к адыгскому народу [68, с. 197].

Идея о геноциде адыгов вызвала широкий общественный и политический резонанс. В феврале 1992 г. Верховный Совет КБССР выступил с инициативой признания Россией геноцида адыгов в годы Кавказской войны (1760-1864) [97]. Результатом этих требований стало «Обращение к народам Кавказа» Президента РФ Б.Н. Ельцина накануне 130-летия окончания Кавказской войны, в котором не отрицался факт жестокости войны, но, на примере установленного в г. Нальчике памятника Марии Темрюковне с табличкой «Навеки с Россией», глава государства дал понять, что федеральный центр будет руководствоваться этим лозунгом при проведении политического курса в регионе [48, с. 107].

А.А. Епифанцев считает версию о геноциде искусственно сконструированной представителями национальной элиты и выступает против применения этого термина при оценке российской политики в регионе. В его интерпретации Россия не преследовала цель уничтожить всех адыгов. Одержав победу в Кавказской войне, российское руководство подвергло адыгов, оказавших наиболее ожесточенное сопротивление и проживавших в опасных с точки зрения российской геополитики местностях, принудительной депортации, предоставив им выбор: переселиться либо в степную часть России, либо в Турцию [58]. Оказавшись под влиянием турецких эмиссаров и собственной знати, адыги предпочли второе [58]. Э. Бурда полагает, что в Кавказской войне жертв среди казаков и российских солдат было не меньше, чем среди адыгов [33].

На наш взгляд, наиболее плодотворным при изучении проблем российско-кавказского исторического взаимодействия является цивилизационный (социокультурный) подход. В частности, данный подход

реализуется в исследованиях А.Х. Борова [25; 30; 32]. С точки зрения автора, в середине XVI – начале XVIII в. связи России и народов Северного Кавказа носили характер военно-политического союзничества между «сложными социальными субъектами» [32]. В XVIII в. накапливаются предпосылки военно-силового противостояния, поскольку углубляется стадиальный разрыв уровней их социокультурного развития. Кавказская война, по определению А.Х. Борова, – это проблема диалога культур [32], и различные научные подходы к её осмыслению не столько опровергают, сколько дополняют друг друга [32]. Международно-правовую фиксацию и решение «кабардинского вопроса» исследователь относит к XVIII в., к договорам 1772 и 1774 гг. с Крымским ханством и Турцией, подтвердившим принадлежность Кабарды России [25, с. 10].

Вхождение Кабарды в состав России Ж.А. Калмыков, А.Н. Маремкулов, З.А. Кожев и др. [66; 67; 71; 85] связывают с политикой А.П. Ермолова и датируют ее завоевание 1825 годом. По данным Ж.А. Калмыкова, в XVI-XVIII вв. российско-кабардинские взаимоотношения носили союзно-покровительственный характер [67, с. 23]. А.Н. Маремкулов полагает, что геополитическую основу имперской доктрины России на Северном Кавказе с XVIII в. начали составлять три фактора: пространственно-территориальный, этнорелигиозный и экономический. Выявление этих факторов позволяет проследить специфику покорения Северного Кавказа [85, с. 127]. С точки зрения З.А. Кожева, несмотря на признание Кючук-Кайнарджийским договором «принадлежности» Кабарды России [71, с. 208], адыги продолжали борьбу за свою независимость[71, с. 215].

Вызывает интерес статья Х.М. Думанова, в которой политический акт 1557 года трактуется как добровольное присоединение Кабарды к России [57, с. 59]. Точка зрения известного ученого в научных кругах КБР не встретила поддержки. Наличие подобных работ свидетельствует о сохранении историографической традиции советской исторической науки второй половины XX века.

В 2007 г. в республике состоялось широкое празднование 450-летия добровольного вхождения [91] Кабардино-Балкарии в состав России. К юбилею был опубликован ряд работ [62; 3], касающихся данной проблематики. Большинство авторов отстаивало тезис об оформлении союза между Кабардой и Россией в 1557 г.

Региональная историографическая ситуация характеризуется наличием исследований, в которых авторы не присоединяются ни к идее о российско-кабардинском военно-политическом союзе, ни к теории о добровольном вхождении Кабарды в состав России в 1557 г. В частности, С.Н. Бейтуганов полагает, что «союз – понятие неоднозначное», близкое по своему политическому содержанию «паритету, основанному на приблизительном равенстве сил сторон» [15]. Однако, по мнению автора, «такого понимания понятия союз следует избегать, характеризуя кабардино-русские связи на первом этапе их сближения» [15]. Соглашение 1557 г. не может быть определено, заявляет историк, и как единовременный акт присоединения,

поскольку в результате территория адыгов не включалась во владения Московского государства [15].

С точки зрения Б.М. Мокова, «плодотворным здесь представляется такой подход, который, во-первых, был бы нацелен на максимально полную реконструкцию и интерпретацию этого взаимодействия в терминах той исторической эпохи...; а во-вторых, учитывал бы, что ни одна из этих форм не обрела в XVII в. окончательного характера»; процесс кабардино-русского сближения был исторически необратим, но он мог развиваться альтернативными путями» [86, с. 134]. Характер установившихся взаимоотношений российские власти и кабардинские князья понимали по-разному, поэтому возникают трудности при их исследовании.

Большой вклад в изучение истории балкарского народа внесла Е.Г. Муратова [18; 87; 90]. Покорение Кабарды, считает автор, сопровождалось приведением к присяге балкарских обществ. Опыт данного покорения подсказывал российскому правительству, что его политика может быть успешной, если «будет поддержано стремление балкарцев освободиться от платежей» (своеобразной земельной ренты в пользу Кабарды за право пользования ее пастбищными землями. – А.Ж.) и обеспечен их «свободный выход на плоскость» [18, с. 15-16]. Реализация этой идеи на практике дала положительные результаты, что проявилось в событиях 1827 года, когда «старшины горских народов Балкарского, Урусбиевского и Чегемского присягнули на верноподданство» [87, с. 182] России. Балкарцы ходатайствовали о сохранении их прав, обычаев, шариатского суда и др. Процесс вхождения Балкарии в состав России характеризуется Е.Г. Муратовой «как лояльный вариант социополитической адаптации этнического сообщества к государственно-административным реалиям империи» [87, с. 183].

Аналогичную точку зрения о вхождении Балкарии в состав России в 1827 г. разделяют исследователи М.Ю. Кучинаев, В.М. Батчаев, Е.С. Тютюнина и др. [75; 11; 104].

В качестве даты окончательного присоединения Карачая к России Р.С. Тебуев и Р.Т. Хатуев предлагают рассматривать 1855 год, когда имперскими войсками было подавлено восстание карачаевцев, возглавляемое судьей Магомет-эфенди Хубиевым [101, с. 110]. Большинство же современных авторов [93; 10] указывают 1828 г. в качестве даты вхождения Карачая в состав Российской империи и связывают это событие с военным поражением карачаевцев, нанесенным им на реке Худес царскими войсками во главе с Г.А. Эммануэлем.

Советская концепция о добровольном присоединении Осетии к России в 1774 г. утвердилась в национальной историографии и получила свое развитие в современных исследованиях. В частности, М.М. Блиев [19; 20; 21; 22] в своей обновленной версии о причинах и характере вхождения Осетии в состав России историк акцентирует внимание на 21 статье Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., закрепившего за Россией Кабарду. Трактовка российской стороной данного пункта, как сообщает М.М. Блиев, включала в себя также присоединение Осетии. В Петербурге посчитали, что одностороннего решения

вопроса недостаточно, и было решено провести переговоры с представителями осетин [20, с. 193], которые осенью 1774 г. завершились соглашением о включение Осетии в состав России. Автор отмечает, что политическое присоединение не привело к вхождению в имперскую административную систему России, и Осетия долгое время продолжала сохранять независимость от российского государственного управления [20, с. 193-194]. Таким образом, концепция М.М. Блиева претерпела ряд изменений, которые выразились в стремлении доказать равноправный характер российско-осетинских связей, что свойственно большинству современных региональных исследований по данной проблеме.

К числу историков, активно выступивших против концепции о добровольном присоединении Осетии к России, относится Ф.В. Тотоев [102; 103]. В одной из работ начала 1990-х гг. он подчеркивал, что отечественные исследователи сильно преувеличили действенность Кючук-Кайнарджийского трактата [102, с. 1] и значение русско-осетинских переговоров в Моздоке в октябре 1774 г. По мнению Ф.В. Тотоева, эти переговоры были организованы тщеславным астраханским губернатором П.Н. Кречетниковым без ведома императрицы Екатерины II и являлись политической авантюрой [102, с. 1]. Их результаты были непредсказуемы, но губернатор сделал все возможное, чтобы «осетинские старшины осознали и признали себя подчиненными ему» [102, с. 1].

Идея о присоединении Осетии к России в 1774 г. была дополнена Р.С. Бзаровым, который утверждает, что отсутствие в XVIII в. у Алании-Осетии хозяйственных ресурсов, необходимых для строительства государственных институтов, вынудило осетин искать могущественного союзника [16]. Этот поиск совпал с продвижением на Кавказ Российского государства. Как заявляет автор, «в Петербурге быстро поняли, что не удастся обойтись без лояльности небольшого народа, оседлавшего стратегические перевалы, – без военных баз в центре Кавказа, без аланских дорог и серебросвинцовых месторождений» [16]. Осетинское посольство 1749–1752 гг. обсудило с российским правительством «концепцию русско-осетинского союза» и условия будущего взаимовыгодного присоединения [16].

Исследователи Е.И. Кобахидзе, З.М. Блиева, Ф.Х. Гутнов и др. [23; 24; 42; 69; 70] полагают, что в соответствии с условиями международного права Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. санкционировал возможность России распоряжаться Центральным Кавказом. С точки зрения Е.И. Кобахидзе, особое значение для Российского государства имела Осетия, отличавшаяся выгодным для империи геополитическим положением и значительным военно-экономическим запасом в виде рудных и лесных ресурсов [70, с. 109]. Официальное присоединение Центрального Кавказа к России в последней трети XVIII в. (в 1770 г. – Ингушетии, в 1774 г. – Кабарды и Осетии) позволило начать административные мероприятия по формированию в регионе российского управленческого аппарата [70, с. 109].

По словам З.М. Блиевой, заключение мира с Турцией в 1774 г. предоставило российскому правительству возможность удовлетворить

неоднократные просьбы Осетии, Ингушетии и Чечни о присоединении к России. Разновременно (в 1770 г. – Ингушетия, в 1774 г. – Осетия, а в 1781 г. Чечня) эти районы вошли в состав России. Договор о присоединении Чечни к России 1781 года, как сообщает автор, чеченцами был дезавуирован [23, с. 55]. Их борьба против новых управителей, рассматриваемая как «война за веру», отныне приняла ожесточенный характер [23, с. 56]. Произошло столкновение контрастирующих между собой общественных систем – российской феодально-крепостнической и чеченской эгалитарной [23, с. 59].

По выражению Ф.Х. Гутнова, в России Осетия воспринималась как страна с особым геополитическим статусом [42, с. 480]. Вхождение в состав Российской империи в 1774 г. принесло осетинам стабильность, необходимые условия для общественного развития [42, с. 492]. В частности, они получили разрешение на переселение в предгорную зону Центрального Кавказа, признанную «вольной и свободной», на беспошлинную торговлю в Кизляре и Астрахани и др. [42, с. 486]. А.А. Хамицаева оценивает присоединение Осетии к Российскому государству как единственно возможный позитивный вектор развития осетинского общества [106, с. 6].

Вооруженные конфликты в Чечне в 1990-е гг. актуализировали проблемы Кавказской войны в региональной исторической науке и способствовали возникновению новых точек зрения, трактующих процесс вхождения чеченцев в состав России с позиции суверенного статуса республики. Большинство национальных историков, в числе которых Я.З. Ахмадов, Ш.А. Гапуров, Дж.Ж. Гакаев, И.М. Сигаури и др. [6; 7; 8; 9; 34; 35; 36; 37; 38; 100], обосновывают идею о насильственном завоевании Чечни в середине XIX в. Как утверждает, Я.З. Ахмадов, чеченцы в XIX в. представляли собой «сильнейший народ» с развитым сельским хозяйством и ремеслом, зрелой освободительной идеологией, основанной на положениях ислама, что дало возможность открыть борьбу с «царизмом» по всему фронту [7, с. 149].

Исследователь российско-чеченских взаимоотношений в XVI-XIX вв. Ш.А. Гапуров утверждает, что взаимная заинтересованность чеченских обществ и царских властей в мирных политических отношениях привела к установлению между ними военно-политического союза в 1588 г. [36, с. 5]. В последней трети XVIII в., «царизм всё более активно начинает переходить от союзнических отношений с чеченцами к их прямому подчинению» [36, с. 6]. С 1818 г., со строительства крепости Грозной, по версии автора, начинается Кавказская война [36, с. 6]. Присоединение Чечни к России было результатом не только военных действий, но и политико-дипломатических контактов, торгово-экономических связей, которые не прерывались, как отмечает историк, даже в годы Кавказской войны, ставшей «общей трагедией для русского и для чеченского народов»[38, с. 269].

Дж.Ж. Гакаев, анализируя российско-вайнахские отношения в XVI-XVIII вв., подчеркивает, что в результате первого чеченского посольства в Москву 1588 года, отправленного владельцем Ауха («Окочанская земля») Ших-Мурзой, между Россией и Чечней установились дружественные отношения. В XIX в. Российская империя преследовала в регионе колониальные цели и, в отличие от

Московского царства, уже не нуждалась в горцах «как в союзниках» [34, с. 18]. В результате Чечня оказалась «на острие Кавказской войны», развязанной «царской Россией» [34, с. 18].

С точки зрения И.М. Сигаури, чеченским владетелям, выступавшим во взаимоотношениях с Россией в качестве самостоятельных субъектов, приходилось строить свою политику одновременно с учетом двух основных факторов: острой борьбы за лидерство и вмешательством великих держав во внутриполитический процесс [100, с. 238]. Наличие этих двух факторов, как считает ученый, делало политическую ситуацию на Северном Кавказе чрезвычайно взрывоопасной, когда решение любого спора неизбежно приводило к военным столкновениям [100, с. 238].

Исследователь истории и культуры вайнахских народов Г.З. Анчабадзе подчеркивает, что завоевание кавказских земель началось при Петре I в первой четверти XVIII в. В 1770-1780-х гг. периодические столкновения между русскими войсками и отрядами горцев переросли в систематические боевые действия, началась «Кавказская (Русско-горская) война», «стоившая обеим сторонам много крови» [2]. Автор убежден, что России исключительно «благодаря огромному превосходству сил» удалось в 1859 г. «победить горцев» [2].

В 2005 г. в Москве состоялась международная научная конференция «Чеченская республика и чеченцы: история и современность». Участники конференции осудили ложные идеи о 400-летней истории перманентного вооруженного противостояния Чечни и России [108; 76] и заявили, что «важнейшей составляющей истории чеченского народа в новое время являлись добрососедские взаимоотношения с русским и другими народами России, которые носили разнообразный характер» [55]. Один из участников конференции Ш.Б. Ахмадов в своих работах [4; 5] подчеркивал, что ориентация на Россию спасла вайнахов «от порабощения» со стороны соседних государств и племен [5, с. 4].

Ингушский автор А.У. Мальсагов [60; 82; 83] в одном из своих исследований приводит слова архимандрита Григория из челобитной, адресованной императрице Екатерине II, в которой говорится, что «киштинцы (ингуши) в 1757 г. приведены к присяге на верность России» [83, с. 18-19]. Таким образом, историк указывает еще более раннее соглашение о принятии ингушами российского подданства, чем уже известный в науке договор 1770 г. А.У. Мальсагов считает, что Ингушетия была необходима России, поскольку находящиеся на ее территории «Джейрахское ущелье и Ассинская котловина непосредственно примыкали к очень важным древним торгово-транспортным и военным магистралям» [83, с. 19].

Авторы «Истории Ингушетии» [61] Н.Д. Кодзоев и М.Б. Долгиева развивают традиционную точку зрения о вхождении ингушей в состав Российской империи и сообщают, что в 1770 г. в ауле Ангушт посольство из Ингушетии во главе со старшинами Г. Чопановым и С. Мирзахановым торжественно принесло присягу России [61, с. 184]. В результате подавления Назрановского восстания 1858 г. Ингушетия окончательно была включена в

систему административного управления Российской империи [61, с. 212]. Авторы подчеркивают, что ингушский народ никогда не изменял курсу на совместное развитие в семье народов единой России [61, с. 479].

Интерес представляют материалы научных конференций «Россия и Кавказ: история и современность» [98; 99], в которых содержатся исследования по истории российско-кавказских взаимоотношений. В одном из сборников опубликована статья Б.М.-Г. Харсиева [107], посвященная включению Ингушетии в состав России. По мнению автора, в истории русско-кавказских отношений можно наблюдать «приливы и отливы интересов Петербурга к Северному Кавказу», зависевшие от восточных планов империи [107, с. 722]. Но всё же характер присоединения исследователем трактуется однозначно как мирный, что нашло отражение в договоре 1770 года [107, с. 724-725].

Заключение

Таким образом, в современной региональной историографии существуют различные, порой диаметрально противоположные, взгляды на проблему вхождения народов Северного Кавказа в состав России и в целом на содержание российско-кавказские взаимоотношений в XVI–XIX вв.

Большинство исследователей включение той или иной этнической общности в состав России связывает с насильственным завоеванием в период Кавказской войны. Часть авторов отстаивает точку зрения о добровольном вхождении местных народов в состав Российского государства посредством принесения присяги. Эмоционально-болезненное восприятие различных фактов и событий региональной политической истории, привело к возникновению кризисных явлений в отечественном кавказоведении, главное из которых заключается в мифологизации исторического знания. На этом фоне возросла практическая значимость исторических источников, позволявших дать научное обоснование любым возникающим версиям о причинах, характере и итогах включения северокавказских народов в состав России.

Стремление к преодолению негативных тенденций в исторической науке демонстрирует увеличение исследований, в которых анализируются особенности развития современного кавказоведения и разрабатываются новые методологические подходы к изучению тех или иных исторических проблем. Расширение и развитие методологического инструментария в изучении формирования Российского многонационального государства, в частности использование социокультурного (цивилизационного) подхода, осуществление политико-правового анализа источников и др., привело к возникновению новых интерпретаций российско-кавказского исторического взаимодействия. В частности, многие исследователи, стремясь продемонстрировать равную степень вклада народов Северного Кавказа и русского народа в развитие Российского государства, ставят в своих работах акцент на равноправии сторон в решении тех или иных вопросов на протяжении всего периода их исторического взаимодействия и подчеркивают взаимовыгодный характер этих

связей. Всё это привело к возникновению в историографии идей союзов, альянсов народов Северного Кавказа с Россией в прошлом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алоев Т.К.* К вопросу о содержании и характере внешнеполитических связей Кабардинского княжества и Московского государства во второй половине XVI века // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2007. – Вып. V. – С. 3-28.

2. *Анчабадзе Г.З.* Вайнахи. – Тбилиси, 2001 // Библиотека Андрея Бирюкова: сайт. URL: http://oldcancer.narod.ru/caucasus/vainachi/vainahi.htm (дата обращения: 16.04.2017).

3. *Арутюнов С.* Плюсы и минусы 450-летия союза // Кабардино-Балкарская Правда. – 2007. – 27 фев.

4. *Ахмадов Ш.Б.* Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа и Россией в прошлом // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции, 19–20 апреля 2005 г., г. Москва / Ред. коллегия: Х.И. Ибрагимов, В.А. Тишков (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 2006. – С. 55-67.

5. *Ахмадов Ш.Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). – Элиста: Джангар, 2002. – 528 с.

6. *Ахмадов Я.З.* Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. – Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1991.

7. *Ахмадов Я.З.* Взаимоотношения Чечни и России (вторая половина XVI – середина XIX вв.) // Чеченцы: история и современность / Под ред. Ю.А. Айдаева. – М.: Мир дому твоему, 1996. – С. 145-149.

8. *Ахмадов Я.З.* История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М.: Мир дому твоему, 2001. – 426 с.

9. *Ахмадов Я.З.* Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. – М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. – 423 с.

10. *Баразбиев М.И.* Карачай и Балкария в Кавказской войне // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2005. – Т. II. – С. 126-140.

11. *Батчаев В.М.* Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: ТАС–Издат, 2006. – 190 с.

12. *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2005. – Выпуск II. – С. 39-86;

13. *Бгажноков Б.Х.* Россия и Кабарда: истоки военно-политического союза // Кабардино-Балкарская Правда. – 2006. – 3 ноября.

14. *Бгажноков Б.Х., Дзамихов К.Ф.* Темрюк Идаров и военно-политический союз Кабарды и России // История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – С. 54-63.

15. *Бейтуганов С.Н.* Кабардино-русские отношения (XVI–XIX вв.). Основные этапы // Сайт Зольского района Кабардино-Балкарской Республики. URL: http://www.zolka.ru/articles/19-6/306---q---xvi-xix-q (дата обращения: 12.06.2017).

16. *Бзаров Р.С.* Осетинское посольство 1749 г. и современность // Научное Общество Кавказоведов: сайт. URL: http://www.kavkazoved.info/pview/2011/07/11/osetinskoe-posolstvo-1749-i-sovremennost.html (дата обращения: 15.05.2017).

17. *Бижев А.Х.* Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. – Майкоп: Меоты, 1994. – 327 с.

18. *Битова Е.Г.* Политика России на Центральном Кавказе и Балкарские общества (первая четверть XIX в.) // Вестник КБГУ. Серия: Гуманитарные науки. – Нальчик, 2004. – Вып. 9. – С. 12-17.

19. *Блиев М.М.* О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР. – 1991. – № 6. – С. 67-84.

20. *Блиев М.М.* Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг. Присоединение Осетии к России. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им В. Гассиева, 2010. – 236 с.

21. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 877 с.

22. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. – М.: Росет, 1994. – 591 с.

23. *Блиева З.М.* Русско-чеченские отношения в XVII–XVIII веках // Вопросы истории. – 2003. – № 12. – С. 47-61.

24. *Блиева З.М.* Управление Осетией в 30–50-е годы XIX в. // История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 83-102.

25. *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен / Отв. ред. П.М. Иванов. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2012. – 60 с.

26. *Боров А.Х.* Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. – Нальчик, 1996. – Вып. 2. – С. 83-92.

27. *Боров А.Х.* Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа в отечественном кавказоведении: научная традиция и современные поиски // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. – 2012. – Вып. X. – С. 3-38.

28. *Боров А.Х.* Проблема культурно-исторического синтеза в кавказоведении // Кавказология. – 2017. – №3. – С. 12-40. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2017/10/Borov_Kavkazologiya_2017_3.pdf (дата обращения: 16.10.2017).

29. *Боров А.Х.* Проблема синтеза в историческом кавказоведении // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2008. – Вып. VI. – С. 3-27.

30. *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). – Нальчик: КБГУ, 2007. – 298 с.

31. *Боров А.Х., Карамурзов Б.С.* Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Кавказология. – 2017. – №1. – С. 12-40. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Borov_Karamurzov_Kavkazologiya_2017_1.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

32. *Боров А.Х., Кочесоков Р.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза // Международная Черкесская Ассоциация: сайт. URL: http://intercircass.org/?p=794 (дата обращения: 16.04.2017).

33. *Бурда Э.* Размышления о Кавказской войне: как это было на самом деле // URL: http://www.antiterror.kz/kavkaz/news_2011-05-31-02-06-52-422.html (дата обращения: 12.04.2017).

34. *Гакаев Дж.* Очерки политической истории Чечни (XX век) – М.: Чеченский культурный центр, 1997. – Ч. 1. – 473 с.

35. *Гапуров Ш.А.* Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 446 с.

36. *Гапуров Ш.А.* Россия и Чечня: этапы многовекового содружества // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2013. – С. 3-11.

37. *Гапуров Ш.А.* Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 годы). – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 483 с.

38. *Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А.* Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (страницы хроники русско-горской трагедии XIX века). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 310 с.

39. *Гатагова Л.С.* Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г.А. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 255-272.

40. *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 685 с.

41. *Гузенкова Т.С.* Этнонациональные проблемы в учебниках по истории (на примере Украины, Беларуси и некоторых республик Российской Федерации) // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г.А. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 114-141.

42. *Гутнов Ф.Х.* Присоединение Осетии к России // История Осетии: в 2-х томах / Гл. ред. З.В. Канукова. – Владикавказ: СОИГСИ, 2012. – С. 478-494.

43. *Дегоев В.В.* О методологических альтернативах в изучении Кавказской войны XIX в. // Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. – М.: SPSL – Русская панорама, 2001. – С. 285-309.

44. *Дегоев В.В.* Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества / Под ред. О.М. Рапова. – М., 2000. – Т. 2 (150). – С. 225-251.

45. *Дегоев В.В.* Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16–17 мая 2006 г. / Под ред. В.В. Дегоева. – М.: Русская панорама, 2007. – С. 17-35.

46. *Дзамихов К.Ф.* «Своё» и «чужое» прошлое, или Актуальные вопросы историографии Кавказской войны // Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. – С. 29-47.

47. *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.) – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 408 с.

48. *Дзамихов К.Ф.* Адыги: борьба и изгнание. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 110 с.

49. *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 816 с.

50. *Дзамихов К.Ф.* Антиколониальная борьба Кабарды во второй половине XVIII — первой половине XIX века // URL: http://mognovse.ru/fut-dzamihov-k-f-antikolonialenaya-boreba-kabardi-vo-vtoroj-po.html (дата обращения: 12.04.2017).

51. *Дзамихов К.Ф.* Историография и политико-правовой анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 1 // Известия КБНЦ РАН. – Нальчик, 2007. – № 3. Ч. 2. – С. 108-117.

52. *Дзамихов К.Ф.* Историография и политико-правовой анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 2 // Известия КБНЦ РАН. – Нальчик, 2007. – № 4, Ч. 1. – С. 147-156.

53. *Дзамихов К.Ф.* К вопросу политико-правового оформления русско-кабардинских отношений (вторая половина XVI – начало XVIII века) // Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – С. 6-14.

54. *Дзамихов К.Ф., Мальбахов Б.К.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (сер. XVI – конец XVIII в.). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 352 с.

55. *Дзидзоев В.Д.* Объективность и субъективность в современной историографии Кавказа // Абхазская интернет-библиотека: сайт. URL: http://apsnyteka.org/1544-dzidzoev_v_obiektivnost_i_subiektivnost_v_sovremennoi_istoriografii_kavkaza.html#6 (дата обращения: 16.04.2017).

56. *Добаев И.П.*, Черноус В.В. Олимпиада – 2014 и информационные атаки глазами ученых Юга России // Научное Общество Кавказоведов: сайт. URL:

http://www.kavkazoved.info/news/2012/12/27/olimpiada-2014-i-informacionnye-ataki-glazami-uchenyh-uga-rossii.html (дата обращения: 11.06.2017).

57. *Думанов Х.М.* Из истории кабардино-русских отношений // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / Сост.: С.И. Аккиева, Х.М. Думанов; Отв. ред. М.Н. Губогло. – М.; Нальчик: ЦИМО ИЭА РАН, 2001. – Т. 1. – С. 59-63.

58. *Епифанцев А.А.* Кавказская война. Геноцид, которого не было. Ч. 5. Кто виноват и что делать // Агентство Политических Новостей: сайт. URL: http://www.apn.ru/publications/article22059.htm (дата обращения: 14.05.2017).

59. *Захаров В.А., Реброва М.А.* Северный Кавказ: конфликтогенный потенциал региона с историко-социологической точки зрения // Кавказский сборник. – М.: Русская панорама, 2004. – Т. 4. – С. 330-360.

60. Ингушетия и ингуши / Ред. А. Мальсагов, Сост. М.Д. Яндиева. – Назрань-Москва, 1999. – 686 с.

61. История Ингушетии / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. – Нальчик: Тетраграф, 2011. – 484 с.

62. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.

63. Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 1998. – 123 с.

64. Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. / Ред. коллегия: А.Ю. Чирг, А.С. Хунагов, А.Д. Панеш, Т.П. Хлынина, С.К. Пчегатлук. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 1995. – 287 с.

65. *Кажаров В.Х.* Политическая история Кабарды в XVI–XVIII веках в постсоветской историографии // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – Вып. 5. – С. 21-28.

66. *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

67. *Калмыков Ж.А.* К вопросу о характере кабардино-русских отношений в XVI – первой половине XVIII века // Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – С. 15-24.

68. *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик: Логос, 1992. – 199 с.

69. *Кобахидзе Е.И.* «Не единою силою оружия...». Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. – Владикавказ: СОИГСИ, 2010. – 452 с.

70. *Кобахидзе Е.И.* Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): Историко-этнологический анализ. – Владикавказ: СОГУ, 2003. – 236 с.

71. *Кожев З.А.* Кавказская война (1763–1864 гг.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.; Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 204-221.

72. *Крикунов В.П.* Историки должны быть выше национальных обид // Вопросы истории. – 1989. – № 5. – С. 41-42.

73. *Кузьминов П.А.* Историк науки в историографическом пространстве кавказоведения // Вопросы теории и методологии истории. – Майкоп, 2011. – Вып. 8. – С. 43-55.

74. *Кузьминов П.А., Кумыков А.М., Дзамихов К.Ф.* Региональная историография в системе вузовской науки // Высшее образование в России. – 2013. – № 6. – С. 76-81.

75. *Кучинаев М.Ю.* История Балкарии с древнейших времен и до конца XX в.: в 2-х кн. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – Кн. 1. – 414 с.; Кн. 2 – 664 с.

76. *Магомедова Т.С.* Русско-чеченский военно-политический союз в конце XVI – в первой половине XVII в. // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции, 19–20 апреля 2005 г., г. Москва / Ред. коллегия: Х.И. Ибрагимов, В.А. Тишков (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 2006. – С. 246-253.

77. *Максимчик А.Н.* Историко-партийные концепции присоединения Северного Кавказа к России в советской исторической науке 1920-х – начала 1940-х гг. // Кавказология. – 2017. – №3. – С. 76-96. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2017/10/Maksimchik_Kavkazologiya_2017_3.pdf (дата обращения: 16.10.2017).

78. *Максимчик А.Н.* Полемика вокруг характера присоединения Северного Кавказа к России в современной историографии. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. – Минск: БГУ, 2010. – Вып. 5. – С. 253-261.

79. *Максимчик А.Н.* Присоединение Северного Кавказа к России в историографии XIX – начала XXI в.: дис. … канд. истор. наук: 07.00.09. – Минск, 2013. – 176 с.

80. *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова. – Нальчик: Книга, 1998. – 349 с.

81. *Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М.* Средневековая Кабарда: (Внутренние и внешние аспекты истории). – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 349 с.

82. *Мальсагов А.У.* Ингуши в войнах России XIX–XX вв. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 254 с.

83. *Мальсагов А.У.* Ингуши. История и века родословий. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 420 с.

84. *Мамбетов Г.Х.* 1557 год – присоединение или военно-политический союз? // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. – Майкоп: Меоты, 1993. – С. 5-25.

85. *Маремкулов А.Н.* Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX века: политико-правовой аспект. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 150 с.

86. *Моков Б.М.* Кабарда второй половины XVI–XVII вв. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 142 с.

87. *Муратова Е.Г.* Балкария на пути к единству с Россией // История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – С. 169-184.

88. *Муратова Е.Г.* Историографические итоги изучения истории Балкарии XVII–XIX веков // Кавказский сборник / Под ред. В.В. Дегоева. – М.: Русская панорама, 2010. – Т.6 (38). – С. 147-156.

89. *Муратова Е.Г.* Основные проблемы истории Балкарии (XVII–XIX вв.) в современной историографии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. – 2006. – № 4. – С. 46-52.

90. *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 420 с.

91. Навеки с Россией: Празднование 450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства. По материалам информационных агентств и периодической печати РФ. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 87 с.

92. *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 331 с.

93. *Напсо Д.А., Чекменев С.А.* Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом/ Под ред. Е.А. Абуловой. – Черкесск: Стелла, 1993. – 319 с.

94. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-х – 50-х годах XIX в. Материалы Всесоюзной научной конференции. 20–22 июня 1989 г. / Ред. коллегия: В.Г. Гаджиев (отв. ред. и авт. предисл.) и др. – Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1994. – 358 с.

95. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24–26 октября 1990 г. / Редкол: Р.Х. Гугов и др. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 264 с.

96. *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* Историография, историческая память адыгов о Кавказской войне XIX в. и современные политические провокаторы // Научное Общество Кавказоведов: сайт. URL: http://www.kavkazoved.info/news/2011/12/23/adygy-istoriografia-i-sovremennye-politicheskie-provokatory.html (дата обращения: 15.04.2017).

97. Постановление Верховного Совета КБССР от 07.02.1992 № 977-XII-В «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» // RUSOUTH.info: Портал Южного Федерального округа России. URL: http://rusouth.info/territory6/pack6o/paper-ffkdx7.htm (дата обращения: 12.05.2017).

98. Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции, 11–12 ноября 2004 года / Сост. В.Д. Дзидзоев; Сев.-Осет. ин-т гуманитарных и соц. иссл. им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А. – Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2005. – 324 с.

99. Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2013. – 820 с.

100. *Сигаури И.М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. – М.: Русская жизнь, 1997. – 366 с.

101. *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 224 с.

102. *Тотоев Ф.В.* К истории русско-осетинских отношений // Отчизна. – Владикавказ, 1993. – Сентябрь. – № 11.

103. *Тотоев Ф.В.* Некоторые вопросы историографии Северной Осетии // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет / Под ред. Л.Б. Дзугаева и др. – Владикавказ, 1995. – С. 10-36.

104. *Тютюнина Е.С.* Шаги на встречу // Балкария. Страницы прошлого. – Нальчик, 2006. – Вып. 3. – С. 4-5.

105. *Хазагеров Г.Г.* Политическая риторика: Часть 2. Мир убеждающей речи и судьба русской политической риторики // Библиотека на сайте кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Филологического факультета МГУ. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_116.html (дата обращения: 10.10.2017).

106. Осетия в кавказской политике Российской империи, XIX в.: сб. док. и материалов / Под ред. А.А. Хамицаевой. – Владикавказ: СОИГСИ, 2008. – 333 с.

107. *Харсиев Б.М.-Г.* Добровольное единение Ингушетии с Российской империей по договору 1770 г. // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2013. – С. 721-731.

108. *Хасбулатов А.И.* Исследования по истории Чечни до 1917 года // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции, 19–20 апреля 2005 г., г. Москва. – М.: Наука, 2006. – С. 68-87.

109. Черкесия в XIX веке: (Материалы I Кошехабльского форума «История - достояние народа». 24–25 апреля 1990 г.) / Ред. коллегия: Д.Х. Мекулов (науч. ред.) и др. – Майкоп: Адыгея, 1991. – 264 с.

110. *Шеуджен Э.А.* Адыги (черкесы): проблемы исторической памяти // Кавказология. – 2017. – №1. – С. 56-68. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/SHeudzhen_Kavkazologiya_2017_1.pdf (дата обращения: 16.04.2017).

111. *Шеуджен Э.А.* Проблемы северокавказской историографии // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.) /

Под ред. В.Г. Игнатова. – Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказской академии государственной службы. – 2000. – С. 81-86.

112. *Шеуджен Э.А.* Путь в историю: в поисках методологии исследования. – Майкоп: ООО «Качество», 2007. – 268 с.

УДК 9(352.93+373.3+314.72) DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-116-133

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ «РУСИФИКАЦИИ»

Е.И. КОБАХИДЗЕ

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»
362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
E-mail: elena_k11@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты внутренней кавказской политики Российской империи, способствующие интеграции территории и населения региона в общероссийский социально-политический контекст. На примере Центрального Кавказа показаны основные направления этой деятельности, в основе которой лежала идея «русификации». В немалой степени решение поставленных задач отводилось административной практике, нацеленной на переустройство местных общественных структур и стандартизацию всего разнообразия организационных форм местного самоуправления. Апелляция кавказской администрации к патриархальным формам самоорганизации обеспечивала относительную непротиворечивость интеграционных процессов, хотя в целом вмешательство государства в традиционный быт горских народов оказало деструктивное воздействие на всю систему устоявшихся общественных связей и социальных ролей. В то же время у населения региона существовала и позитивная мотивация русификации, сформировавшаяся в сфере образования, где роль ведущего интегрирующего фактора отводилась русскому языку. Для местных сообществ и русский язык, и образование в целом становились мощным ресурсом социализации в общеимперском пространстве, освоение которого в определенной мере сглаживало издержки имперской унификации и который стал своего рода бесконфликтной альтернативой «административной русификации». В ходе освоения Северного Кавказа действия административно-правового характера тесно переплетались с мероприятиями по колонизации здешних территорий, результатом которых стало не только экономическое освоение края, но и изменение его социально-демографического фона. Принимавшиеся для регулирования миграционных потоков официальные меры были направлены на решение первоочередной государственной задачи, стоявшей перед правительством в регионе, – укрепление русской составляющей в его населении в целях сближения края с остальными частями государства. Анализ рассматриваемых вопросов приводит к выводу о достаточном разнообразии средств и методов для реализации интегративных установок правительства по отношению к Центральному Кавказу, отличавшихся особым (имперским) прагматизмом, в основе которого лежала идея укрепления основ российской государственности и расширения единого общеимперского пространства.

Ключевые слова: Центральный Кавказ; Российская империя; интеграция; русификация; унификация; административная практика; образовательная политика; русский язык; колонизация.

INTEGRATION PRACTICES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CENTRAL CAUCASUS IN THE CONTEXT OF THE POLICY OF «RUSSIFICATION»

E.I. KOBAKHIDZE

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences
362040, Vladikavkaz, Pr. Mira, 10
E-mail: elena_k11@mail.ru

Abstract. The article analyses some aspects of the internal Caucasian policy of the Russian Empire, promoting the integration of the territory and the population of the region into the all-Russian social and political context. The example of the Central Caucasus shows the main directions of this activity, based on the idea of «Russification». The solution of the tasks assigned to a large extent to administrative tasks aimed at the reconstruction of local social structures and standardization of the entire variety of organizational forms of local self-government. The appeal of the Caucasian administration to the patriarchal forms of self-organization ensured the certain consistency of the integration processes, although in general the state intervention in the traditional life of the mountain peoples had a destructive effect on the entire system of established social ties and social roles. The population of the region also had at the same time a positive motivation for Russification, formed in the sphere of education, where the role of the leading integrating factor was assigned to the Russian language. For the local societies both the Russian language and education as a whole became a powerful resource of socialization in the all-imperial space, the development of which to some extent smoothed out the shortcomings of imperial unification, and which became a kind of conflict-free alternative to «administrative Russification». During the developing of the North Caucasus the administrative and legal actions were closely intertwined with measures for the colonization of local territories, the result of which was not only economic development of the region, but also a change in its socio-demographic background. Official measures taken to regulate migration flows were aimed at solving the priority state task facing the government in the region – consolidation of the Russian component in the local population for its convergence with other parts of the empire. The analysis of the issues under consideration leads to the conclusion that there is a sufficient variety of means and methods for implementing the government's integrative objectives towards the Central Caucasus, which were distinguished by special (imperial) pragmatism, based on the idea of strengthening the foundations of Russian statehood and expanding the all-imperial space.

Key words: Central Caucasus; Russian Empire; integration; russification; unification; administrative practice; educational policy; russian language; colonization.

Вводные замечания

Проблема взаимоотношений центра и окраинных регионов Российской империи всегда отличалась особой остротой. Этнокультурная и социально-политическая мозаичность Российского государства, как и природа российской государственности как таковой, определяли приоритеты в правительственной национальной политике, нацеленной на сохранение единства и целостности страны. Вторая половина XIX в. стала периодом созревания новых идеологических формул поддержания имперского порядка и социальной стабильности, тем более востребованных, чем интенсивнее в стране шли

внутренние трансформационные процессы, завязанные сначала на реформах 60-х гг., а затем – на т.н. контрреформах 80-х. Начало XX века, ознаменовавшего системный кризис империи, дало новый импульс к разработке идеологии национальной стабильности, выраженной в понятии «единой и неделимой России», в которую активно включились разные слои российского общества. Актуализация поиска новых обоснований имперской (общеимперской) идентичности обусловливалась еще и пестрым в социокультурном и конфессиональном аспектах составом населения, что на деле означало высокую степень конфликтогенности процессов имперской унификации. Гасить назревавшие и подавлять вспыхивавшие в связи с этим социальные конфликты являлось в подобных обстоятельствах не столько задачей государства по установлению общественного порядка, сколько одной из важнейших функций Империи, ориентированной на формирование новых социальных мотиваций на основе «тождества интересов» в экономическом, политическом и социальном отношениях.

Идеологическим основанием формирования единого имперского пространства служила идея «русификации», менявшая свой социальный смысл в ходе развития взаимоотношений центра с национальными периферия́ми. На первом этапе, условные хронологические границы которого отмечаются последней четвертью XVIII – 80-ми гг. XIX в., «русификация» подразумевала установление политического единства в определяемых государством административных границах, интеграцию разнородного населения в широком гражданско-правовом поле на основе общегосударственного законодательного права. Цели «обрусения» соотносились с ценностно-нормативными категориями и трактовались как исполнение «цивилизаторской миссии», в ходе которой иная ментальность приобщалась к российской государственности в ее экономическом, политическом и социокультурном измерениях.

Но уже начиная с 80-х гг. XIX в., когда Россия уверенно двинулась по пути ускоренной модернизации, имперская идеология должна была способствовать консолидации множественных микросоциумов в некоем имперском универсуме, где в качестве общей национальной идеи выступала политическая идеологема «гражданственности», обосновывающая целостность государства, его «единство и неделимость».

Практическая реализация объединительных, интегративных установок подталкивала официальные верхи к разработке политики, нацеленной на «формирование однородной массы граждан, гомогенизированной… в лингвистическом и административном отношении» [44, с. 221]. Для достижения целей «гомогенизации» в отношении Центрального Кавказа требовалось адекватное решение целого комплекса сложнейших задач, частью лежавших в сфере административного управления, частью касавшихся образовательной сферы, где широко использовался интегративный потенциал русского (государственного) языка, а частью пересекавшихся с переселенческой политикой, ориентированной на укрепление русской составляющей в населении края.

Аспект административный

Своего рода несущим каркасом Российской империи служил административный аппарат, выстроенный на принципах вертикальной иерархии. Его эволюция шла по пути все нарастающей рационализации управления, дифференциации функций высших и низших звеньев административной системы и специализации подразделений [20, с. 12]. Уже к второй четверти XIX в. государственно-административная система России оформилась в единый механизм, действующий на принципах формализации, рационализации и бюрократизации управления, которые должны были обеспечивать его эффективность. Именно управленческие практики и механизмы конституировали общеимперское социальное пространство, усиливая и без того доминирующую этатистскую составляющую в российской государственности и оказываясь преимущественными каналами воздействия государства на общество и его основные институты на всех уровнях социальной системы.

Жестко организованная институциональная схема, в которую укладывалась государственно-административная модель управления, значительно ограничивала возможности поиска новых институциональных форм административного воздействия на слишком различающиеся социумы, обитающие вне Центральной России. Поэтому и на Северном Кавказе его административное обустройство исходило из тех же формально-организационных принципов, на которых держался весь государственный управленческий механизм.

Пусть к скорейшему «обрусению» края и достижению единого имперского порядка лежал через стандартизацию и унификацию всего разнообразия организационных форм и практик жизнеустройства окраинных народов, подведение их под некий единый знаменатель, представленный формами крестьянского самоуправления в центральных районах империи (см. подробнее: [16]). На Центральном Кавказе этот процесс подразумевал широкое распространение в горских сообществах как государственных административно-правовых учреждений, так и принципиально иных для данной среды стратегий социально-экономического поведения и связанных с ними культурных ценностей, характеризующих совершенно иную модель социальных отношений, а шире – иную цивилизацию. Подобная деятельность (в разной степени выраженности проводившаяся практически во всех периферийных провинциях империи) имела столь определенную направленность, что в литературе прочно утвердилось понятие «административная русификация» (см., например: [21; 22; 53; 54, p. 211-220; 55]).

В целом формализация и бюрократизация всех уровней административной системы, выстраиваемой на Северном Кавказе, в целом соотносились с идеей укрепления централизованной власти в империи. Однако конкретные формы и методы управления во многом определялись особенностями хозяйственно-политического развития местных социумов и

зависели как от общего социально-политического контекста, так и внутриполитической конъюнктуры.

В наибольшей степени пресс империи ощущался на низовых социальных уровнях – в горских сельских общинах, где формированию и реорганизации органов сельской администрации изначально уделялось особое внимание (свидетельством чему, например, проект волостного управления в Осетии, еще в 1816 г. предложенный А.П. Ермоловым [1, с. 685], специальные разделы «Инструкции для окружных начальников» 1860 г., разработанной наместником А.И. Барятинским [2, с. 1192-1198], и Положения о Терской области 1864 г. [33]), хотя практические результаты этой деятельности появились лишь после завершения Кавказской войны и введения на Центральном Кавказе на рубеже 60-70-х гг. XIX в. «гражданского устройства» [5, с. 119; 35; 36]. Принятое для горцев «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области» 1870 года и его более поздние редакции утверждали новую, нетипичную как для местной практики самоорганизации, так и для прежнего военно-народного управления, административную модель, образец для которой был скопирован с органов самоуправления среднерусского крестьянства. Начавшись с верхних этажей административной иерархии, ее строительство в регионе завершилось формированием низовых (на уровне сельской общины) управленческих структур, представленных органами сельского управления с соответствующими функциями. Унифицированные принципы рационализации и бюрократизации управления распространялись и на институты сельской администрации, различные аспекты деятельности которых также регламентировались соответствующими легально-правовыми нормами, в основных своих чертах заимствованных из положений, распространяющихся на крестьянский «мир» Европейской России (см.: [39, с. 1-3, 9-51 и след.; 41, с. 1-87.]). К примеру, организационно-управленческие функции сельского общества закреплялись положениями, которые регламентировали не только порядок общественного управления, но и хозяйственно-экономическую деятельность села, включенного в качестве юридического лица в систему государственного налогообложения.

Однако вмешательство в общинный быт горцев было чревато серьезными осложнениями для местной администрации. Обезличенность, рационализм, формализм государственной административной системы вступали в очевидное противоречие с патриархальными базовыми принципами самоуправления горской сельской общины (коллегиальностью, демократизмом, внесословностью, широко понимаемым старшинством), порождая конфликты и вызывая неприятие нововведений в горской общинной среде. Искусственное формирование сельских обществ, учреждение на низовых уровнях официальных административных институтов, действующих от имени государства и представляющих его интересы, выстраивание отношений надличностной зависимости во властно-правовом поле наряду с бюрократизацией и формализацией управленческой деятельности – все это не могло не сказаться на целостности традиционной социокультурной системы.

Понимая это, кавказская администрация шла на выборочную легализацию традиционных принципов самоорганизации, используя, например, практику патриархальных народных собраний, трансформированных в общественные сходы. Вместе с тем, имея выборочный, даже спонтанный характер и сохраняя, пусть даже и в некоторой степени, внешние институциональные формы традиционного самоуправления, апелляция к традиционным социоорганизующим практикам и механизмам обеспечивала относительную непротиворечивость интеграционных процессов за счет пересечения в «старого» и «нового» социального порядка, выстраиваемого на низовых уровнях административного аппарата, что с определенной долей успешности обеспечивало достижение главной цели – включение горского социума в общеимперское административно-правовое пространство.

Именно административный аспект русификации был актуализирован на Северном Кавказе, возможно, даже в большей степени, чем на прочих окраинах Российской империи (см. об этом: [51]) в силу исторически сложившегося военного характера взаимоотношений, надолго определившего постановку правительственных внутриполитических задач по отношению к региону.

Аспект образовательный

При анализе процессов русификации национальных окраин Российской империи следует различать процессы «огосударствления» («распространения начал цивилизации» – в терминологии российских администраторов) от процессов ассимиляции, аккультурации, колонизации и пр. Если ассимиляция подразумевает процесс уподобления, включения в новую общность, усвоения нового мировоззрения и, что является, пожалуй, наиболее существенным в характеристике этого явления, «отсутствие конфликта по вопросам ценностей и власти» [21, с. 58], то аккультурация связывается с процессом усвоения новых культурных моделей, заимствованных в ходе контактов с другим сообществом, и, таким образом, не затрагивает глубинных пластов национально-культурной идентичности. Происходя зачастую в условиях военного и политического доминирования, такая вынужденная аккультурация приобретает выраженный инструментальный характер, становясь одной из форм адаптации, при которой в адаптирующемся социуме формируются стратегии индивидуального и группового поведения, ориентированные по большому счету на перспективу и помогающие общности наиболее безболезненно осваивать пространство доминирующей культуры, находя в нем приемлемые для себя ниши.

В силу масштабов и культурно-языковой гетерогенности Российской империи приоритеты центральной власти на окраинах были связаны, скорее, не с достижением полной ассимиляции и принятием общей для всего населения идентичности, сколько с приобретением лояльности, причем не столько политической, сколько выраженной в культурных формах и связанной «с ориентацией на имперский центр как приоритетный источник культурных образцов и влияний» [21, с. 67]. Речь, таким образом, должна идти о создании механизмов, обеспечивающих формирование локальными сообществами

позитивной мотивации русификации, обеспечивающей более или менее успешную адаптацию к новым формам хозяйственной и социально-политической жизни в условиях русифицирующего давления государства.

В то время как административная составляющая правительственной интегративной политики имела все же деструктивный характер, сказавшийся на всей системе традиционного жизнеобеспечения местных сообществ, сфера образования дала образцы позитивной (инструментальной) мотивации русификации населения Центрального Кавказа, в определенной мере сглаживающей издержки имперской унификации. (Заметим здесь, что именно культурно-языковыми аспектами и ограничивает «русификацию» А. Каппелер, считающий, что говорить о целенаправленной «русификации» как содержательной характеристике российской национальной политики можно лишь начиная с 60-х гг. XIX в., но и тогда, по мнению исследователя, «она не оформилась во всеохватывающую концепцию, которая могла бы совершенно вытеснить наднациональную основную модель» [15, с. 138]. Близок к этому мнению вывод американской исследовательницы А. Павленко, которая ставит под сомнение устоявшуюся трактовку правительственной языковой политики как «сознательной, последовательной и долговременной политики языковой русификации и денационализации» [52, p. 331].)

Причин для этого было несколько.

Прежде всего, Центральный Кавказ был регионом, где русский язык изначально занял доминирующие позиции, поначалу проникая в местную среду посредством православия. В ходе становления общеимперской идентичности на «инородческих» окраинах именно религии отводилась роль одного из ведущих интегрирующих факторов в силу ее символической роли особого (сакрального) центра Российской империи. Наряду с открытой пропагандой христианства среди народов Центрального Кавказа (из которых только осетины могли, и то с достаточной долей условности, считаться христианами православного исповедания), специально созданная для этих целей в 1745 г. Осетинская духовная комиссия, ставшая центром православного миссионерства на Кавказе, занялась просветительской деятельностью. С 1764 г. в Моздоке открылась осетинская школа, находившаяся в ведении духовной комиссии. И если в первые годы обучение горских детей проходило на родном языке [19, с. 30-34], то уже с 1767 г. его место занял русский язык в силу указа Св. Синода, предписывающего, чтобы «осетинцы обучены были грамоте на российском, а не на каком другом диалекте» [19, с. 40].

Образовательная деятельность институтов православной церкви на Кавказе, номинально находившихся в ведении грузинского экзархата, тщательно контролировалась светскими властями. Контроль со стороны кавказской администрации еще более усилился в отношении образовательной деятельности сменившего Осетинскую духовную комиссию Общества восстановления православного христианства на Кавказе (1860) [32], одной из главных задач которого являлась организация приходских начальных школ для широких слоев горского крестьянства. Вплоть до ликвидации Кавказского наместничества практическая деятельность Общества была подконтрольна

самому наместнику, и лишь с 1885 г. оно оказалось окончательно вверено экзарху Грузии и передано в непосредственное подчинение Св. Синоду [37]. И даже после переподчинения церковно-приходские школы, находившиеся под началом ОВПХ, были какое-то время связаны с Кавказским учебным округом, оставаясь под надзором сугубо светского должностного лица – инспектора училищ ОВПХ, назначаемого администрацией учебного округа. Только в 1886 г., в русле всеобщей клерикализации российского образования, функции инспекции начальных школ духовного ведомства перешли к Св. Синоду [38].

То обстоятельство, что кавказские церковнослужители, хотя и происходили из местной «иноверной» среды, но обучались в русских учебных заведениях на русском же языке, обеспечивало православию, помимо собственно миссионерских, также функции пропаганды идей российской государственности и законности среди кавказского населения [19, с. 78].

Православное ведомство долгое время удерживало ведущие позиции в сфере народного просвещения, поскольку организация учебного дела в начальной школе, предназначенной «для народа», целиком и полностью возлагалась на церковные учреждения. (Лишь на рубеже XIX-XX вв. этот вопрос стал предметом полемики, вынесенной на обсуждение в Государственный совет [14, с. 721-722]). Образовательная деятельность церковных учреждений всецело поддерживалась центральным правительством и местной администрацией, где начальное обучение (в том числе ведущееся и в приходских школах) рассматривалось как эффективный механизм идеологического воздействия в деле «образования юношества».

«Главнейшим фактором объединения разноплеменного коренного населения края с Империею» [4, с. 103-104] всегда рассматривался русский язык. «Положение о Кавказском учебном округе» 1853 г. утверждало приоритет русского языка в процессе преподавания в местных учебных заведениях не только среднего, но и начального уровня, исходя из целевых установок, данных самим Николаем I о необходимости сближения региональной образовательной системы с общероссийской [31, с. 498]. Эта же цель в числе первоочередных была обозначена и в программе преобразований Кавказского края наместника великого князя Михаила Николаевича [5, с. 99].

И «Положение о начальных народных училищах» (1864) окончательно фиксирует роль русского языка как единственного языка преподавания [34, с. 614]. В продолжение принятого курса по инициативе наместника разрабатывается особое «Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом» (1867), закрепившее принципы унификации региональной системы народного просвещения. А со времени введения Правил о применении к учебным заведениям Кавказского учебного округа общих училищных уставов Министерства народного просвещения (1873) на низшие казенные, общественные и частные учебные заведения (не исключая и церковно-приходские школы иноверческих вероисповеданий) распространяется общий закон относительно обязательности преподавания русского языка, а также русской истории и географии на русском же языке в тех из них, где эти предметы были предусмотрены образовательными программами [24, с. 70-71].

Школы духовного ведомства, в соответствии с утвержденными в 1874 г. «Правилами начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе» [19, с. 134-137], также были ориентированы на распространение русского языка (в отличие от Правил редакции 1863 г., где «природный язык» еще значился языком начального обучения [19, с. 118]). Издание в 1897 г. Министерством народного просвещения примерных программ дисциплин, преподаваемых в начальных училищах, подтвердило позиции русского языка как единственно возможного языка обучения даже на начальных уровнях.

Местный язык оставался лишь предметом изучения в некоторых учебных заведениях, готовивших приходских священников и учителей для церковно-приходских школ: например, Ардонском Александровском духовном училище (1887) [19, с. 244-246; 8, с. 204-207], преобразованном в Ардонскую миссионерскую духовную семинарию (1895). В целом же, судя по отчету попечителя Кавказского учебного округа за 1903 г., из 2086 начальных школ в 1928 школах (92,3%) языком преподавания служил русский язык, и лишь в 158 школах родной язык допускался в помощь при изучении русского языка [23, с. 225-226].

Вместе с тем в условиях полиэтничного северокавказского социума русский язык выполнял не только утилитарные функции проводника идей государственности, но являлся (и воспринимался!) также языком межэтнического общения, посредником в межкультурной коммуникации. Наиболее выраженной эта языковая функция оказалась в равнинных поселениях, соседствующих с казачьими станицами и городами Терской области. Здесь активно шло не просто заимствование, но усвоение новых образцов организации жизни и связанных с ними ценностей, вовлекающих человека в круг современных отношений и значительно расширяющих сеть его социальных связей в лоне иной культуры. Особое стремление к усвоению русского языка выказывало население Осетии, большая часть которого охотно отправляла своих детей «в станицы казакам для обучения русской грамоте… Ныне не редкость встретить осетина, умеющего, хотя и плохо, но написать что-либо, а говорящий по-русски уже не удивляет никого», – рапортовал начальник Владикавказского округа областному начальству еще в 1868 г. [19, с. 129] Показателен в этом отношении пример Алагирской школы, куда, по настоянию алагирского старшины, были определены учениками дети соседнего осетинского села Салугардана. По мнению старшины, в таком случае не только «изучение грамоты сделается для всех несравненно легче», но и, под влиянием развившейся дружбы, «молодое поколение туземцев постепенно будет приготовляться к слиянию в один русский народ» [26, л. 24-25]. Нередки были и случаи, когда осетины и ингуши посылали своих детей в услужение городским жителям без всякой платы, но с единственным условием – выучить ребенка читать, писать и говорить по-русски [45, л. 38].

По мере становления и развития региональной образовательной системы формировался и становился все более определенным социальный запрос на образование, в целом характеризующий общую социокультурную ситуацию на

пореформенном Центральном Кавказе. С одной стороны, его появление обусловливалось сугубо практическим интересом, выказываемым горцами, для которых открывались вполне реальные карьерные перспективы: знание русской грамоты не только значительно поднимало общественный вес общинника в глазах односельчан – владея русским языком, рядовой горец мог повысить и собственный социальный статус, заняв привлекательную должность писаря в сельской администрации либо став учителем, дьяком или даже священником [19, с. 139]. С другой же стороны, образование становилось мощным ресурсом социализации в общеимперском пространстве, выводившим общинника за пределы традиционной повседневности и открывавшим возможности для успешной интеграции в иную цивилизацию, одновременно обеспечивая чувство сопричастности намного более широкой социальной общности, чем любой кровнородственный или территориально-родственный патриархальный коллектив.

Частым явлением стали выносимые на сельских сходах общественные приговоры об открытии приходских школ [19, с. 184]. Личное внимание высшей администрации края к «народным» школам поощряло местные сообщества к устройству новых училищ, о чем свидетельствуют выносимые в массовом порядке общественные приговоры 1880-1890-х гг.: люди не только просили об устройстве в их селениях учебных заведений, но и готовы были брать на себя значительную часть расходов, связанных с их функционированием (жалованье учителю, предоставление или даже постройка помещений для школ, приобретение школьного инвентаря и необходимых принадлежностей и т.п.) [25, л. 55-56; 27, л. 1].

Анализ процессов, связанных с реализацией образовательной политики на Центральном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в., приводит к следующим основным выводам. Прежде всего, оценивая сложившуюся в сфере образования в начале XX в. ситуацию в целом, следует, пожалуй, обратить внимание на ее неоднозначность. С одной стороны, образовательная практика правительства в регионе всегда имела определенный политический подтекст, будучи ориентирована на культурно-языковую ассимиляцию местного населения. Но с другой стороны, откровенные русификаторские установки в деле народного просвещения парадоксальным образом способствовали консолидации национальной интеллигенции и кристаллизации в общественном сознании, выразителем которого являлись ее лучшие представители, идеи национального языка как центрального ядра национальной культуры и понимания необходимости повышения общественного статуса родного языка (см., например: [11]). С наибольшей интенсивностью эти процессы протекали в Осетии, и сформулированные осетинской просветительской интеллигенцией задачи поддержки родного языка [29, с. 191-192] получили частичное разрешение на волне общей переориентации управления регионом в сторону регионализации (после учреждения в 1905 г. Кавказского наместничества), что сказалась и на принципах организации преподавания в местных школах [4, с. 106-108], в программу которых осетинский язык был введен в качестве обязательного [19, с. 175-177].

Вместе с тем, можно с уверенностью говорить об успешности русификации, состоявшейся не столько благодаря целенаправленным действиям соответствующих официальных ведомств и учреждаемых ими образовательных институтов, сколько ввиду отсутствия реальных условий и механизмов повышения статуса родного языка, его утверждения во всех сферах общественной жизни наравне с государственным. Нехватка учебников, квалифицированных педагогических кадров для начальной школы, разнообразной и доступной литературы на родном языке, весьма ограниченная сфера бытования и, главное, отсутствие государственной поддержки объективно законсервировали положение национального языка в качестве вспомогательного, обеспечивая русскому языку широкое проникновение в местную среду и формируя в ней настоятельную потребность в его изучении.

Таким образом, в числе факторов, предопределивших инструментальный характер мотивации к усвоению русского языка, можно выделить следующие. Прежде всего, русский язык являлся языком власти, и овладение им значительно повышало социальный статус человека в его макро- и микросоциуме; знание русского языка открывало для горца перспективы выхода за пределы традиционности и освоения иного, более широкого социального пространства. Новый социальный контекст, в котором оказывались местные сообщества, обеспечивал русскому языку функции посредника в межэтническом взаимодействии и межкультурной коммуникации. Наконец, отмечаемое среди горцев (и в особенности осетин) стремление к освоению русского языка являлось своего рода адаптивной реакцией на новые и всегда острые социальные вызовы, смягчающей чувство психологического дискомфорта, неизбежного в условиях давления государства и его основных институтов на традиционную повседневность.

Аспект переселенческий (колонизационный)

В течение всего периода проникновения империи в регион действия административно-правового характера тесно переплетались с мероприятиями по колонизации здешних территорий, результатом которых стало не только хозяйственное освоение мигрантами местных земельных угодий, но и изменение его социально-демографического фона. Запустив механизм внутренней колонизации в кавказском направлении еще во времена Екатерины II, правительство явно обозначило стремление закрепиться на далекой окраине, включив ее территорию во внутренние российские пределы как в административном, так и в социокультурном отношениях. И если первое могло быть осуществлено в ходе официальных правительственных мероприятий, опирающихся на соответствующую законодательно-правовую базу (т.е. путем собственно колонизации, в основе которой лежат прежде всего политические интересы государства), то второе требовало не только иных подходов (более гибких и одновременно более разнообразных, «цивилизационных» – в терминологии кавказского наместника Михаила Николаевича) [9, с. 3], но и времени. (Отметим, что нередко понятие «колонизация» смешивалось с

понятием «переселение», хотя и то, и другое имело самостоятельный социальный смысл: переселение происходило в силу собственного миграционного потенциала у населения, стремившегося таким образом решить свои частные проблемы; колонизация же в большой степени связывалась с искусственным регулированием миграционных потоков в целях удержания завоеванных территорий и расширения государственного пространства. Однако достижение военно-политических целей на окраинах империи и выселение из центральной России малоземельных крестьян на «окраинные пустыри» с целью их заселения привели к тому, что «колонизация переплелась с переселением» [40, с. 133]).

Исходя из сугубо политических задач расширения «русского» пространства империи, власти поддерживали переселение на Кавказ и в Предкавказье «русского элемента», поначалу представленного казачьим сословием, а с 60-х гг. XIX в. (в дополнение к военно-казачьей колонизации) – уже обычными крестьянами из центральных российских губерний (см.: [28; 30]. Проведение в 1861 г. крестьянской реформы открывало для освободившихся от крепостной зависимости крестьян перспективы для своего земельного устройства, мотивируя их миграционные устремления. С другой стороны, крепко устроенному «русскому элементу» в новоприобретенной и недружелюбно расположенной окраине надлежало стать надежной социальной опорой для административных преобразований. Предполагаемый русифицирующий потенциал переселенцев из российской глубинки должен был не только «усилить» в крае «русский элемент», но и, как считалось администрацией, оказать «немаловажное нравственное воздействие» на местных жителей. Соответственно поставленной задаче законы и положения 1880-1890-х гг. о переселении на Кавказ поселенцев из центральных российских губерний принимались с целью «укрепления» русской составляющей в населении региона.

В пореформенные десятилетия вопрос об «усилении русского населения на Кавказе» был поставлен в ряд первоочередных государственных задач, а заселение его выходцами из российской глубинки объявлялось «весьма желательным с точки зрения общих интересов государства» [47, л. 1, 2об.]. Заняться решением задач, связанных с переселением на Кавказ русских крестьян, настоятельно рекомендовалось местной администрации.

Усилившееся к концу столетия переселенческое движение на Северный Кавказ, в частности в Терскую область, вело к тому, что прибывавшие крестьяне «все более и более» заселяли «свободные земли во всех углах области, занимая как казенные, так и частновладельческие участки» [7, с. 17]. В результате, с одной стороны, ощутимо увеличилась демографическая нагрузка на регион, а с другой – резко сократились причитающиеся на душу населения земельные наделы. Обезземеливание местного крестьянства наряду с проблемами с землеустройством новоприбывших поселенцев заставили правительство на рубеже столетий вернуться к «ограничительному» курсу в переселенческой политике на Кавказе и выработке более жестких условий для переселения в этот регион.

Вместе с тем, выработанные в свете новых тенденций временные правила, регулирующие переселенческое движение на Кавказ и составившие основу Положения Комитета министров о разрешении переселений в Ставропольскую губернию и местности Северного Кавказа (1899), давали преимущества русским крестьянам исключительно православного исповедания, которым предоставлялся для заселения «весь свободный наличный запас казенной земли, не состоящей в отводе казенных крестьян». Пригодность сдаваемых в аренду участков должна была определяться с учетом прежде всего интересов переселенцев независимо от земельного положения «туземных поселян» [13, с. 332-333]. Однако «полезными колонизаторами вновь заселяемых местностей» признавались далеко не все русские и православные, т.к. в соответствии с циркуляром главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 15 марта 1901 г. при их обустройстве учитывался ряд дополнительных условий: имущественный ценз (около 300 руб. на крестьянскую семью), опыт самостоятельного ведения земледельческого хозяйства («хотя и на заарендованных землях»), а также достаточное количество рабочих рук [48, л. 31об.-42].

Несмотря на довольно широкое применение ограничительных мер, они не могли компенсировать отсутствия внятной программы колонизации (о необходимости которой резко высказывался наместник И.И. Воронцов-Дашков [4, с. 72-76]), что привело не только к перенаселению Северного Кавказа и превращению его самого в регион, «выбрасывающий» миграционные потоки (преимущественно в Закавказье), но и к обострению существовавших социальных противоречий, еще более усугублявшихся земельным голодом, от которого одинаково страдали все местные народы, особенно проживающие в нагорной полосе (см.: [43, с. 97-100, 166; 42, с. 27, 28; 49; 50]).

Очевидно, что русские переселенцы удостоились внимания правительства прежде всего как носители имперской государственности, в чем и выражался особый, связанный с ними, «государственный интерес» (см., например, переписку министра внутренних дел И.Л. Горемыкина с министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым [12, с. 558-562, 567]). Администрация Терской области была убеждена, что внимание к нуждам переселенцев и содействие местной власти к «водворению их в известной последовательности – так именно, чтобы целая сеть русских хуторов разъединяла сплошную массу инородческих поселений, – должны служить одним из лучших средств для упрочения в области русской культуры и гражданственности» [6, с. 27], а поселение крестьян из внутренних российских губерний «крупными благоустроенными селами, с церквами, школами, торговлей и промышленностью, несомненно, ускорит умиротворение области» [7, с. 17].

В результате к началу XX в. «земельный вопрос» в крае приобрел уже чрезвычайную остроту, став самостоятельным мощным конфликтогенным фактором, наряду с другими обусловившим социально-политическую напряженность в регионе в конце XIX – начале XX в.

Земельный дефицит и перенаселение в горах обусловили появление на Владикавказской равнине новой социальной группы временнопроживающих, возникшей в результате встречи двух миграционных потоков – один был представлен местным населением, для которого переселение на равнину становилось вопросом выживания, другой – выходцами из российских губерний. Интересы их землеустройства превалировали над земельными проблемами самих горцев: несмотря на скученность и недостаток пригодных в хозяйственном отношении земель, у горцев в пользу переселенцев изымались «свободные» (с точки зрения властей) земли – не находящиеся в общинном пользовании пастбищные, луговые и лесные угодья, которые передавались в казенную собственность. Не находили поддержки и просьбы выселенцев выделить им в пользование участки из т.н. казенных земель (см., например [18, с. 294-296]), поскольку и в этом отношении приоритетным правом пользовались русские переселенцы, и лишь при отсутствии таковых – безземельные горцы [46, л. 16, 19].

В то же время, меняя социально-демографический фон региона, новопоселенцы из Центральной России несли с собой и мощный культуртрегерский потенциал, оказавший заметное влияние на социально-экономическое развитие края, вступившего на путь ускоренного преобразования всей системы социально-экономических отношений. Знакомство с новыми формами хозяйствования, приобщение к новой культуре производства-потребления, в конце концов, расширившееся географическое пространство обитания в связи с массовым переселением на равнинные земли заставляли горцев искать возможности удовлетворять «рождающиеся новые потребности», отделяя по сути «факт от принципа, дело от убеждения» [5, с. 117].

Как особый социально-политический феномен, колонизация обеспечивала перспективу «двойного расширения» Российской империи за счет разрастания «имперского ядра» путем присоединения окраин не только в территориально-административном, но и в социально-культурном аспектах [10, с. 130]. Исследователи отмечают, что колонизация – «это в конечном счете попытка приведения мира в соответствие с тем идеалом, который присущ тому или иному народу. Причем идеальные мотивы могут порой преобладать над всеми прочими – экономическими, военными и другими» [17, с. 56]. Несмотря на то, что русские переселенцы (как казаки, так и обычные крестьяне) «не были ни убежденными агентами имперской власти, ни носителями “цивилизаторской” миссии, ни миссионерами» [3, с. 185, 188], они должны были стать важной «третьей силой» во взаимоотношениях власти и местных сообществ, которая бы придала переселенческому движению имперское измерение. Идеологическая подоплека колонизационных задач заключалась в формировании «большой русской нации» [40, с. 137] как политической целостности, идея которой, трактуемая правительственными идеологами как «национальная», в пореформенный период формулируется в виде нового правительственного курса на создание и поддержание «единства и

неделимости» Российской империи с единым политическим ядром, окруженном окраинами.

Некоторые итоги

Подводя итоги, подчеркнем, что и в позднеимперский период приоритеты национальной политики России во многом определялись как характером российской государственности, так и конкретными задачами поддержания стабильности правящего режима и сохранения единства и целостности страны в условиях этнокультурной и социально-политической мозаичности российского общества.

Ведущая роль в решении интеграционных задач отводилась административной практике. «Административная русификация» северокавказской окраины, подспудно содержавшая идею модернизации общества и его основных институтов, заключала в себе задачу «вписывания» местного социума в быстро менявшуюся систему горизонтальных и вертикальных общественных связей в самой империи, отражая стремление к упорядочению, определенной степени «институционализации» всего разнообразия отдельно существующих социальных систем, подведение их под некий единый знаменатель.

В качестве одного из наиболее эффективных механизмов «русификации» Центрального Кавказа следует считать практику колонизации здешних территорий, социальный смысл которой имел несколько важных измерений: русские поселенцы не только меняли социально-демографический фон региона, но и несли с собой некий «имперский комплекс», ядром которого поначалу выступала идея православия, затушеванная впоследствии политически окрашенной идеологемой «гражданственности» как общей национальной идеи, обосновывающей целостность государства, его «единство и неделимость».

Однако для населения региона существовала и позитивная мотивация русификации, сглаживающая издержки политики имперской унификации и позволяющая горцам наименее болезненно войти в мир «большого общества». С практической точки зрения эта мотивация носила выраженный инструментальный характер, поскольку формировала потребность в образовании, ставшем одним из актуальнейших вызовов того времени для местных социумов. В этом контексте русский язык и образование становились мощным ресурсом социализации в общеимперском пространстве, обеспечивающим чувство сопричастности намного более широкой социальной общности, чем любой кровнородственный или территориально-родственный патриархальный коллектив.

В целом же набор средств и методов для реализации объединительных установок правительства по отношению к Центральному Кавказу и его населению отличался достаточным разнообразием, но одновременно и имперским прагматизмом, в основе которого лежали идеи укрепления основ российской государственности на северокавказской периферии и расширения единого общеимперского политического и социокультурного пространства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1874. – Т. VI. – Ч. 1. – 957 с.

2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – Т. XII. – 1558 с.

3. *Брейфогл Н.* Контакт как созидание. Русские сектанты и жители Закавказья в XIX в. // Диаспоры. – 2002. – № 4. – С. 156-200.

4. Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – СПб.: Гос. тип., 1907. – 164 с.

5. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. – СПб.: Воен. тип., 1870. – 120 с.

6. Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. – Владикавказ: Тип. обл. правления Терск. обл., 1892. – 132 с.

7. Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. – Владикавказ: Тип. обл. правления Терск. обл., 1895. – 107 с.

8. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1887 г. – СПб.; Пг.: Синод. тип., 1889. – X, 289, 123 с.

9. Главнейшие мероприятия по устройству Кавказского края. Тифлис, 1878. – 12 с.

10. *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М.: МОНФ, 2001. – С. 129-150.

11. *Дзасохов Гр.* Образовательное и воспитательное значение отечественного языка // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института (ИСОНИИ). – Орджоникидзе, 1934. Т. VIII. – С. 178-182.

12. *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: Лисс, 1998. – 1000 с.

13. *Исмаил-Заде Д.* Из истории переселения российского крестьянства на Кавказ в конце XIX – начале XX в. // Исторические записки. – 1977. – Т. 99. – С. 332-333.

14. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 / Сост. С.В. Рождественский. – СПб.: М-во нар. прос., 1902. – 785 с.

15. *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / Отв. ред. А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 125-144.

16. *Кобахидзе Е.И.* Административное измерение позднеимперской «русификации» (опыт Центрального Кавказа) // Клио. – 2015. – № 1(97). – С. 206-214.

17. *Лурье С.* Российская империя как этнокультурный феномен // Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. – С. 56-64.

18. Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. / сост. Д. А. Дзагуров. – Дзауджикау: Гос. издат. СОАССР, 1950. – Т. III. – 350 с.

19. Материалы по истории осетинского народа: Сборник материалов по истории народного образования в Осетии. – Орджоникидзе: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1942. – Т. V. – 296 с.

20. *Медушевский А.Н.* Административные реформы в России XVIII-XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе: научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 46 с.

21. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.

22. *Миллер А.* Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. – 2002. – № 2. – С. 133-148.

23. *Миропиев М.О.* О применении школьной системы Н.И. Ильминского на Кавказе // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А. С. Будиловича. – СПб.: Тип. Э. Л. Пороховщиковой, 1905. – С. 225-230.

24. *Модзалевский Л.* Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. – Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1880. Отд. I. – С. 3-96.

25. Научный архив СОИГСИ (НА СОИГСИ). – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 7.

26. НА СОИГСИ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 70.

27. НА СОИГСИ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 74.

28. О дозволении русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ-II). Т. XLIII. Отд. 1-е. – №45785. – С. 473-474.

29. Петиция учителей школ Северной Осетии, поданная Владикавказскому епископу // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института (ИСОНИИ). – 1934. – Т. VIII. – С. 191-192.

30. Положение о заселении предгорий западной части кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России // ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. – №38256. – С. 406-425.

31. ПСЗ-II. Т. XXVIII. Отд. 1-е. – №27646. – С. 498-516.

32. ПСЗ-II. Т. XXXV. – № 35897. – С. 730-735.

33. ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. – №38326. – С. 497-502.

34. ПСЗ-II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. – №41068. – С. 613-618.

35. ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. – №47847. – С. 412-415.

36. ПСЗ-II. Т. XLV. Дополнение. Ч. 2. – №48429а. – С. 11-12.

37. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ-III). – Т. V. – №2726. – С. 42-46.

38. ПСЗ-III. – Т. VI. – №3686. – С. 188-189.

39. Полный систематический свод узаконений, касающихся крестьян и других податных сословий, общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции с присоединением нового положения о земских начальниках, городских судьях и проч. (Издание неофициальное). – М., 1890. – 256 с.

40. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. – 2008. – Вып. 11(129). – С. 132-179.

41. Руководство для крестьян. Сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. – М.: Типография М.Н. Лаврова и К°, 1880. – 267 с.

42. *Тедтоев А.А.* Временнопроживающие крестьяне в Северной Осетии во второй половине XIX и в начале XX в. – Дзауджикау: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1952. – 156 с.

43. Труды комиссии по исследованию современного землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Терский стат. ком., 1908. – 375 с.

44. *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875-1914. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 512 с.

45. Центральный государственный архив РСО-А (ЦГА РСО-А). – Ф. 12. – Оп. 5. – Д. 319.

46. ЦГА РСО-А. – Ф. 168. – Оп. 1. – Д. 1.

47. Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИАГ). – Ф. 12. – Оп. 3. – Д. 1.

48. ЦГИАГ. – Ф. 12. – Оп. 3. – Д. 63.

49. *Цориева И.Т.* Об исторических контекстах миграционной политики России в Осетии в конце XVIII-XIX вв. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VIII: Материалы региональной научно-практической конференции (Пятигорск, 19-20 ноября 2015 г.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – С. 182-188.

50. *Цориева И.Т.* Пути исповедимые… Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 254 с.

51. *Geraci Robert P.* Window on the East: National and Imperial Identities in Late Russia. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. – 389 p.

52. *Pavlenko A.* Linguistic russification in the Russian Empire: peasants into Russians? // Russian Linguistics. International Journal for the Study of Russian and other Slavic Languages. – 2011. – Vol. 35. – No. 3. – P. 331-350.

53. Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855-1914 / Ed. Edward C. Thaden. – Princeton, N. J.; Princeton University Press, 1981. – 497 c.

54. Russification in Tsarist Russia // Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe / Edward C. Thaden with the collaboration of Marianna Forster Thaden. – Boulder: Social Science Monographs; New York: Distributed by Columbia University Press, 1990. – P. 211-220.

55. *Weeks Th.R.* Russification: Word and Practice. 1863-1914 // Proceedings of the American Philosophical Society. – 2004 (December). – Vol. 148. – No. 4. – P. 471-489.

УДК 94(470.67) «18/19»:327(479.23) DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-134-144

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ЭКОНОМИКУ ЮЖНОГО КАВКАЗА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Б.Б. БУЛАТОВ
А.М. ИСМАИЛОВА

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
36700, Россия, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Коркмасова, 8
E-mail: dekanif@mail.ru, almaz.ismailova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние иностранных инвестиций на экономику Южного Кавказа. Предпосылки для этого создавались, благодаря наличию ценных природных ресурсов, прежде всего, нефти и цветных металлов. Но российский капитал не имел возможности производить значительные вложения, необходимые для их промышленного освоения. Такая ситуация создавала благоприятную почву для экспансии иностранного капитала на Южный Кавказ. Здесь он с самого начала обосновался в тех отраслях народного хозяйства, на продукцию которых российский и мировой рынок предъявляли большой спрос и которые обещали большие прибыли. В начале XX века иностранный капитал занял господствующее положение не только в меднорудной, но также в нефтяной и марганцевой промышленности, вследствие чего во многих отраслях промышленности возникло крупное капиталистическое производство. Закавказье превращалось в рынок сбыта и в поставщика сырья для иностранных государств. Позиции местного капитала в горнорудной и в первую очередь меднорудной промышленности все более ослаблялись. Проникновения иностранного капитала в экономку Южного Кавказа имело как положительные, так и отрицательные последствия для промышленного развития региона и России в целом.

Ключевые слова: Россия; Южный Кавказ; рубеж XIX-XX веков; экономика; иностранные капиталовложения; промышленное развитие; капитализм.

INFLUENCE OF FOREIGN INVESTMENTS ON ECONOMY OF SOUTH CAUCASUS AT THE TURN OF THE XIXTH AND XXTH CENTURIES

B.B. BULATOV
A.M. ISMAILOVA

FSBEI HE «Dagestan state university»
36700, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, Korkmasova st., 8
E-mail: dekanif@mail.ru, almaz.ismailova@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of foreign investments on the economy of South Caucasus. Prerequisites for it were formed due to the presence in the region of the natural resources of high value, first and foremost, oil and non-ferrous metals. But Russian business did not possess financial accumulations to make massive investments needed for involvement of those natural resources into productive use. Such a situation formed favorable conditions for the expansion of foreign capital into South Caucasus. From the very beginning of this process it settled itself in those branches of economy, whose products met high demand at the national and international markets and promised to bring high profit. In the early XX century, foreign capital occupied a dominant

position not only in copper but also in the petroleum and manganese industries. In these industries arose big capitalist enterprises. Transcaucasia had been transforming into a market and a supplier of raw materials for foreign countries. The position of local capital in the mining (primarily copper) industry had been increasingly weakening. So, the penetration of foreign capital into the South Caucasus economy brought positive effects along with some negative consequences for industrial growth of the region as well as of the Russia as a whole.

Key words: Russia; South Caucasus; the turn of the nineteenth and twentieth centuries; economy; foreign investments; industrial development; capitalism.

Одной из ведущих тенденций российского исторического процесса в конце XIX – начале XX в. было бурное промышленное развитие, менявшее и внутреннее и международное положение страны. Специфика этого развития связана, помимо прочего, с неравномерностью включения в него различных регионов огромной империи и особой ролью иностранного капитала в его обеспечении. Регионом, где особым образом соединились эти характеристики промышленного развития был Южный Кавказ. Оставаясь одной из «окраин» Российской империи, он, в отличие от некоторых более отсталых территорий на рубеже XIX-XX столетий обладал капиталистической промышленностью, торговым земледелием, железнодорожным транспортом, всеми видами связи того времени, широкими торговыми связями с Россией и с иностранными государствами.

Предпосылки для этого создавались, благодаря наличию ценных природных ресурсов, прежде всего, нефти и цветных металлов. Но развитие добывающей промышленности Южного Кавказа, особенно нефтяной промышленности, требовало больших капиталовложений. Местный капитал не имел возможности производить такие большие вложения; этих возможностей не имел и русский капитал. Такая историческая обстановка создавала благоприятную почву для экспансии иностранного капитала на Южный Кавказ. Здесь он с самого начала обосновался в тех отраслях народного хозяйства, на продукцию которых российский и мировой рынок предъявляли большой спрос и которые обещали большие прибыли. В числе таких отраслей оказались нефтяная промышленность, железнодорожное строительство и цветная металлургия. С ними было связано промышленное развитие и Грузии, и Азербайджана, и Армении, проходившее с активным участием немецкого, английского и французского капитала.

Зависимость от иностранного капитала являлась одной из характерных особенностей развития грузинской промышленности. Крупными предприятиями, возникшими в основном во второй половине 80-х годов XIX в. в связи с организацией экспорта бакинской нефти через Батуми, были жестяночные и ящичные заводы крупных фирм: Каспийско-Черноморского общества, перешедшего в руки Ротшильда, Сидериса и др. [17, с. 116]. С самого начала они возникли как крупные предприятия. В середине 1880-х годов кроме завода Ротшильда, на котором было занято 469 рабочих, машинное производство нефтяной тары было налажено также на заводе Рихнера.

Стоимость произведенной продукция этих заводов в это время составляла примерно 2,3 млн. рублей [20, л. 12]. Главные позиции в Батумской промышленности как по добыче, так и по переработке и вывозе нефти и ее продуктов, занимали крупные иностранные предприниматели, получавшие огромные прибыли. Например, прибыль, полученная лишь нефтяным товариществом Нобеля в 1902-1904 гг. составляла 10 млн. рублей [19, л. 13].

Весьма значительные энергетические ресурсы Южного Кавказа дополнялись двумя угольными месторождениями в Грузии – Ткибульским и Ткварчельским. В первом из них уже к 1901 г. добывалось до 4 млн. пудов угля, а второе было открыто лишь в 1898 г., и геологическая разведка его запасов оставалась незавершенной.

С середины 80-х XIX в. начинается внедрение в производство машинной техники. Число рабочих на предприятиях горнозаводской промышленности в конце 80-х – начале 90-х годов составляло в среднем 50-100 чел. В 1899 году значительно возросли как добыча руды (свыше 700 тыс. пудов), так и выплавка металла (12780 пудов) [5, с. 67].

Немецкое проникновение на Южный Кавказ имеет свою историю. Еще в начале 60-х годов XIX в. фирмой братьев Сименс в районе г. Батуми была налажена разработка медных рудников и построен медеплавильный завод. По свидетельству немецких источников, на указанных медных рудниках и заводе к 1870 г. всего работало 1549 рабочих, производилось 44 213 пудов меди в год и оборот завода составлял 500 тыс. золотых руб.

С этого периода начинается постепенное проникновение немецкого капитала в экономику Южного Кавказа. Закавказские владения Сименсов настолько разрослись, что в начале 70-х годов XIX в. стали самостоятельным филиалом фирмы. Филиал официально именовался «Кавказское промышленно-металлургическое общество братьев Сименс». Участие немецкого капитала в производстве меди в этом регионе не ограничивалось деятельностью фирмы Сименс. Доля немецкого капитала присутствовала и в активах другого смешанного акционерного общества – Кавказского медно-промышленного товарищества.

С 1867 по 1879 г. фирма Сименс эксплуатировала нефтяные источники Ширакских, Мирзаанских и Эльдарских месторождений на правах откупа. Переход указанных нефтяных источников в руки Сименсов ознаменовался значительным сдвигом в способе добычи нефти. Фирма еще в 1869 году впервые в Грузии и на Кавказе начала успешно применять буровые скважины. Количество установленных фирмой скважин возросло с 3 в 1869 году до 270 в 1881 году. Буровые скважины способствовали переходу к фабрично-заводской индустрии. Германский капитал в лице фирмы братьев Сименс сыграл определенную роль в деле развития нефтяного дела в Грузии и на Южном Кавказе в целом. В 1868 г. Братья Сименс купили фотогенный завод в Грузии [11, с. 133].

Сравнительно крупными металлообрабатывающими предприятиями в Батуми в начале 900-х гг. были два механических и чугунолитейных завода (Пасека и Каплана) с 125 рабочими и производительностью в 140 тыс. руб., а

также гвоздильный завод, на котором работало 25 человек, с производительностью в 24 тыс. руб. [14, с. 31].

В руках немцев находился ряд предприятий пищевой и легкой промышленности. Значительное число спирто-водочных, коньячных и винокуренных заводов принадлежало им. Многие немцы были держателями ценных бумаг акционерных обществ, занимавшихся железнодорожными, банковскими, коммунальными и торговыми делами. Крупное мыловаренное, свечное и маслобойное производство в Грузии было сосредоточено в Тбилиси на предприятиях Толле (основано в 1872 г.). Среди сравнительно крупных фабрично-заводских заведений, существовавших в Грузии к концу XIX в., следует упомянуть также стекольные заводы Кученбаха в Борчалинском уезде (основан в начале 80-х гг.) и братьев Бергман в Боржоми (основан в 1897 г.). В 1900 г. на первом было занято до 70 рабочих, а производительность составляла 60 тыс. руб. (примерно такой же масштаб имело это предприятие и в середине 80-х гг.); на втором работало 75 рабочих, а производительность равнялась 112 тыс. руб. В середине 80-х гг. фабричным производством пива занимались фирмы Ветцеля и Мадера, предприятия которых были основаны еще в 50-х-60-х гг. По данным начала 900-х гг., здесь работало 33 чел., а производительность составляла 60 тыс. руб. [1, с. 93].

Освоение Ходских месторождений начала фирма грека Симеониди, а в 1900 году в Аджарии развернуло свою деятельность англо-американское объединение под названием «Кавказское медно-промышленное общество с ограниченной ответственностью», осваивавшее Чинкатхевские месторождения и начавшее строительство крупного медеплавильною завода [11, с. 230].

В 1913 г. добыча медной руды в Закавказском крае перевалила за 19 млн. пудов. Больше половины этой добычи принадлежало упомянутым выше двум акционерным обществам. Другой наиболее важной отраслью экономики Южного Кавказа, где немецкий капитал играл значительную роль, являлась добыча марганцевой руды. Как известно, Чиатурские рудники со дня их открытия были одним из тех основных объектов заинтересованности, из-за которых регион стал фигурировать в стратегических планах германского империализма. Металлургические предприятия этих двух германских объединений целиком работали на марганце, ввозимом из Закавказья. В 1914 г. общая стоимость их имущества в Закавказье составляла 4,8 млн. руб. [11, с 133].

В результате, в экономике Грузии наблюдаются прогрессивные тенденции, обеспечивающие неуклонный рост показателей её промышленного развития. Так, если в период с 1885-1886 гг. количество предприятий в Грузии составляло 359, число рабочих 1554 чел., а стоимость произведённой продукции 1 237,2 тыс. руб., то в 1900 г. эти показатели, соответственно, составили 1 482 предприятия, 7 046 рабочих и объём продукции – 3 386,0 тыс. рублей.

В последней четверти XIX в. происходило усиленное проникновение французского, шведского, немецкого и английского капитала в Бакинскую нефтяную промышленность. Царское правительство создавало благоприятные

условия для дальнейшего притока иностранного капитала в нефтяное производство. Исключительное богатство месторождений, дешевизна рабочих рук и технические усовершенствования способствовали быстрому росту добычи нефти в Баку. Только с 1895 по 1901 г. иностранцы вложили в российской нефтяную промышленность 97,6 млн. руб. [12, с. 145]. В 1900 г. в российской нефтяной промышленности доля иностранного капитала составляла 35,7%. Все это приводило к тому, что уменьшалась роль русских и местных фирм и увеличивалась роль иностранных фирм в добыче нефти [4, л. 3].

В 1879 г. братья Нобель, шведские капиталисты, образовали в Баку Т-во «Братья Нобель» [8, с. 47], которому было суждено в дальнейшем перерасти в крупнейшую монополию. Нобелевская корпорация приобрела огромную силу к концу XIX в. [18, л. 21]. Уже к концу 70-х гг. нобелевский керосиновый завод был самым крупным, а в 1885 г. объем выпускаемой им продукции превышал производство пяти вместе взятых крупнейших керосиновых предприятий в Баку. Своего максимума по нефтедобыче (95.348. тыс. пуд.) Т-во «Бр. Нобель» достигло в 1899 г., на 2 года раньше, чем российская нефтепромышленность в целом [7, с. 141].

В 1880-х годах начинается приток в Баку французского капитала, в лице парижского дома Ротшильдов. В 1898 г. братья Ротшильд учредили здесь торгово-транспортное общество «Мазут». А в 1900 г. был создан «Нобмазут». В 16 мая 1883 г. братьями Ротшильд в Баку была учреждена фирма «Каспийско-черноморское нефтепромышленное и торговое общество», с капиталом 6 млн. руб.

Британский капитал появился в Баку в конце 90-х годов XIX в., когда несколько финансовых магнатов во главе с Джемсом Вишау основали здесь три фирмы. В 1895-1898 гг. в нефтяной промышленности Кавказа обосновались 8 английских компаний, 6 из них действовали в Бакинском районе. Они эксплуатировали богатейшие нефтяные месторождения Азербайджана, получая прибыли. До 1903 года английские кампании вложили в Бакинские нефтяные предприятия 60 миллионов рублей. Вложение крупных капиталов позволило осуществить в нем промышленно-технический переворот [16, с. 21].

В 1879-1888 гг. добыча нефти у «Бранобеля» поднялась в 81,7 раза против 7,7 раза по российской нефтепромышленности в целом, налаженное с опережением производство керосина увеличилось у «Бранобеля» за тот же период в 41,4 раза против 7,4 раза по России в целом. Уже в 1883 г. «Бранобель», заняло долю в 25,9% от общероссийской добыче нефти и 49,1% от ее добычи Баку. Высокое качество продуктов, вырабатываемых на заводах Товарищества, и заслуги его в деле развития русской нефтяной промышленности неоднократно удостоверялись на выставках, в которых оно принимало участие. Первая награда была получена за сооружение хранилищ общей емкостью 276,5 млн. пудов [3, л. 76].

Общий размер основного капитала нефтяных обществ в Баку в 1915 г. составил 487,4 млн. руб., из них 130 млн. руб., контролировалось Тов. «Бр. Нобель» [6, с. 27].

В середине XIX столетия началась промышленная разработка месторождения медной руды и выплавка меди в Кедабеке, Аллахвердах, Калакенде. Фирма «Бр. Сименс» в 1865 г. построила в Кедабеке новый медеплавильный завод мощностью в 40 тыс. пуд. меди в год. В 1866 г. завод имел 6 печей для плавки, 1 гармахерскую гору, 1 машину-локомобиль, 1 паровую машину в 25 л. сил, 4 вентилятора. В 1875 г. на Кедабекском заводе было уже 29 печей, паровая машина в 36 л. сил, турбина в 25 л. сил. Применение паровых машин и другой техники в медеплавильной промышленности Азербайджана во второй половине XIX в. является одним из характерных признаков крупной машинной индустрии. С 1865 по 1882 г. на Кедабекском руднике было добыто 15,5 млн. пуд. медной руды, а на заводе выплавлено 484 тыс. пуд. меди. В 1866-1880 гг. на долю Кедабекского завода приходилось в среднем 2/3 меди, ежегодно выплавляемой на Кавказе. Этот завод был тогда крупнейшим среди медеплавильных предприятий России. В 1870 г. здесь было выплавлено 44 213 пудов меди; в 1899 г. – 140 107 пудов, то есть значительно больше, чем в предыдущие годы. В 1877 г. из 213 931 пудов, выработанной медной руды в России, 25% приходилось на Кедабекский завод [15, с. 263].

В 1883 г. Сименсы завершили строительство второго медеплавильного завода на реке Калакенд [13, с. 153]. Доходы фирмы Сименс за 1864-1871 гг. составили 983 440 руб. С 1864 по 1917 г. – 53,2 млн. руб. Медеплавильные заводы на Южном Кавказе дали фирме доход 15 960 000 руб. [10, с. 56]. В 90-х г. XIX века доля производства чистой меди на заводах Сименсов составляла свыше 50 процентов от производства всех уральских медеплавильных заводов. В 1900 г. на долю Кедабекско-Калакендского медеплавильного комплекса приходилось 34,6% общероссийского и 68,5 % общекавказского производства меди. Недалеко от Кедабека в Дашкесане Карл Сименс обнаружил залежи кобальтовой руды, которая для обработки перевозилась в Кедабек. Если большая часть меди сбывалась на рынках России и отчасти употреблялась на кобальтовых заводах фирмы Сименс в России и Германии, то кобальтовая шпенза целиком вывозилась в Германию. В Германию утекала и большая часть прибылей, которые давали Кедабекский и Калакендский заводы, и золото, получаемое на Калакендском заводе. Начиная с 1876 года Кедабек приносил братьям Сименс солидную чистую прибыль, а именно: в 1876 – 107 842 марки, 1877 г. – 200 694, 1878 г. – 136 254, 1879 г. – 70 150 марок. Ежегодно начиная со второй половины 80-х годов Кедабскско-Калакендский комплекс производил продукции на 1,2-1,9 млн. руб., а ежегодная прибыль составляла 300-400тысяч рублей.

В медной промышленности Армении видное место занимал французский капитал. Он появился еще в 1860-х годах, когда французско-подданный Эрнст Пьеро купил у князей Меликовых за 150 тыс. рублей Ахтальские серебряно-медные рудники и организовал «Компанию рудников Ахталы». Эта компания в 1887 году приобрела все медные предприятия Алавердской группы – Алавердские и Шамлугские медные рудники и Лалварский медеплавильный завод.

В 1897 г. «Компания рудников Ахталы» была преобразована в «Кавказское промышленное и металлургическое общество». Центральное управление «Кавказского промышленного и металлургического общества» находилось в Париже. Общество, внедряя новую технику, из года в год увеличивали выплавку меди. Начиная с 1900 г. «Кавказское промышленное и металлургическое общество» по разнарядкам торгового дома Вогау ежегодно отгружало несколько десятков тысяч пудов меди. Кроме меди общество ежегодно сбывало огромное количество серного колчедана [2, с. 430].

До 1887 г. алавердские рудники эксплуатировались греческими промышленниками, а затем – французским акционерным обществом [9, с. 214]. Французские предприниматели начали реконструкцию старых заводов на современной основе, переводя производственные процессы на минеральное топливо и постепенно увеличивая выплавку. Они построили оборудованный новейшей техникой завод в Алавердской группе рудников под названием «Манес» и электростанцию на реке Дебед, благодаря чему с 1908 г. французский капитал вышел на первое место на Южном Кавказе по производству меди. Посессионный Катарский завод и частновладельческий Сюникский завод перешли под его контроль. Среднегодовая производительность медеплавильных заводов, находившихся под контролем французских компаний, в 1912-1914 гг. составляла 221 180 пудов чистой меди, тогда как Сисимаданский завод за тот же период произвел 1192, а Угурчайский завод – 43 657 пудов меди. Как видно из выше приведенных данных, «Кавказское промышленное и металлургическое общество» получало от эксплуатации медеплавильных заводов огромные прибыли.

Усилению позиций французского капитала в отечественной нефтепромышленности в немалой степени содействовал тот кредит, который Ротшильды открыли ряду мелких и средних бакинских предприятий, обязав последних поставлять им всю свою продукцию. Эта финансовая операция была весьма доходной, поскольку кредитование в России осуществлялось из расчета 6%, в то время как кредит в Париже стоил 2,5-3% [21, с. 125]. В силу этих кредитных контрактов дом Ротшильдов уже в 1888 г. получил в свое распоряжение почти половину всех вагонов Закавказской железной дороги. В отличие от нобелевской корпорации, ориентировавшейся, прежде всего, на внутренний российский рынок, Ротшильды избрали сферой своей деятельности внешний рынок, выйдя в конце 1880-х гг. на первое место по экспорту русского керосина. Став крупнейшим поставщиком за рубеж российской нефти, получаемой ими по твердым ценам, Ротшильды получили возможность в полной мере извлекать выгоду из мировой нефтяной конъюнктуры.

В пореформенный период царское правительство всячески поощряло импорт иностранного капитала в Российскую империю. В конце XIX века, когда в самой России, в результате развития капитализма и значительной концентрации капиталистического производства, образовался некоторый избыток капитала, русская буржуазия выступала против этой политики. Да и правительственные круги были обеспокоены, в частности, тем, что в основных отраслях промышленности Южного Кавказа господствующие позиции

находились в руках зарубежных компаний. Предлагались различные рецепты для избавления от их господства. Однако все предлагавшиеся предпринимательскими кругами в центре и на национальных окраинах рецепты против усиления иностранного капитала оказались недейственными.

Его привлечение на Южный Кавказ по-прежнему поощрялось царским правительством, ибо считалось, что оно способствует экономическому развитию страны в условиях недостаточности отечественного капитала. В 1898 г. был издан указ, который разрешал иностранцам приобретать на Кавказе недвижимое имущество для промышленных целей. После этого наплыв иностранного капитала принял угрожающие масштабы, особенно в горнорудной промышленности. Его позиции в народном хозяйстве России не ослабевали, а усиливались.

Влияние иностранного капитала на экономику Южного Кавказа в указанный период имело как положительные, так и отрицательного последствия.

Иностранных предпринимателей, на Южный Кавказ привлекала возможность получения дешевого сырья и высоких прибылей. Этим и объясняется то обстоятельство, что кавказская промышленность развивалась однобоко: росли преимущественно те отрасли, в которых были заинтересованы иностранные капиталисты (нефтяная промышленность, горнорудная промышленность, некоторые отрасли легкой промышленности), а тяжелая индустрия, являющаяся фундаментом экономики всякой независимой страны, почти не развивалась. К тому же господство иностранного капитала в ряде важнейших отраслей народного хозяйства России усиливало не только экономическую, но и политическую зависимость страны от западноевропейских государств.

Деятельность предприятий, основные выгоды от которой получали иностранные резиденты неизбежно приобретала некоторые черты хищнической эксплуатации ресурсов Южного Кавказа, а доминирование иностранных компаний в некоторых отраслях толкало их на использование монополистических практик. И если в годы экономического подъема в конце XIX в. иностранный капитал сыграл заметную роль в развитии ведущих отраслей тяжелой промышленности и, следовательно, он способствовал ускорению индустриализации страны, то в начале XX в. он превратился в тормоз экономического развития России. Развитие производительных сил страны, тормозилось, прежде всего тем, что «экспорт» огромных по своим размерам дивидендов и прибыли сокращал объем и темп накопления капитала в стране. Иностранный капитал выкачивал ежегодно из России колоссальные прибыли (значительно превышавшие инвестиции в русскую промышленность), не говоря уже о процентах по иностранным государственным займам, и немалая доля этих средств утекала из Южного Кавказа.

В начале XX века иностранный капитал занял господствующее положение не только в меднорудной, но также в нефтяной и марганцевой промышленности. Закавказье превращалось в рынок сбыта и в поставщика

сырья для иностранных государств. Позиции местного капитала в горнорудной и в первую очередь меднорудной промышленности все более ослаблялись.

В целом, интересы иностранных предпринимателей нередко шли вразрез с национальными интересами России и народов Кавказа. Большой объем непроизводительных капиталовложений снижал темпы роста в России, и, в частности, на Южном Кавказе. Большая часть средств, полученных от займов за границей в конце XIX в., использовались непроизводительно.

Вместе с этим в течение некоторого времени прилив иностранного капитала в известной мере способствовал прогрессу производительных сил страны. В частности, на Южном Кавказе ввоз иностранного капитала, а вместе с этим и внедрение иностранной техники, ускорили развитие капитализма.

Иностранные инвестиции играли важную роль в экономике России, облегчив ее первые шаги по пути индустриализации, но они не были определяющим фактором ее экономического развития, направления которого обуславливались, прежде всего, внутренними факторами страны. Однако, при этом иностранные инвестиции позволили более эффективно использовать передовую промышленную технологию, и уже сложившиеся навыки капиталистического предпринимательства, способствуя тем самым утверждению в России новейших организационных форм машинной индустрии, торговли и коммерческого кредита. В исследуемый период появились новые отрасли и новые центры промышленности в Баку, Тбилиси, Батуме, Елизаветполе, Эривани и других городах.

Иностранные акционерные вложения в промышленность оказывали долговременное положительное влияние на экономические интересы страны. Вместе с ростом промышленности, формировались более эффективные производственные структуры. Развивалась предприимчивость местного населения за счет строительства русских предприятий в отраслях, освоенных иностранцами, за счет изучения новых технологий и методов организации производства, выкупа акций у иностранных капиталистов и ассимиляции иностранцев, лично участвовавших в делах.

Приток иностранных капиталов способствовал развитию конкуренции, что неизбежно приводило, во-первых, к техническим усовершенствованиям производства и, во-вторых, к снижению цен на продукцию, и, следовательно, благоприятствовало интересам потребителей. Эти явления наблюдались в металлообрабатывающей и нефтяной промышленности, хотя из-за высокого спроса на товары и недостаточного развития конкуренции во всех отраслях, а также роста арендной платы за пользование недрами и существования высоких акцизов, процесс снижения цен происходил медленно.

Иностранные инвестиции вели к возникновению новых, не существовавших или не развитых ранее, отраслей промышленности, требовавших не только крупных капиталов, но и промышленных знаний и новых технологий. Они были связаны в основном с деятельностью российских филиалов крупных германских фирм в области электротехники, энергетики и химии (особенно фирмы «Сименс и Гальске»).

Образовались новые производственные центры и осваивались новые районы, что создавало новые рынки сбыта для сельскохозяйственной продукции, новые видов деятельности для населения городов и деревень (строительство и обслуживание, снабжение промышленных центров и т.д.).

Иностранный капитал оказывал влияние на распределение национального дохода, на состояние платежного баланса, а, следовательно, на общегосударственные и политические интересы.

Здесь важен ряд моментов.

Национальный доход зависел от всего круга интересов, связанных с деятельностью предприятий (зарплаты работников, доходов поставщиков, землевладельцев и др. хозяйственных групп). Основная черта всякого крупного предприятия заключается в том, что его основной капитал составляет лишь часть тех громадных денежных средств, которые привлекаются к предприятию собственно для ведения дела благодаря приносимой иностранным предпринимателем кредитоспособности. Именно суммы оборотов предприятий, данные о которых приведены выше, служат показателем их вклада в национальный доход страны. Кроме того, часть прибыли, как правило, шла на расширение предприятий, т.е. навсегда оставалась в стране. Увеличение спроса на труд поднимало зарплату рабочих.

Деятельность иностранных капиталов оказывала влияние на состояние и динамику платежного баланса страны. Сопровождавший иностранные инвестиции приток денег и товаров не создавал требований по их оплате, а усиливал средства обращения в стране (в противоположность заключению государственных займов). Торговый баланс России по причине проводимой правительством экспортной политики, был всегда положительным, платежный же баланс колебался под влиянием выплат и обслуживания внешних займов и притока капиталов из-за границы.

Имело место долговременное влияние импорта промышленных капиталов на международный обмен: происходило усложнение вывозимых из России продуктов, а также изменение структуры ввоза.

Упрочение промышленности приводило к большей экономической, а следовательно, и политической самостоятельности страны. Опасения в закабалении ее иностранными капиталистами и подчинении интересам международного капитала, с учетом политической силы России, прочных государственных устоев и исторических традиций, принципов функционирования иностранных капиталов (капиталовложения осуществлялись в основном в безличной, а следовательно, национально индифферентной форме) большинством авторов считались лишенными оснований. Это подтверждалось таможенной войной России с Германией, антибританской политикой царского правительства в ряде регионов и т.д.

Таким образом, комплекс факторов, связанных с иностранными инвестициями оказывал положительное влияние на экономическое развитие, в частности, на промышленное развитие, и в конце XIX – начале XX в. в стране развиваются горнорудная, машиностроительная, металлообрабатывающая, деревообрабатывающая, лёгкая, табачная, вино-водочная и другие отрасли

промышленности. Имеющиеся статистические данные позволяют утверждать, что история иностранных инвестиций есть история роста, а не убывания роли заграничного капитала в российском народном хозяйстве. На Южном Кавказе прилив иностранного капитала произвел своего рода промышленный переворот – возникновение и развитие фабрично-заводской промышленности в капиталистических формах. А это, в свою очередь, оказало влияние на все стороны экономической жизни Южного Кавказа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Антелава И.Г., Орджоникидзе Э.А., Хоштариа Э.В.* К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. – Тбилиси: Мецниереба, 1967. – 128 с.

2. *Адонц М.А.* Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1957. – 560 с.

3. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР). – Ф. 387. – Оп. 1. – Ед. хр. 127.

4. ГИА АР. – Ф. 509. – Оп. 1. – Д. 617.

5. *Гоголадзе Д.А.* Горнорудная, горнозаводская промышленность в Грузии и некоторые вопросы генезиса капитализма (XVIII-XIX вв.). – Тбилиси: Из-во Акад. наук Грузинской ССР, 1966. – 176 с.

6. *Донгаров А.Г.* Иностранный капитал в России и СССР. – М.: Международные отношения, 1990. – 165 с.

7. *Дьяконова И.А.* Нобелевская корпорация в России. – М.: Мысль, 1980. – 160 с.

8. *Золотов В.А.* Нефтяной экспорт России в конце XIX в. // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. – 1979. – № 1. – С. 45-51.

9. *Исмаилова А.М.* Промышленность Эриванской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2012. – № 4. – С. 212-216.

10. *Мамедова Р.* Налоговая система в Северном Азербайджане во второй половине XIX – начале XX в. – Баку: Nurlan, 2010. – 196 с. (на азерб. яз.).

11. *Наниташвили Н.Л.* Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы «Сименс и Гальске» 1860-1917 гг. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1982. – 276 с.

12. Обзор Бакинской нефтяной промышленности за 1901 г. Ч.1. – Баку: Издание Совета съезда нефтепромышленников, 1902. – 447 с.

13. Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. – Петроград: Типография И. Флейстмана, 1915. – 366 с.

14. *Пипия Г.В.* Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг. – М.: Наука, 1978. – 224 с.

15. *Старцев Г.Е.* Бакинская нефтяная промышленность. Историко-статистический очерк. – Баку: Арор, 1901. – 88 с.

16. *Фурсенко А.А.* Нефтяные войны (конец XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1985. – 207 с.

17. *Хоштария Э.В.* Очерки социально-экономической истории Грузии. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. – 223 с.

18. Центральный исторический архив Грузии (ЦИА Г). – Ф. 16. – Д. 3508.

19. ЦИА Г. – Ф. 16. – Д. 3576.

20. ЦИА Г. – Ф. 204. – Д. 660.

21. *Эвентов Л.Я.* Иностранные капиталы в русской промышленности. – М.-Л.: Гос. социально-экон. изд-во, 1931. – 103 с.

УДК 396.5 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-145-157**

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО: ОПЫТ ВЫЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ССЫЛКИ И ДЕПОРТАЦИИ[1]

М.А. ТЕКУЕВА

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com

М.Х. ГУГОВА

Институт гуманитарных исследований
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: gugowa@mail.ru

Е.А. НАЛЬЧИКОВА

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru

Т.В. БИТОКОВА

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: bittoma7@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – выявление механизмов воспроизводства и трансформации ментальных и поведенческих аспектов традиционных этносоциальных практик в экстремальных условиях ссылок и этнической депортации народов Северного Кавказа периода войны, затронувших многих кабардинцев и всех балкарцев. Основными источниками, на которые опирается исследование, стали устные истории, интервью и полевой материал, записанный авторами в 2007-2017 гг. Микроисторический анализ дает возможность восстановить детали повседневной жизни и эмоциональный фон эпохи. Гендерный подход к предмету изучения позволяет определить границы экстремального и повседневного в период вынужденного переселения. Основной вывод видится в следующем: политика власти в отношении отдельных репрессированных семей и целых народов Кавказа, сосланных в Сибирь и Среднюю Азию, несла для них также угрозу потери этнической идентичности. Этого не произошло благодаря, в том числе, женской консервативности, женским практикам адаптации к новым условиям существования, их стремлению к сохранению ментальных установок.

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа», проект № 17-01-00147а

Ключевые слова: женщины; женская повседневность; отношение к смерти; ссылка; депортация; практики выживания; Северный Кавказ; кабардинцы; балкарцы.

EXTREMITY AS EVERYDAY LIFE: THE EXPERIENCE OF SURVIVAL IN CONDITIONS OF EXILE AND DEPORTATION

M.A. TEKUEVA

FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com

M.H. GUGOVA

Institute of Humanitarian Researches
filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: gugowa@mail.ru

E.A. NALCHIKOVA

FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru

T.V. BITOKOVA

FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: bittoma7@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to reveal the mechanisms of persistence and transformations of mental and behavioral aspects of traditional ethno-social practices in the extreme conditions of exile and wartime ethnic deportations of North Caucasus peoples, many of kabardins and all of balkars among them. The main sources on which the research is based are oral narratives, interviews and field materials collected by the authors in 2007-2017. Microhistorical analysis provides an opportunity to restore the details of everyday life and the emotional background of that time. The gender approach to research subject makes it possible to determine the boundaries of an extreme and everyday in the period of forced relocation of peoples. The main conclusion is the following: the state policies towards individuals, families and the whole peoples of the Caucasus, exiled to Siberia and Central Asia was bearing for them the danger of losing their ethnic identity. But it had not become the case due, among other things, to female adaptive practices in the new conditions and their ability to preserve mental attitudes.

Key words: women; women's everyday life; attitude towards death; exile; deportation; survival practices; North Caucasus; kabardins; balkars.

Актуальность. Практика массовых насильственных переселений, ссылок и перемещений сопровождает советскую историю 1920 – начала 50-х годов. Она затронула десятки миллионов людей, поэтому не умещается только в сферу государственной политики, а носит характер самостоятельного социального явления. Это явление имело и ярко выраженный этнографический аспект: группы семей и целые народы со специфическим укладом жизни, этническими установками, особенностями сознания насильственно перемещались в иную культурную среду. Множество вынужденных переселенцев оказались в местах, значительно удаленных от дома, с непривычным климатом и рельефом, с чуждым укладом жизни, непонятным языком. Объективные сложности адаптации к новой среде усиливались бесправным социальным положением, материальными трудностями, глубокими эмоциональными тревогами и личными трагедиями. Репрессивная политика государства изучается в рамках политической истории страны, ей придается всеобщий, массовый характер, но человеческое измерение истории репрессий требует нового антропологического осмысления с использованием гендерного подхода.

Первые этапы репрессий против «социально чуждых элементов» – осколков княжеско-дворянского сословия и «кулачества как класса» – сменились масштабными действиями, направленными против целых народов. Наиболее беззащитными жертвами государственного насилия оказались старики, женщины и дети. Их жизнь в ссылке, выработка механизмов выживания, поиск всех возможных средств к существованию, обустройство быта, забота о потомстве заслуживают пристального исследовательского внимания, так как ответы на эти вопросы позволят не только восстановить объективную картину прошлого, но и обогатить ее представлением ментальных, этнопсихологических и культурологических измерений.

Цель исследования – выявление механизмов воспроизводства и трансформации ментальных и поведенческих аспектов традиционных этносоциальных практик в экстремальных условиях выселения. Анализ осуществляется на материале свидетельств об опыте выживания ссыльных и переселенных из Кабардино-Балкарии в Сибирь и Среднюю Азию. Упрощенно хронология массовых выселений представляется двумя большими этапами, первый из которых начинается в конце 20-х гг. – время «классовой борьбы», а второй – в 1943-44 гг. – проведение этнических депортаций.

Обсуждение. История первого обозначенного этапа не получила должного освещения в научной литературе. Резкий подъем общественного внимания к теме репрессий наблюдается с конца 80-х гг. прошлого века. Однако основная масса статей и выступлений носит публицистический, мемуарный, обличительный характер.

Информативным источником для изучения этого периода может стать «Книга памяти жертв политических репрессий в Кабардино-Балкарии. 1920-1941» [13]. Она составлена на основе архивных материалов ФСБ Кабардино-Балкарии и включает более пяти тысяч персоналий, ставших жертвами сталинского режима в период с 1920-го по 1941-й год. Сборник составлен по

административно-территориальному принципу и включает сведения о репрессированных, проживавших на момент ареста на территории Кабардино-Балкарии. В них отражены биографические данные, место жительства и работы, должность, даты ареста и вынесения приговора, мера наказания, формулировка обвинения, даты расстрела или освобождения, реабилитации.

На основе осетинских материалов издан мартиролог, составленный в алфавитном порядке и хронологической последовательности. Книга содержит также очерки о выдающихся общественно-политических деятелях из этого списка и фотодокументы [14; 15].

Это наиболее полные источники по заявленной нами проблеме. Специальных аналитических исследований о репрессиях 1920-х годов в Кабардино-Балкарии нет, однако, в работах, посвященных истории крестьянских восстаний 1928-1930 гг., содержатся общие статистические данные об участниках событий, сведения о зачинщиках, мерах наказания в их отношении [1; 10; 18; 21].

В отличие от первого периода история депортации народов Северного Кавказа в 1943-1944 гг. на протяжении десятков лет продолжает вызывать острый публицистический и научный интерес в связи с особым драматическим характером событий. Тема выселения балкарского народа, например, нашла отражение в ряде научных публикаций, посвященных отдельным аспектам проблемы этнических репрессий [4; 8; 20; 19; 22]. В них дается анализ причин выселения, рассматриваются социально-экономические условия существования в ссылке, влияние репрессий на национально-культурное развитие балкарцев, публикуются статистические данные, документальные свидетельства, раскрываются проблемы реабилитации народа. Однако за пределами внимания остались вопросы повседневности: индивидуальные драмы, тревоги, женские судьбы, проблемы социальной адаптации и т.д.

В контекст изучения истории репрессированных, их жизни в экстремальных условиях включается тема женского участия в войне, которая представляет особую область гендерных исследований [6; 7; 8; 9].

Методы. Следует отметить, что для анализа проблемы в ракурсе истории повседневности весьма плодотворным может стать гендерный подход, позволяющий «увидеть» детали повседневного быта, не учитываемые социальными историками, такие как эмоциональные переживания, нюансы отношений, трансформации половых ролей, влияние гендерных различий на формы и возможности адаптации и выживания [7; 16] и т.д. Поэтому главным источником для нас стали нарративные материалы, максимально высветившие эти аспекты.

Результаты. Начало репрессий в Кабардино-Балкарии пришлось на 20-е гг. прошлого века. Они оказались направлены на представителей бывших привилегированных сословий, среди которых численно преобладающими были не социально активные мужчины, а члены их семей. Главы же семейств или погибли в гражданской войне, или эмигрировали, или были расстреляны. Но их вдовы, жены, дети и родители становились жертвами карательного аппарата. Эти категории кавказского населения при определенном материальном

достатке и высоком социальном статусе были в подавляющем большинстве неграмотными, что обусловливалось отсутствием собственной письменности, женских образовательных учреждений и главное – традиции получения книжного знания, как светского, так и религиозного. Существование женщин, ограниченное территорией усадьбы, традиционным мировоззрением и языковым барьером, не располагало к адекватному восприятию трансформационных процессов смены политического строя, кардинальной ломки социально-экономических основ общества, борьбы с привычными идеологическими установками. Растерянность и тревожность в отношении революционных преобразований сменились сильным социальным стрессом, вызванным страхом ссылки и неопределенностью будущего. Более 15 тысяч человек: бывших князей и дворян, кулаков и «подкулачников», опальных борцов за советскую власть, представителей интеллигенции и т.д., – были репрессированы в 1920-30-е годы.

Вторая волна массовых репрессий приходится на период Великой Отечественной войны. Война стала генератором гендерного сбоя привычных половых ролей, происходившего на фоне трансформации традиционной культуры у народов Северного Кавказа. Но для балкарского народа экстремальность военного времени критически обострилась в связи с принудительным переселением в Среднюю Азию. Тяготы военного времени, переживания за жизнь фронтовиков – мужей, отцов, братьев и сыновей, нарушение традиционного порядка вещей, резкая трансформация статусов усугубились болезненной сменой климатических и социально-экономических условий существования этноса.

Однако следует отметить характерное отличие первого и второго этапа репрессивной политики в республике. В 20-30-е гг. репрессии осуществлялись выборочно, члены семей «врагов народа» разводились по разным тюрьмам, ссылкам и детским домам, родственные и социальные связи разрывались, как и связь с родиной. В 1940-е годы депортации совершались в одночасье, массовое переселение не означало полного разрыва с родственниками и родным языком, благодаря компактному расселению балкарцев.

Балкарцы входили в число народов, целиком выселенных за пределы своей территории в годы Великой Отечественной войны. Осенью 1942 г. западные районы Северного Кавказа были оккупированы германскими войсками. Немцы установили там местные формы ограниченного самоуправления в виде национальных комитетов. Невзирая на незначительное число коллаборационистов, в ноябре 1943 года было положено начало поголовному переселению «народов-предателей» Северного Кавказа. Первыми в течение двух дней были высланы карачаевцы – 69267 чел. (15980 семей); в том числе – 12500 мужчин, 19444 женщин, 36670 детей были погружены в эшелоны товарных вагонов и отправлены на восток страны. 8 марта 1944 г. были выселены 37713 балкарцев. Из общего числа высланных 52 % составляли дети, 30 % – женщины, 18 % – мужчины: инвалиды войны и глубокие старцы [12, с. 213].

Онтологическим метакодом балкарского этнического сознания является вертикаль – горы, создающие, по образному выражению З.А. Кучуковой, ментальный «пояс безопасности» [17, с. 32]. Утрата его, безбрежность степных горизонтов, отсутствие «опоры» на генетически привычный ландшафт привели к потере пространственных и духовных ориентиров, общей деморализации. Продолжая по Г. Гачеву «баграми метафор ловить явления духа» [5, с. 48], приведем здесь поэтические свидетельства «фантомных болей» у поколения, рожденного в изгнании: «И в песчаные степи пришел рассвет. / Шла-шла и устала душа / Спиной почуяв родную скалу, / Горец захотел прислониться. / Но здесь ни камня, ни горы. / Упал в степи (на равнине) горец» [3, с. 32].

Изменение внутренних и внешних обстоятельств жизни в ссылке, непривычные природно-климатические условия, чуждое окружение и бесправный социальный статус вели к крайним физическим и эмоциональным реакциям. Смерть для ссыльных становилась повседневным явлением. Суммарно за 1945-1950 гг. смертность почти вдвое превышала рождаемость. Документы свидетельствуют, что до 1948 г. шло их прямое вымирание [2, с. 118]. К апрелю 1954 г. из их числа умер почти каждый четвертый – 23,7% [2, с. 124]. В одной из справок о положении спецпереселенцев в Казахской ССР в ряду причин смертности среди депортированных указываются массовое распространение заболевания тифом и недостаточность продовольствия, но главной причиной обозначено: «Коренное изменение климатических и бытовых условий, что особенно сказывалось на стариках и детях, за счет которых главным образом и происходила смертность» [2, с. 90].

В принципе, смерть в культуре всегда является частью повседневной жизни. Но в традиционном обществе обыденность смерти проявляется в установившихся ритуальных практиках. Отклонение от привычного порядка обрядовых действий, усугубляли депрессивное состояние людей, оказавшихся в экстремальной ситуации.

В результате социокультурной депривации особенно у пожилых развивался страх смерти и погребения на чужбине. Показательна в этом контексте история с Цацуной Лафишевой (записано в 2016 г., г. Нальчик). Она страдала от разлуки с родиной и боялась смерти в чужом краю, в Узбекистане. Ее родные воспользовались неожиданной оказией и нелегально отправили ее в Нальчик. В Кабарде она несколько месяцев скрытно проживала то у одних, то у других родственников, пока кто-то не донес на нее. Внучка Цацуны, Н.И. Лафишева, рассказывает: «Помню день, когда вдруг в поселке поднялся крик, все побросали дела и куда-то побежали. Я побежала за ними и увидела свою старенькую маленькую бабушку, которая, спотыкаясь, шла нам навстречу. Ее конвоировал молоденький солдатик в выцветшей, не по размеру большой гимнастерке с винтовкой наперевес…».

Аналогичный случай с побегом из ссылки произошел с Бурановой Цоцей Касбулатовной (1910 г.р.?, записано в 2012 г., с. Герменчик). В ее ситуации побудительным мотивом для побега стал не страх собственной смерти, а стремление к совершению необходимых действий по поводу смерти сестры, к эмоциональному соучастию в ее оплакивании. Получив известие о сестре, она с

маленьким сыном поехала из Кустанайской области Казахстана домой. Добиралась на перекладных около месяца. Понимала, что пока до нее дошла весть о сестре, похороны давно прошли, что нарушает режим, что не избежать наказания, но упорно продолжала путь. Для Цоцы было важно отреагировать действием на событие смерти, высказать свою скорбь по поводу утраты сестры, и она сознательно шла на, казалось бы, нерациональные поступки, жертвуя собственной свободой. По прибытии в свое селение была арестована НКВД и этапирована в Ташкент, где состоялся суд, который за побег с места ссылки приговорил ее к двум годам тюремного заключения. После этого Цоца была отправлена в Казахстан «на вечное поселение».

Приведенные свидетельства, несмотря на их исключительный характер, демонстрируют, тем не менее, важные особенности национального сознания кавказцев, для которых самым страшным испытанием была разлука с родиной и родными. Болезненная ностальгия по дому и привычному укладу жизни в сочетании с физическими и материальными лишениями вызывали мощный стресс и провоцировали спонтанные действия.

Несколько иная картина складывалась в период массовых этнических депортаций. Так, выселение балкарцев в Среднюю Азию означало утрату исторической родины, но не полный разрыв родственных связей. Тем не менее, лишение необходимых благ и привычных жизненных потребностей, причины социального, психологического, возрастного характера повлияли на дезадаптационные процессы у целого народа. Новая повседневность выходила за пределы нормального существования. Сложности ссылки и опасения за жизнь сконцентрировались в страхе умереть не на своей земле, вдали от родных могил.

Согласно инструкции НКВД СССР о порядке выселения каждому переселенцу разрешалось взять с собой продовольствие и имущество весом до 500 кг на семью. Однако организаторы выселения на сборы давали двадцать минут. Старики, женщины и дети изгонялись из родных домов, в чем были обуты и одеты, без теплых вещей, без продуктов, с небольшим ручным багажом. В пути в необорудованных вагонах от голода, холода и болезней люди массово умирали. «Моя прабабушка умерла в вагоне. Ее тело на одной из промежуточных станций вытащили из поезда и оставили лежать на железнодорожной насыпи», – рассказала преподаватель английского языка Татьяна Ногерова (1970 г.р., записано в с. Каменка в июле 2012 г.). «Мне об этом рассказала моя бабушка. Даже перед своей смертью она горевала, что так и не смогла побывать на том полустанке, где было брошено под откос тело ее матери. Моя мама родилась в ссылке…», – отметила она.

Заболеваемость среди спецпереселенцев была в несколько раз выше, чем среди местного населения. Медицинская помощь оказывалась местными лечебными учреждениями, но добираться туда нужно было от 10 до 50 км. Поэтому большинство из переселенцев умирали, не получив никакой медицинской помощи. По официальным данным, за годы ссылки погибло до 30% депортированных балкарцев. Среди них нет ни одной семьи, не похоронившей в пути, на поселении в Средней Азии и Казахстане своих

близких [4]. Резкое снижение численности населения – прямое следствие депортации народов.

Ослабленные люди не выдерживали голода, климатических условий, каторжного труда, бытовой неустроенности и раньше времени уходили из жизни. Только в Джалал-Абадской области Киргизии с апреля 1944 г. по июль 1946 г. умерло 69,5% от общего количества прибывших сюда балкарцев, чеченцев и ингушей. Вымирали целыми семьями, тем самым, обрывались генеалогические линии. В иных населенных пунктах умерли все переселенцы. Некому было даже их хоронить. Погребение умерших становилось проблемой и для семей, состоявших из одних женщин с детьми. По рассказу Ц.К. Бурановой, ей пришлось одной хоронить родственницу, сосланную в соседний с ней поселок: «Не имея от нее вестей, я поехала к ней и обнаружила ее мертвой… Рядом сидел обессилевший от голода малыш, а другой младенец искал материнскую грудь… Пока я рыла могилу, тело стало распухать. Пришлось расширять могилу… Трижды… Тело пухло…» (записано в 2012 г., с. Герменчик).

В нашем распоряжении оказались воспоминания Светланы Соховой (1937 г.р. из с. Урожайное Кабардино-Балкарии). Она родилась вскоре после расстрела ее отца. 8 марта 1938 года арестовали 27-летнюю маму Хабрацу Шугановну с новорожденной девочкой. Девять лет они провели в Акмолинском лагере жен изменников Родины. Двух старших дочерей должны были передать в детский дом, но бабушка девочек добилась, чтобы их оставили ей. Та из них, которой было четыре года, после разлуки с матерью болела в течение года, перестала разговаривать, но забота бабушки и тети спасли их. Самые тяжелые воспоминания Светланы касаются 19 дней, проведенных в эшелоне, хотя известны ей только со слов матери: «Вагон был разделен на 2 отсека: в один загнали женщин, а во второй унесли детей. В проходе между отсеками находился конвой. Детей приносили кормить 3 раза в сутки; голодные и мокрые, они очень кричали… На третий день пути женщины будто обезумели, стали стучать по стенкам и кричать, чтобы им отдали детей. Несколько раз врывался конвой с криками «лицом к стене», «на колени!» Стреляли поверх голов». Ситуацию изменила одна из женщин-казачек. Ее возмущение и агрессия подняли женщин на бунт, и они добились смягчения режима: когда поезд был в пути, детей отдавали матерям, забирая в «детский» загон перед остановками. Мама нашей информантки с благодарностью вспоминала «казачий характер» зачинщицы бунта и противопоставляла его беспомощности своих соплеменниц. Всего их было четыре кабардинки, четыре адыгейки и четыре черкешенки (абазинки). В лагере всех детей забрали в детдом, отделенный от «зоны» колючей проволокой. Свидание детей с матерями разрешали один раз в три месяца.

Те, кто пережил дорогу и лишения, оказались в огороженных и тщательно охраняемых местах. Так, в течение трех лет депортированные народы жили на казарменном положении. В местах ссылки жизнь протекала в условиях особого, специального режима, определяемого правилами и инструкциями ведомства Берии. Согласно им, все спецпереселенцы, начиная с грудных младенцев,

ставились на специальный учет. Ежемесячно депортированные обязаны были отмечаться по месту жительства в спецкомендатурах и не имели права без ведома и санкции коменданта отлучаться за пределы района расселения. Самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой уголовную ответственность без суда и следствия.

Каждый из высланных имел свой опыт стигматизации и свой опыт адаптации, которые зависели не только от этнической принадлежности, но также от пола и возраста человека. Эти факторы имели решающее значение в вопросе о том, сколько у человека шансов на выживание, для мужчин – с начала войны, для женщин и детей – с начала депортации.

Наиболее уязвимой категорией депортируемых были беременные женщины и кормящие матери. Народная память сохранила немало примеров того, как женщина отказывалась от ребенка, будучи не в силах одной адекватно разобраться в трудной ситуации, не умея приспособить старые практики для иных, экстремальных условий.

Понимая, что репрессии направлены в первую очередь против глав семей, родственники пытались спасти своих дочерей и их детей. Так, например, отец Лестахан Хатковой из абазинского аула Красный Восток, предполагая предстоящий арест своего зятя, настоял вопреки обычаям на разводе своей дочери с мужем и забрал ее с трехмесячным внуком, чем уберег их от ссылки (записано в г. Нальчик в 2016 г.).

Елена Малкондуева (1974 г.р., записано в с. Яникой в сентябре 2012 г.) рассказывала, что ее бабушка решилась оставить трехмесячного сына соседям-кабардинцам, так как находилась в ужасе от происходящего и думала, что он не выживет в дороге. Вынужденная разлука матери со своим ребенком во имя спасения его жизни была реакцией на непредсказуемость перспективы жизни в ссылке.

Наш информатор Цоца Буранова, похоронив старшего ребенка в Казахстане, сумела передать младшего сына на попечение сестры в Кабарду.

Разлука с детьми – не самая страшная жертва, приносимая матерями в условиях экстремального существования. Об этом – судьба Цацмы Хубиевой, матери пятерых детей. Ее внучка Фатима Узденова (1965 г.р., записано в с. Учкекен в июле 2012 г.) рассказала, как бабушка, овдовев, работала круглые сутки, чтобы прокормить детей, но поняв, что всех спасти не удастся, стала большую часть еды отдавать старшим детям. Материнское решение спасло троих старших, маленькие умерли. Цацма рассказывала внукам, что много раз стояла в сарае с веревкой в руках, но ее останавливало то, что оставшиеся дети без нее не выживут.

Тем не менее, жизнь во всех ее проявлениях продолжалась и в дороге в Среднюю Азию, и в местах спецпоселений. Организация быта в пути стихийно воспроизводила повседневный традиционный патриархальный уклад. Товарные вагоны, в которых везли людей, были условно сегрегированы по признаку пола. На мужской стороне вагона велись разговоры о судьбах народа и насущных проблемах и принимались решения, на женской – готовили пищу, смотрели за детьми. Роды в публичном месте, в переполненном вагоне, приобретали

экстремальный характер не только из-за недостатка гигиены или отсутствия медицинской помощи, но из-за стыда перед чужими мужчинами, нарушения системы запретов на интимные действия и процессы.

Естественно, рождаемость среди депортированных была невысокой. Только с 1949 г. она начала превосходить смертность [2, с. 118]. Резкая смена климата и сильный стресс влияли на фертильность и вызывали различные болезни. Трудности были связаны не только с привыканием к местному климату, но и налаживанием отношений с местным населением.

Поэтому вопросы: «Как мать могла решиться оставить ребенка на станции или в детском доме?»; «Дать ему шанс выжить под чужим именем или позволить умереть голодной смертью?» – носят риторический характер, ответы на них привязаны к ситуации, связанной с ломкой этнической пространственной модели, дезориентации коллективного сознания, столкнувшегося с угрозой существования народа в целом.

Как видно, тяготы депортации сказались больше на женщинах. Без мужской поддержки они растерялись и не видели путей к спасению. Матери умирали вместе с детьми, отдавали их «в надежные руки» соседей или государства, иногда пытались спасти от голода старших детей, жертвуя младшими. Невозможность выполнения своего материнского долга для них означала и невозможность жить.

Проблемы были связаны и с неготовностью горянок участвовать в общественном производстве наравне с мужчинами. Вообще, выход женщины в публичное пространство традиционно был связан с рядом запретов и ограничений. Этот устоявшийся уклад был нарушен с началом войны, когда женщины были вынуждены выполнять ту работу, которую делали до ухода на фронт их мужчины. В первые годы ссылки, дополнительно к своим специфическим функциям в семье и обществе, они несли новое для себя бремя – главы семьи и основной производительной силы в обществе.

К началу войны, безусловно, преобладала патриархальная модель, и главой семьи всегда был старший мужчина. Так было в мирной жизни, но форс-мажор депортации поменял приоритеты. Вначале мужчины призывного возраста были на фронте, среди ссыльных оставались только старики и инвалиды. Они знали только родной язык, не могли ориентироваться в дороге и по прибытию – на местности, поэтому все вопросы выживания и коммуникации с местным начальством должны были решать молодые женщины. Сфера ответственности горянки расширилась, так как ей пришлось, с одной стороны, выполнять традиционные обязанности – отапливать жилье, стирать, одевать, кормить, с другой стороны, ей приходилось нести ответственность за всех членов семьи, быть главой семьи и материально ее обеспечивать, выполняя роль, ранее принадлежавшую мужчине. Все это было невероятно трудно и требовало выдумки, инициативы, риска, смелости в принятии решений. А «зарабатывать» означало пойти на общественные работы, что для среднего и старшего поколения женщин было совершенно новой ареной. Особенностью советской гендерной системы вообще было сочетание эгалитарной идеологии решения женского вопроса, квазиэгалитарной практики, которая совмещает

политику равенства полов в публичной сфере с традиционными гендерными стереотипами, реализующимися в сфере семьи, быта и интимных отношений.

Социальное продвижение горянки имело следствием и появление новых личных качеств, которые ранее применительно к женщине не формулировались. Это отмечали все балкарки, прошедшие депортацию: за тринадцать лет выселения кавказские женщины стали смелее и независимее, их стали больше уважать в социуме.

Спецпереселенцы работали и жили рядом с людьми разных национальностей. Районы, куда были сосланы депортированные, представляли собой настоящие этнические конгломераты. Это была ситуация вынужденных, но очень активных межэтнических взаимодействий и контактов. Местное население проявляло к спецпереселенцам сочувствие и заботу, старалось облегчить их участь. Всех их объединял труд, и в сложившейся атмосфере ценить людей и выдвигать на работе начали по делам.

Мусуков Ахмат (1942 г.р., записано в с. Хабаз в июле 2012 г.) вспоминал, что у них была большая семья (6 детей) и их очень жалели соседи-казахи: «Помню, я часто пользовался их добротой. Если мне хотелось кушать, то я начинал с независимым видом ходить мимо соседского дома туда-сюда. А сам, в это время смотрел, не увидят ли меня из окна. И вскоре окно открывалось, меня звали и набивали полные карманы чем-нибудь вкусным. Я сам не кушал, а бежал домой и все отдавал маме. Сейчас я понимаю, что почти попрошайничал. Но, думаю, меня извинит то, что мне было 5 лет».

В Указах о выселении не определялся срок пребывания репрессированных народов в ссылке. В ноябре 1948 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что репрессированные народы высланы навечно, без права возвращения на этническую родину. Этим же Указом еще более ужесточался режим спецпоселения, и в соответствии с ним были осуждены тысячи спецпереселенцев, привлекавшиеся к уголовной ответственности не за злостный побег, а просто за выезд без разрешения к своим родным в другие селения. Выход за пределы очерченной зоны поселения расценивался как попытка к побегу. На спецпереселенцев были наложены ограничения по допуску их к педагогической работе и выдвижению на ответственные должности. Ссыльные ущемлялись в правах обучаться в вузах, публиковаться в печати, иметь свои очаги культуры.

Массовые ссылки первой волны репрессий и особенно этнические депортации нанесли значительный урон демографической ситуации и национальному сознанию народов республики. Поэтому реальной возможностью сохранения людей и их этнокультуры была повседневная борьба за выживание и воспроизводство традиционных навыков в частном пространстве семьи, той самой униженной, голодной, страдающей, часто – с женщиной во главе. Женский менталитет ссыльных определялся такими установками, как неприятие чужого образа жизни, стремление к сохранению семейных ценностей от отношения к родному языку и поддержанию родственных связей до сохранения вкусовых привычек.

Выводы. В результате записанных интервью и устных историй мы реконструировали некоторые стороны повседневности в условиях ссылки, войны и депортации. Анализ ряда материалов позволяет вывести несколько закономерностей.

Первое: история повседневности в ссылке и изгнании по своему существу является женской историей. Это обусловлено тем, что женщины в силу своих физиологических особенностей, эмоциональных реакций и традиционных установок претерпевали больше лишений. Сокращение числа мужчин в семье возлагало на женщин всю тяжесть моральной ответственности за потомство и еще большую физическую нагрузку.

Второе: возможно, именно в эпоху жестокой борьбы за выживание в экстремальных условиях ссылки, войны и изгнания произошел реальный слом патриархальности не только в идеологическом плане, но и на глубоком ментальном уровне. Привычные ежедневные женские обязанности умножились за счет принятия на свои плечи доли мужских проблем и увеличения психологического давления. Роль женщины в экстремальных, близких к катастрофе, условиях рассматривается как решающая сила для выживания.

Третье. Массовые ссылки и особенно этнические депортации были направлены, помимо всего прочего, на деструкцию народа как единой системы. То, что создавалось десятками и сотнями поколений горцев – монолитность, восполненность и востребованность всей парадигмы этноопределяющих функций – было разрушено. Женщины берут на себя ответственность перед обществом за сохранение ментальных основ сознания, как залога миропорядка. Это обуславливалось надеждой на возвращение и востребованность сбереженных духовных ценностей для полноценной реконструкции прежней жизни. Когда опасность отступает, женщины, как правило, вновь отодвигаются на второе и третье место и играют свою традиционную роль в более и менее патриархальном обществе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Айшаев О.О.* Крестьянское вооруженное восстание в Чегемском и Баксанском ущельях КБАО в феврале 1930 года. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2006. – 44 с.

2. Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944-2001: Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Х.-М.А. Сабанчиев. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. – 227 с.

3. *Берберов Б.* Горец в степи (подстрочный перевод З. Кучуковой) // Заман. – 2006. – 21 января.

4. *Боров А.Х.* Депортация и реабилитация балкарского народа как проблема общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии // Исторический вестник. – Нальчик: Эль-фа, 2006. – Вып. IV. – С. 295-411.

5. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 544 с.

6. *Гугова М.Х.* Женщины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2015. – 98 с.

7. *Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А.* Женское лицо в зеркале войны (история изучения и новые исследовательские задачи) // Известия Кабардино-Балкарского госуниверситета. – 2012. – Т. II. – № 2. – С. 42-44.

8. *Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А.* Стереотипы траурного поведения кавказских женщин в военные годы (1941-1945 гг.) // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой победы). Материалы международной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Скворцова. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 200-204.

9. *Гугова М.Х., Текуева М.А., Нальчикова Е.А.* Онтологический опыт депортации: гендерный аспект // Вопросы теории и практики. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и исскуствоведение. – 2016. – №6-1. – С. 71-74.

10. *Дзуев Г.К.* Кровавое лето 1928-го. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 103 с.

11. *Зумакулов Б.М.* Реабилитация балкарского народа: история, проблемы, решения. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 117 с.

12. История Дона и Северного Кавказа (1917-2000): учебное пособие / под ред. А.В. Венкова. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2004. – 383 с.

13. Книга памяти жертв политических репрессий в Кабардино-Балкарии. 1920-1941. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 552 с.

14. Книга памяти жертв политических репрессий. РСО – Алания. – Владикавказ: Иристон, 1999. – Том 1. – 384 с.

15. Книга памяти жертв политических репрессий. РСО – Алания. – Владикавказ: «Проект-Пресс», 2006. – Том 2. – 678 с.

16. *Коновалов А.А., Кумахова З.Х.* Картина мира черкесской женщины XIX в.: методология и направления исследований // Кавказология. – 2017. – №3. – С. 140-154. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2017/10/Konovalov_Kumahova_Kavkazologiya_2017_3.pdf (дата обращения: 17.10.2017).

17. *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. – Нальчик: Из-во М. и В. Котляровых, 2005. – 312 с.

18. *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Социальные противоречия в Кабардино-Балкарской деревне в 20-30-е годы. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 1999. – 272 с.

19. *Сабанчиев Х.-М.А.* Балкарцы: выселение и возвращение. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 437 с.

20. *Сабанчиев Х.-М.А.* Были сосланы навечно. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 160 с.

21. *Текуева М.А.* Назир Катханов. Штрихи к политическому портрету // Известия КБНЦ РАН. – 2003. – № 1 (9). – С. 109-124.

22. *Шабаев Д.В.* Правда о выселении балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 286 с.

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 398.22.87 DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-158-176

ПАРАДИГМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ (СТАРШИЙ И МЛАДШИЙ ТИПЫ АДЫГСКОГО ЭПОСА)

А.М. ГУТОВ

Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: adam.gut@mail.ru

Аннотация. В статье даны общая аналитическая характеристика и сравнительный анализ двух типов адыгского эпоса: архаического нартского и более позднего – историко-героического. Выявляются жанровые особенности, преемственные связи и различия в принципах восприятия действительности, что выражено в тематике сказаний и песен, композиционных особенностях, стилистике и художественном предметном мире, отраженном в древних эпических сказаниях, а также в песнях и преданиях младшего эпоса. Историко-сравнительный анализ обнаруживает их родовую общность и видовые особенности на различных уровнях – в тематике, сюжетах и мотивах, эпическом идеале, образной системе языка. В основе эволюционного перехода от старшего к младшему эпосу лежит меняющееся соотношение между системой мифологических представлений и явлениями актуальной реальности, которые формируют и саму картину мира и ее представление в образной системе адыгского фольклора.

Ключевые слова: адыгский фольклор; архаический эпос; историко-героический эпос; типология; мифология; реальность; синкретическая правда; художественное отражение действительности.

PARADIGMS OF CONTINUITY (SENIOR AND JUNIOR BRANDS OF CIRCASSIAN EPIC)

A.M. GUTOV

Institute of Humanitarian Researches – the filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: adam.gut@mail.ru

Abstract. The article presents general analytical characterization and comparative analysis of two brands of Adyghe (Circassian) epic – archaic Nart epic and later historic-heroic one. Analysis reveals peculiarities of genre features, continuity and differences in the principles of interpreting the real world, which express themselves in the subject matter of legends and songs, original traits of composition, stylistics and the artistic subject-world that is reflected in the ancient epic tales as well as in the songs and legends of junior epic. Historical and comparative analysis exposes linkages between them at various levels – their subjects, themes and motifs, epic ideal and figurative language system. At the basis of evolutionary transition from senior to junior epic lays changing

interrelations between the system of mythological ideas about the world and phenomena of actual reality that are forming the world-image as well as the system of its figurative representation in adyghe folklore.

Key words: adyghe folklore; archaic epic; historic-heroic epic; typology; mythology; reality; syncretic truth; artistic reflection of reality.

Существование преемственной связи между двумя разновидностями народного эпоса адыгов, архаическим нартским и типологически поздним историко-героическим, не подвергается сомнению. Это очевидно, несмотря на то, что вошедшие в состав младшего эпоса предания и песни неоднородны и по стилистике, и по тематике. Базовым дифференцирующим признаком историко-героического и архаического по типу эпоса о богатырях-нартах является различное отношение к актуальной реальности. Основной источник мотивов и сюжетов нартских сказаний – система мифологических представлений, доминирующих на относительно ранней эволюционной стадии и актуализируемая в устойчиво функционирующих нарративах или иногда обрядовых церемониях. Это не значит, что каждое сказание старшего эпоса есть подобие облеченной в поэтическую форму иллюстрации к мифам. Но что совершенно определенно – то, что фактически с самого зарождения основой эпического нарратива в сюжетах архаического характера служит не реальное событие, а принцип опосредованной связи с действительностью. Это позволяет считать эпическое время отстраненным, абстрагированным от реального времени, а персонажей и большинство пространственных ориентиров – фантастическими, дистанцированными от реальности. Отсюда атрибуты пространственно-временного плана определяются как «островные», не имеющие однозначных линейных связей с миром обычных людей. Там, где связи обозначаются, они часто условны, иллюзорны, мифичны.

В младшем эпосе события и персонажи обычно имеют событийные или осязаемо предметные параллели в исторической действительности, хотя с точки зрения эстетической и песня и связанное с ней предание (иногда несколько преданий) тяготеют не к обыденному запечатлению фактов, а к художественному отражению. В связи с тем, что старший эпос базируется на фантастических представлениях, а младший – на подлинных или же вполне вероятных явлениях действительности, может возникнуть вопрос: не представляет ли собой первый более высокоорганизованный продукт художественного творчества, нежели второй? В данном случае следует учитывать, что фантастические образы нартских сказаний, чаще всего, это явления синкретического плана, то есть продукты неосознанного художественного творчества, стоящего вне оппозиции *искусство – не искусство.* Налицо особая разновидность правды, абстрагированная от обычной реальности, *правда эпическая*. В героико-исторических песнях и преданиях предметная атрибутика и конкретная оболочка всякого мотива представляют собой в большинстве своем результат осознанного художественного отражения действительности. Событийная основа

произведения может быть почерпнута и из сравнительно далекого прошлого, и из рассказа о явлении, и даже из только что свершившегося события. Иными словами, в обеих разновидностях эпоса присутствует живописное представление тех или иных явлений, но в одном случае это происходит спонтанно, без осознанно художественного осмысления фактов, а в другом – как результат творческого процесса – создания песни как явления полифункционального, но прежде всего художественного. Генезис архаического эпоса способен привести и чаще всего приводит к формам объективации мифа с сакральными элементами. У текста нет ни реального творца, ни гипотетического инварианта. Песня младшего эпоса сочиняется специально и сознательно, «явочным порядком».

* * *

Песни и сказания, опирающиеся на историческую действительность как основной источник мотивов и сюжетов, у многих народов Кавказа не менее популярны и многообразны, чем нартские сказания, а с точки зрения историко-культурной не менее значимы. За последние полтора-два столетия появилось немало публикаций текстов песен и сказаний, которые правомерно относить к данной жанровой разновидности фольклора. Несколько меньше имеется специальных исследований, посвященных ей. В числе последних следует назвать монографии К.Г. Цхурбаевой [31], С.Ш. Аутлевой [5], Т.А Хамицаевой [27], А.А. Ахлакова [6; 7], Ш.Х. Хута [30] и др.

В адыгской фольклористике понятие *историко-героический эпос* установилось лишь в середине XX века, хотя задолго до этого, не обозначая его специальным термином, о нем писали многие авторы, от С. Хан-Гирея [28; 29] и Шоры Ногмова (Ногма) [21; 22] в первой половине XIX в. до современных исследователей. Помимо С. Хан-Гирея и Ш.Б. Ногмова, надо здесь непременно назвать А-Г. Кешева [13] и Л.Г. Лопатинского. Последний в течение многих лет был главным редактором известного серийного издания «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», выходившего при администрации кавказского наместника, занимался изучением языков и культуры народов всего Кавказа и, в частности, адыгов. Он наладил обширную сеть корреспондентов, сам много записывал в поездках по всему краю, предварял свои публикации предисловиями или вводными статьями, давал переводы и комментарии к каждому тексту. В сопроводительных «Заметках» к текстам содержалась ценная научная информация – первичные наблюдения над языком и поэтикой, интересные сравнительно-типологические параллели, лаконичные заключения; в предисловии к одной из обширных публикаций текстов он уделил специальное внимание адыгским песням [14]. В 30 годы XX в. важную работу в данном направлении выполнил М.Е. Талпа, его «Общие замечания» и комментарии к разделам III и IV данной книги [24, с. 147-152, 329-332, 591-614] представляют одну из первых серьезных попыток рассмотрения историко-героических песен и преданий как фольклорного жанра. Первые монографические исследования на материале адыгского фольклора – это упомянутые выше труды С.Ш. Аутлевой [5] и Ш.Х. Хута [30]. Важное значение

для полноты освещения этого явления имеют также отдельные статьи А.Т. Шортанова [32], З.М. Налоева [15], А.И. Алиевой [2; 3] и ряда других фольклористов, историков, литературоведов. Песни и предания историко-героического эпоса находятся в поле внимания в монографиях А.М. Гутова [10; 12]. Р.Б. Унароковой [25], Б.Г. Ашхотова [8; 9] и др. Перечень имен авторов и их трудов далеко не полный, но, как полагаем, в нем нашли отражение основные направления исследований и степень их разработанности.

Возникновение младшего эпоса как разновидности жанра (или отдельного жанра) связано с эволюционными изменениями во всем адыгском обществе. Система воззрений и пространственно-временные представления архаического нартского эпоса с его дискретным эпическим временем, абстрагируемой от реальности локализацией событий и предельно типизированными героями, не имеющими прямого воплощения в современной действительности, далеко не всегда удовлетворяли эстетическим запросам нового времени. Реальные исторические события оказались настолько актуальными для носителей народной поэтической культуры, для всей воспринимающей и санкционирующей среды, что значительно потеснили архаический эпос, который до того времени занимал доминирующее положение в иерархии фольклорных жанров. Это вызвало структурные перемены в поэтике фольклора: новые факты требовали новых средств их отражения. Результатом стало складывание нового жанра, который наследовал старшему эпосу, но отличался от него видовыми особенностями. Это явление не только обогатило жанровый состав адыгского фольклора, но и внесло существенное разнообразие в сюжетику и тематику героического эпоса адыгов.

Историко-героический эпос по своей природе призван отражать в художественной форме реальные события, и он вынужден отойти от выраженных атрибутов квазиисторического времени мифа. Его тематическая особенность такова, что главным источником событийной основы сюжетов оказываются явления, которые можно непосредственно соотносить с фактами и лицами. Нередко песня складывается по горячим следам важных событий или же в память о яркой личности. Например, прославленных воинов, погибших в сражении, у адыгов было принято хоронить под мемориальную песню, которую тут же сочиняли песнетворцы-джегуако. Как вариант песню могли сочинить к дню поминок, когда устраивались состязания, где призами были предметы из наследства погибшего героя – оружие, одежда и аксессуары, боевой конь.

Фактическая база, на которой произрастает сюжет в младшем эпосе, в большинстве случаев или действительно имела место в жизни, или же, во всяком случае, могла восприниматься в традиционном обществе как вполне вероятное реальное явление. Историко-героический эпос знаменует значительный позитивный сдвиг, который происходит в системе коллективного сознания в сторону его приближения к реальности с повышением роли рационалистических элементов мировосприятия и интересом к закономерностям, управляющим человеческим существованием. Благодаря этому образуется естественная грань между поэтическим творчеством, опирающимся на мифоэпическую систему ценностей, и творчеством,

опирающимся на систему жизненных ценностей, укорененных в реальности или соприкасающихся с ней. Границы между ними, конечно, не являются жесткими, но признаки разделения все же очевидны настолько, что образуются разные системы условностей, иногда взаимодействующие, иногда альтернативные, но принципиально совместимые.

Мы в свое время определили художественное время нартского эпоса как дискретное и обозначили его метафорическим термином *островное* [11, с. 69-83]. Время же в эпосе историко-героическом следует признать линейным, учитывая то обстоятельство, что по своей природе оно типологически близко к реальному, во всяком случае, тяготеет к тому, чтобы иметь прямой выход к достоверной исторической действительности. Главное в данном явлении заключено в том, что синкретизм как родовая особенность архаической системы условностей, уходит на второй план и уступает ведущую позицию такому типу отражения в котором время обретает непосредственную связь с реальным. Она воплощается в рассказах о достоверных событиях, в именах конкретных лиц, этнонимических, топонимических, языковых и разного рода иных атрибутах, в характере взаимоотношений между персонажами. Естественно, вследствие этого действительность значительно переосмысливается коллективным сознанием в соответствии с канонами фольклорной системы условностей и с законами образования устно-поэтических стереотипов, что неизбежно в любом роде и виде искусства. Так, например, отец нарта Тотреша *Альбек,* сочинительница смеховых куплетов о нартах *Ляшин,* богатырь *Татаршао* – всё это персонажи архаического пласта адыгского эпоса. Но, их иноязычное происхождение свидетельствует, что они вошли в контекст не изначально, а гораздо позднее. Видимо, еще позже это явление распространяется и образует так называемые малые циклы или отдельные сказания о так называемых младших героях нартского эпоса. Помимо того, мотивы, рожденные в русле мифологического мышления и ранее освоенные древним эпосом, с успехом ассимилируются новым типом восприятия и в результате этнокультурной эволюции инкорпорируются в младший эпос. Тем самым обеспечивается эпический континуум, благодаря которому сохраняется преемственная связь между двумя разновидностями одного жанра. Однако если принимать во внимание всю совокупность реалий, отражаемых в повествовании, становится очевидным несколько иной мировосприятия, выраженного в младшем эпосе. Он принципиально, отличается от «Нартов» многими важными признаками предметного мира, повествовательным стилем, а особенно – тематикой и сюжетикой.

Во-первых, как было отмечено, удельный вес реалий, сопоставимых с действительностью, здесь несравненно выше, нежели в нартских сказаниях. В героическом эпосе любого типа, по обыкновению, устойчиво действует установка на достоверность. Иными словами, Хотя событийное наполнение сюжета в нартском эпосе зачастую носит фантастический характер, повествование о них не воспринимается самими носителями традиции как вымысел. Но это не означает и того, что описываемые события и предметный мир сказаний однозначно понимаются как подлинные. Фактологическая основа

нартских сказаний помещается как бы за пределами оппозиции *правда-вымысел.* Подобное состояние не поддается логическому объяснению с позиций современного рационального мышления или так называемого элементарного здравого смысла. Но оно принимается носителями традиционного сознания, одна из особенностей которого – не замечать противоречия между действительностью и мифическим принципом ее отражения.

Во-вторых, если идеологической основой старшего эпоса являются архаические патриархальные представления, порою с рельефно выделяемыми признаками ранних по типу отношений, то для историко-героического эпоса таковым стало мировоззрение, типичное для более поздней феодально-рыцарской социальной формации. Поэтому здесь наряду с мотивами, характерными для нартского эпоса, на первом плане в качестве каузальных основ возникновения сюжетов фигурируют борьба с чужеземными завоевателями, конфликты на почве попыток передела территорий или имущества, внутренние распри и пр. Таким образом, между двумя разновидностями эпоса вместе с признаками преемственности налицо и легко осознаваемая линия разделения в тематике, сюжетике, характере отражения действительности.

Те мотивы, которые наследуются поздним эпосом из архаического, как правило, переосмысливаются и обретают новое наполнение. Событийная основа, образующая конкретную форму их объективации, переходит из сферы мифологических кодификаций в сферу явлений, логически соотносимых с историческим временем, имеющим непосредственную связь с обозримым прошлым или настоящим. Видимо, этим можно объяснить тот факт, что в области сюжетики между двумя разновидностями эпоса относительно редко случаются очевидные смешения. В пределах нартского эпоса можно иногда обнаружить закрепленность одного и того же центрального сюжетообразующего мотива или целого сюжета за циклами о разных героях. Подобные смешения могут – хоть и еще реже – быть отмеченными и в пределах художественной системы младшего эпоса. Однако при высокой степени стереотипизации персонажей случаи подобного «замещения» (например, одного имени другим, поскольку главное не в имени, а в функции), в старшем эпосе несравненно более часты, так как замена имени сама по себе не всегда имеет принципиальное значение для передачи содержания и реализации художественного замысла. В младшем эпосе вероятность перенесения функции на другое лицо намного меньше, поскольку здесь уровень «персонификации» образа на порядок выше, чем в архаическом эпосе.

Иное дело – использование уже освоенных фольклором мотивов с их принципиально новым наполнением. Для подобных случаев характерны плавные эволюционные процессы, а не резкое отрицание. Таков, например, мотив чудесного рождения, который в раннем эпосе представлен в своей архаической форме (например, рождение Сосруко из камня), а в новых обстоятельствах и на новом уровне восприятия претерпевает серию трансформаций. Еще в пределах системы условностей нартского эпоса герой

Бадиноко / Шабатыныко рождается не чудесным образом (т.е. не из камня, не от выпитой воды или проникшего в помещение солнечного луча и пр.), а от отца с матерью, как подобное происходит в реальной жизни. Но в вариантах сказания его рождению предшествуют какие-либо чудесные явления. Так, еще до рождения Бадиноко его плач раздается из материнской утробы [20, с. 82, 232]. Матерью нарта Шауея является дикая нравом великанша, пожирающая своих детей [20, с. 156, 310]. Андемиркан, герой ранней стадии младшего эпоса, согласно множеству записанных вариантов, родился от земных отца и матери, хотя, по одной из версий, на безымянном морском острове – [4, с. 81, 92, 116 и др.] по другой – на корабле [26, с. 137]. В Кабарду его приносит орел, похитив в самый момент появления на свет [4, с. 111, 116, 156, 181, 268 и др.]. В ряде вариантов налицо тенденция к еще большей рационализации мотива рождения героя, попытка приблизить его к такому толкованию, которое позволило бы слушателю признать его вполне вероятным. Чудесное рождение подменяется версией, более правдоподобной, но все же непременно выделяющей героя из общей среды: он оказывается внебрачным сыном князя, а значит – лицом высокого социального ранга [4, с. 42, 74, 88, 90, 94, 100 и др.]. Необычное рождение сменяется знатным происхождением, что так же оказывается способом идеализации персонажа.

Примечательно, что мотив рождения сохраняет свою основную функцию в циклах историко-героических песен и преданий, но непременно – адаптируясь к новым условиям. Это своеобразная «уступка» типологически более раннему мотиву и важный шаг в сторону приближения к реальности. Примечательно, что одним из приемов идеализации героя становится внебрачное происхождение: по сюжету, герой наследует кровь князя, что сглаживает двусмысленность отношения к нему, поскольку княжеская кровь почитаема в любом случае. «Низкое» происхождение по материнской линии – повод для конфликта, движущего повествование. Логическую цепь завершает следующая версия: в цикле еще об одном герое, князе Лежероко, акцент делается уже не на что-то чудесное или необычное, даже не таинственное: в герое подчеркивается чистота происхождения [12, с. 56-57]. Таким образом, эволюция мотива возвращается к исходному значению – идеализации героя.

Суть эволюции рассматриваемого мотива заключена в том, что при его ретроспективном рассмотрении легко выстраивается логически стройная цепь: чудесное рождение (в «Нартах» – зарождение в камне и выход из него, при косвенной причастности женщины – Сосруко; рождение богатыря из спины отца – Батраз; чудесное знамение – Бадиноко и пр.) – появление на свет «естественным образом», но с элементами чудесного или необычного (герой – сын «обычного» богатыря и великанши – Шауей) – рождение от земных отца и матери, но вне брака или с атрибутами тайны происхождения (Андемиркан) – безупречная чистота происхождения (Лежероко).

Каждая ступень этой типологической цепи коррелирует с основной функцией мотива чудесного рождения – отметить исключительность героя. Последовательно прослеживаемая форма «рационализации» мировосприятия отразила адаптацию общественного сознания к вере в необычность появления

героя на свет чудесным или же «не вполне легитимным» образом. Это побуждает исполнителей в своем творчестве переосмысливать древний мотив. Однако в функциональной сфере неизменной остается потребность выделения героя из массы обычных людей, т. е. разделения на «героев» и «не героев». Это способствует сохранению как показателя исключительности реликтовых форм древнего мотива, которые не исчезли, а в результате длительной эволюции коллективного сознания уступили место чистоте происхождения. Как рождение из камня, воды или от съеденного яблока, от солнечного луча или чего-либо иного из того же ряда, так и безупречно чистое родословие функционально в равной мере призваны свидетельствовать об *исключительности* и даже избранничестве данного лица. В системе явлений секулярного плана это – герой, отличающийся богатырской силой, мужеством, благородными манерами, иными достоинствами. В сфере клерикальной это посланник, мессия, пророк, призванный совершить – и, согласно учению, воистину совершающий – духовные деяния во имя утверждения трансцендентной веры.

Обращает на себя внимание, что младший эпос тематически заметно богаче, чем нартский. Это связано с тем, что источником сюжетообразующих мотивов архаического эпоса является система мифологических представлений, тяготеющая к подчинению многообразия жизненных явлений относительно ограниченного числа стереотипов, репрезентативных в данном обществе и на данной стадии его эволюции. В отличие от этого, историко-героический эпос, черпающий сюжеты не столько в системе представлений, сколько в многообразии реальных событий, имеет более богатый арсенал явлений, способных войти в эпический событийный и предметный мир. Всякая социокультурная система опирается на собственные стандарты миропонимания. Но процессы социокультурного обновления предполагают и разрывы и преемственность в культурной традиции. В нашем случае важно учитывать два обстоятельства. С одной стороны, смена формаций всегда влечет за собой и смену многих аспектов мировоззрения, за этим открывается возможность возникновения новых течений, новых форм, новых мотивов. Одним из воплощений этого обстоятельства в адыгской социокультурной традиции стало формирование историко-героического эпоса как нового ракурса отражения явлений действительности. Он принес с собой не только новые мотивы и сюжеты, но и иной характер интерпретации традиционных, иную шкалу духовных ценностей, иную, или значительно измененную, номенклатуру сюжетов и персонажей. С другой стороны, более тесная связь новой жанровой формы с действительностью во всем ее многообразии обусловила более широкий диапазон тематики и сюжетики. В совокупности все это позволяет считать, что адыгские историко-героические песни и сказания, в свое время тесно связанные с нартским эпосом, образуют не просто разновидность того же фольклорного жанра, а вполне сложившимся самостоятельный, иной жанр, имеющий свои выраженные атрибутивные признаки.

Помимо того, как мы отмечали выше, младший эпос не отказался от использования сюжетно-художественного богатства нартских сказаний, в ряде случаев он просто переосмыслил их, подчинил всю архаическую атрибутику

собственной идеологии и эстетическим принципам. Но в традиционалистском сознании эпическое и реально-историческое время образуют своего рода линейный континуум. В результате, архаическая атрибутика и сюжетно-художественное содержание нартского эпоса не были отброшены. В совокупности с темами и сюжетами, призванными к жизни в новых обстоятельствах, они вошли в арсенал младшего эпоса. Поэтому он многообразнее не только по сюжетике, но и по характеру отражения действительности, типологии героев, предметному миру, особенностям сюжетостроения, поэтическому языку, формам бытования.

Продуктивный период данной разновидности эпоса простирается ориентировочно от XIII-XIV вв. до начала XX столетия. Такой временной промежуток, насыщенный событиями и структурными изменениями в социальной организации общества, наложил свой отпечаток на тематический диапазон и стилевые особенности рассматриваемого явления. В рамках одного жанра он вобрал в себя исторический период от Золотой Орды, контактов с Византийской империей и походов Тамерлана до Первой мировой и гражданской войн. В плане тематическом фольклорная память запечатлела события и большие, потрясшие в свое время весь цивилизованный мир, и кажущиеся малозначительными. Одни циклы посвящены событиям, важным для всего общества, другие – явлениям, интересным только узкому кругу людей, а порою будто бы лишь одному герою. Типичны песни и предания о борьбе с завоевателями, о трагической участи черкесских правителей в Египте, о войнах с иноземными завоевателями, о раздиравших общество внутренних распрях, о рыцарских подвигах героев, в одиночку расправляющихся с целым войском, о рыцарях-наездниках, которые предпочли позору любые физические страдания и даже гибель. В то же время есть циклы, функционально призванные выражать переживания отдельной личности – сетования бывалого воина на нравы изменившегося общества, жалоба оклеветанной жены знатного наездника и пр.

Периодизация циклов адыгского историко-героического эпоса может быть только условной, поскольку далеко не всегда оказывается возможным с уверенностью восстановить подлинные исторические события, которые легли в основу того или иного цикла. Правда, произведения, посвященные событиям, поддающимся установлению и датировке, можно с большой долей вероятности локализовать и во времени, и в пространстве. Таковы, например, циклы «Куркужинская битва» (посвящены сражению, действительно происшедшему в 1614 году при речке Куркужин на территории Кабарды) [1, с. 38-39, 167-168; 21, с. 86-93], «Каракашкатауская битва» (об одном из крымско-татарских нашествий на Кабарду в XVII веке) [1, с. 35-37, 165-167; 21, с. 63-69], «Темрюк Идаров» (об историческом деятеле XVI века, тесте русского царя Ивана Грозного) [18, с. 176-179; 21, с. 80-86], «Сунчалей» (о кабардинском воеводе, предводительствовавшем русскими войсками) [18, с. 104-111] и многие другие. В то же время не следует забывать, что предание и песня, даже когда они по функции мемориальные и особо претендующие на достоверность, это не слепок с действительности, застывший в гипсе, а ее художественное отображение,

причем передававшееся изустно, по законам фольклора, в течение нескольких столетий. Как таковой, цикл из песни и предания может порою в точности соответствовать каким-то реальностям, но порой может представлять и обобщенный, типизированный художественный образ.

Есть немало случаев, когда не представляется возможным с уверенностью атрибутировать песни и связанные с ними предания. Такова, например, популярная песня «Сетования Нартуга» [19, с. 371-375]. В ней нет ни событийных, ни личностных, ни топических атрибутов, судя по которым можно было бы определить время и место ее возникновения, каузальную основу, так как она посвящена случаю не столь высокого общественного значения, чтобы оно непременно отложилось в исторических свидетельствах. Это песня, отнесенная З.М. Налоевым к разряду “очистительных”, поскольку основное практическое назначение ее, согласно мнению исследователя, заключается в восстановлении доброго имени героя [16, с. 86-90]. На первый взгляд, налицо ситуация сугубо личностного плана. Но тема взаимоотношений между отдельным человеком и обществом оказывается социально знаковой, и песня соединяет в себе переживания индивида и общественные идеалы, рождается тип фольклорного персонажа, которого можно обозначить литературоведческим термином – *лирический герой*. Сама исходная ситуация, ставшая каузальной основой песни, типична для своего времени, и она не однажды могла иметь место в разных местах и по отношению к совершенно разным личностям. Это один из многих случаев, когда единичное обретает типические черты.

Другой цикл, «Бора Могучий» [19, с. 344-351], базируется на весьма древней по типу мировой универсалии, известной под названием «эдипов комплекс»: здесь налицо целый узел мотивов – бой отца с сыном, сыноубийство, добровольно принимаемый героем обет страданий (самоистязания), поиски кого-либо, кто перенес больше страданий, чем герой цикла, инцест.

Названные сюжеты и мотивы строятся на принципе личностного самовыражения и социальной значимости поступков. Общим для всех циклов является еще одно обстоятельство – отсутствие достоверных ориентиров, по которым можно было бы локализовать описываемые события. Допустимо, что некоторые из таких циклов возникли не на основе реального события, как чаще всего возникают циклы адыгского героико-исторического эпоса, а в результате вольного поэтического творчества джегуако, создателей и исполнителей множества песен, которые по праву считаются народными. Они могли сочинять песни не только по следам происшедших событий, но также и по слышанным ими повествованиям о временах давно прошедших, о явлениях, сохранившихся в фольклоре, то есть по мотивам древних легенд и преданий. Тематический арсенал мог пополняться также из мифов и даже сказок, если их нарративные компоненты, идейная направленность, сюжетообразующие мотивы могли отвечать веяниям времени.

Изложенное позволяет с полным основанием признать, что многие песни, впоследствии образовывавшие законченный цикл, сознательно сочинялись с

целью сохранения в истории памяти о важном событии, о яркой личности, о подвиге того или иного героя. И песня, и предание слагаются не строго в соответствии с фактической правдой, а по законам художественного творчества. Поэтому представлены произведения и на сюжеты, считающиеся мировыми универсалиями, и на темы весьма оригинальные, почерпнутые из реальной жизни.

Особенно много историй, составивших основу песен и преданий вызвала к жизни Кавказская война, продолжительная и полная драматизма. Тематика устно-поэтических произведений, связанная с этим явлением, масштабным и трагическим, вытеснила в народном сознании многие другие темы и стала центральной в историко-героическом эпосе адыгов. Затронула она и другие жанры – от лирической песни до колыбельной. Знакомство с исторической поэтикой адыгского фольклора позволяет полагать, что на время этой войны приходится период наивысшего развития у адыгов поэтической системы жанра историко-героического эпоса. Так же вероятно, что огромное физическое, психологическое и моральное напряжение, связанное с экзистенциальным опытом длительной и жестокой войны послужило мощным толчком для эмоционального самовыражения, которое и вызвало к жизни огромное количество песен, в подавляющем своем большинстве сложенных в стиле плачей, сетований, жалоб на судьбу. Трагедия оказалась настолько всеохватной, что определила на десятилетия вперед преобладание минорной тональности в адыгской традиционной песне. В сфере фольклорного сознания пространные эпические повествования о богатырях-нартах, героях подлинно монументальных, но относимых к иллюзорному давнопрошедшему прошлому, переставали быть актуальными, их теснили песни и сказания о реальных событиях и личностях. Это содействовало самоутверждению историко-героического эпоса как ведущего жанра в системе фольклора адыгов и вывело в центр внимания общества два фактора – тему трагедии и культ подвига.

Наряду с произведениями, которые утратили вероятностное прямое приурочение к определенному событию или же, быть может, никогда его не имели, и произведений, реальная событийная основа которых без труда восстановима, есть одна категория песен и преданий, историческая каузальная основа которых может быть реконструирована только аналитическим путем. Одно из подобных явлений – цикл, образуемый песней и преданиями о выше уже упомянутом герое Андемиркане. Нет сомнения, что центральный герой этого цикла, состоящего из песни в семь развернутых глав (по-адыгски – *едзыгъуэ / едзыгъо*) и около двух десятков прозаических сказаний, представляет собой типизированный художественный образ. Об этом свидетельствует и характер традиционно эпической идеализации, и наличие выраженных художественно-фантастических элементов в структуре самой песни и образующих самый большой цикл прозаических нарративов, и многое другое. Песенно-эпический Андемиркан – это образ идеального воина рыцарской эпохи, обладающего всем набором бесспорных достоинств, которые в реальной жизни в одном лице практически никогда не встречаются. Этим он как бы служит развитием образов Бадиноко и Шауея, нартских героев завершающей

формации жанра архаического эпоса. В перечень его достоинств входят не только беспримерное мужество, фантастическая сила, гипертрофированное чувство справедливости, суровый аскетизм, идеальный внешний вид и пр. и пр., но все это в сочетании с такими мотивами как возводимая к мифологическим архетипам история рождения, обладание чудесным оружием и чудесным конем. С данным героем связываются не только оригинальные повествования, в основе которых лежат события, происшедшие в действительности, но также ряд сюжетов, известных как общемировые универсалии. Таковы, например, сказания о встрече героя с безымянным невзрачным старичком, который впоследствии оказывается перевоплотившимся мифическим существом или же языческим богом-демиургом, о встрече с языческим покровителем огня и кузнечного ремесла Тлепшем, об отправлении героя к чужеземному правителю с письмом, в котором содержится просьба немедленно убить предъявителя этого письма.

Наряду с этими «универсальными» компонентами налицо также рассыпанные по всем сказаниям и строфам песни ориентиры, связывающие с действительностью повествование и содержание песни. Это *князь Беслан* (лицо историческое: согласно достоверным сведениям, он был некоторое время верховным князем Кабарды), *князь Канибулат / Камбулат* (он тоже имел титул верховного князя, после Беслана), а также удельные *князья Биту, Асланбек* и другие. Кроме того, практически все топонимы, называемые в песне и в предании о гибели Андемиркана, локализуются в одной местности – в районе современного кабардинского села *Аушигер* Кабардино-Балкарии: лесистая *гора Аушигер*, река *Черек,* впадающая в нее речка *Хеу* и ее урочище и пр. Здесь же, в километре от селения, находится *Курган Андемиркана*, где, согласно преданию, герой был похоронен. Все это типологически сближает цикл с более поздними феноменами историко-героического эпоса, возникновение которых по следам реальных событий не подвергается сомнению. В то же время принцип циклизации и значительная доля фантастических элементов в повествовании свидетельствуют о родстве цикла, посвященного этому герою, с поэтикой старшего, нартского, эпоса.

Несколько столетий устного бытования и широкая популярность песни и сказаний о данном герое сформировали цикл, в котором соединились элементы исторической правды и щедрой народной фантазии, конкретные реалистические детали и продукты подлинно художественного вымысла. Насколько этот вымысел является результатом осознанного поэтического творчества, а насколько – следствие сознательно мобилизуемой фантазии, мы не беремся судить, хотя в участии обеих форм творчества нет сомнений.

Такие в социальном плане важные факторы как утвердившиеся в адыгском обществе феодальные формы социального устройства, этническая консолидация с выраженной тенденцией к осознанной самоидентификации и принципами государственности, – всё это в совокупности выдвинуло в центр внимания общества темы борьбы с реальными внешними врагами и преодоления противоречий внутри самого общества. Временной отрезок, продуктивный для младшего эпоса, примечателен в истории адыгов

доминированием феодально-рыцарских принципов во взаимоотношениях как внутри самого адыгского общества, так и вне его. В результате художественная система не просто ориентируется на реальность во всем ее многообразии, но фокусируется на недавно происшедших событиях и их непосредственных участниках и жертвах. И здесь фигурируют как персонажи из живой жизни, так и образы подлинно художественные.

Во множестве и многообразии объектов художественного интереса младшего эпоса центральное место занимают мотивы борьбы с иноземными нашествиями, защиты своей земли, несколько переосмысленные мотивы соперничества, мотивы оплакивания воинов, павших в сражениях или поединках. Для нартиады эти мотивы оставались нетипичными и периферийными.

Исследователи отмечают, что соотношение поэтических и прозаических художественных единиц в младшем эпосе принципиально отличен от того, что мы наблюдаем в циклах нартских сказаний. Там прозаические и поэтические произведения из одного тематического цикла объединяются только их общим героем – сюжеты у них разные. Хотя случаев, когда на один и тот же сюжет существуют и поэтические и прозаические варианты, довольно много. В историко-героическом эпосе предстает иная картина: песня и прозаическое сказание образуют функционально гармоничную пару – они посвящены одной теме, базируются на одной событийной основе, но освещают ее как бы с разных позиций, взаимно дополняя друг друга, чем и образуется бинарный цикл: в прозе излагается обстоятельно история того или иного явления, а песня становится квинтэссенцией поэтической реакции на событие. Очень часто бывает так, что без знания информативной части, излагаемой в предании, содержание песни может остаться непонятым. В свою очередь, песня становится важным эстетическим компонентом, который дополняет и усиливает впечатление от изложенного события или истории. В то же время, тематическая общность предания и песни способствует тому, что между двумя компонентами единого цикла возникает функциональная гармония: песня может поверяться преданием, а предание подкрепляться ссылками на поэтический текст.

Вместо предельно обобщенного образа-типа, характерного для сказаний, возникших на базе мифоэпического мировосприятия в старшем эпосе, на первый план выходят образы конкретных личностей, имеющих прямую связь с действительностью. Естественно, младший эпос еще стимулируется интересами и идеалами коллектива, поскольку отношение к нему мотивировано не мировосприятием индивидуума, а социумом. Но даже при этом условии он значительно более индивидуально «очеловечен», чем выражающий коллективные интересы типизированный герой нартского эпоса. Важно также иметь в виду, что образ героя позднего эпоса создается в значительной степени при помощи эмоционально-экспрессивных сентенций песнетворца, а не только при помощи повествования.

Что чрезвычайно важно с точки зрения эволюции народного поэтического творчества, нарратив может не играть решающей роли в создании

художественного текста песни. Данное обстоятельство открывает в рамках героического эпоса перспективы возникновения и эволюции народной лирики. Изложение динамичного действия в нартском пшинатле, не требующего распевного интонирования, замещается песней со своими акцентами на эмоциональное восприятие. Открывается простор для более глубокого эстетического самовыражения автора и исполнителя. В пространство героического эпоса вступает протяжная песня с ее характерными лирическими интонациями и выраженным акцентом на красоту звучания. В свою очередь, это благоприятствует возникновению нового и весьма важного компонента – *лирического героя*, здесь это не кто иной, как личность, воспринимающая и оценивающая явление с точки зрения индивидуума, хотя, надо это признать, значительно социализированного.

Уже функциональная дифференциация между прозой и поэзией в адыгском историко-героическом эпосе заметно меняет поэтический язык произведения, сгущая весь металогический арсенал средств выражения. В частности, во многом иной становится функция глагола в певческом тексте: на месте перфекта, доминирующего в повествованиях о давнопрошедшем времени, все больше места занимает настоящее время или близкая к нему форма прошедшего – аорист, как некий компромиссный вариант, приближающий прошедшее время к настоящему. Эмоциональная насыщенность песенно-поэтического текста способствует проникновению в него суггестии, статичных описаний, пространных эпитетных, метафорических тирад, иносказаний, гипербол как подлинно художественных приемов (последнее принципиально отлично, например, от гиперболизированного мифического образа великана в сказании о добывании огня). В языке и песни, и сопровождающего ее предания в качестве косвенных указаний на подлинность явления фигурируют топонимы, этнонимы, личные имена реальных исторических личностей, что не столь характерно или чего почти нет в нартских сказаниях. Они, конечно, не усиливают художественного значения песни или предания, но зато служат убедительными свидетельствами достоверности описываемых событий, и данный фактор оказывает на сознание воспринимающей среды свое мощное эмоциональное воздействие.

Также происходит расширение тематического диапазона, как мы это уже отмечали: довольно рано, не позднее, чем в XVIII веке, в русле формальных канонов историко-героического эпоса, который к тому времени занял одно из ведущих мест в системе жанров адыгского фольклора, начинают создаваться и песни отнюдь не героического содержания. Это могут быть исповедальные сетования старого воина («Нартуг»), сетования изгнанной безвинной жены («Хатхов сын Мухамет»), очищение от навета непорочной оклеветанной красавицы («Куля и Миля»), плач по уехавшему в дальний край любимому супругу («Плач Гошагаг») и пр. Все они, несмотря на свое явно «негероическое» содержание, исполняются не иначе, как строго в соответствии с певческой традицией историко-героической песни и сохраняют многие ее атрибуты – образ воина-наездника, описание боевого коня и аксессуаров

снаряжения, соблюдение канонов рыцарского поведения. Сохраняется также традиция поверять песню преданием, а предание – песней.

Как можно полагать, это не просто ассимиляционное влияние ведущего жанра, который подчиняет себе более «периферийные» явления народного искусства. Порою жизненные ситуации складываются таким образом, что они побуждают неожиданными способами аккумулировать в конкретных произведениях особенности разных жанров фольклора. Так, например, исходным событийным контекстом возникновения песни «Сетования невестки Жансоховых» явилось поголовное уничтожение некогда мощного княжеского рода Жансох их соперниками – явление отнюдь не семейного масштаба и весьма типичное для нравов средневековой эпохи. Только беременность одной невестки осталась незамеченной, но и ее ребенка впоследствии выследили. Песня посвящена трагедии не только несчастной матери, но через это – и всего некогда могучего рода; в ней также сильны и мотивы общественного характера, что выводит тему из узкого круга семейных проблем и придает произведению широкое социальное звучание. Этим цикл полностью укладывается в русло идейно-тематических предпочтений героического эпоса. Однако конкретной формой выражения стал монолог женщины, оплакивающей единственного сына, а в его лице весь род Жансоховых [1, с. 93-95, 200-202; 19, с. 391-395 и др.]. Хотя достоверные, не вызывающие сомнений сведения о Жансоховых и о данном конкретном событии отмечены и в письменных источниках, некоторые детали свидетельствуют, что цикл подвергся характерной для фольклора «стереотиптизации» (в частности, мотив уничтожения всех мужчин как способ избавления от настоящих и потенциальных противников относится к мировым универсалиям). Таким образом, в цикле из песни и предания воедино связываются мотивы общенародного характера и индивидуальных переживаний.

В песнях с «негероической» мотивировкой традиционно сохраняются определенные жанром родовые черты воинского быта: упоминание оружия и военного снаряжения, апелляции к рыцарскому этикету и пр. Но наряду с этим появляются и такие нехарактерные для историко-героической песни атрибуты как «желто-шелковые» длинные волосы, «выплаканные глаза» лирической героини, аристократические женские котурны *пхаваки*; даже в описании коня и воинского снаряжения акцент делается порою не столько на боевых достоинствах описываемых предметов, сколько на красоте и гармонии. Сам факт появления песен, автором/лирическим героем которых выступает женщина, но (что симптоматично), исполняемых по традиции мужским хором во главе с певцом-корифеем, знаменует подступы народной певческой культуры к достаточно высокому уровню развития художественной условности, «театрализации» исполнения как основы творчества. Это знаменательно с точки зрения эволюции жанра и, если позволительно употребить такое выражение, способствует некоторой «грацилизации» поэтики традиционного средневеково-рыцарского цикла.

Мы отмечали, что язык историко-героического эпоса более насыщен в эстетическом отношении, нежели язык нартских сказаний, и это относится,

прежде всего, к текстам песен. В данном случае, как нам представляется, важна не только частотность употребления изобразительно-выразительных средств языка, но, что еще более достойно внимания – выраженная эстетическая заданность их употребления. В младшем эпосе уже нет или почти нет типичного, исходного для мифологических нарративов анимистического восприятия мира, изначальной мифологической знаковости образов, не до конца осознанной синкретической метафоричности. В большинстве случаев поэтические приемы в песне понимаются не в их прямом автологическом значении, а как сознательно используемые способы эмоционально-художественной выразительности. Согласно суждению М.И Стеблина-Каменского именно с этого начинается настоящее поэтическое искусство – когда метафорическое мышление перестает быть средством миропонимания и становится сознательно используемым приемом художественного освоения и отражения действительности [23, с. 22-28].

Иллюстрацией этой мысли могут служить два фрагмента из рассматриваемого здесь материала: известный эпизод встречи нарта Сосруко с великаном в пшинатле о добывании огня и эпизод встречи героя цикла из младшего эпоса Хасанша Шогемоко с противником. В нартском пшинатле великан спит свернувшись «калачиком» вокруг костра. Когда герой пытается похитить головешку из этого костра великан ловит его и сажает в дупло своего зуба. Причем речь идет об одном из эпических героев, которые сами отличаются от обычных людей, своим ростом и богатырским сложением. Так, например о нарте Бадиноко говорится, что когда на одном его плече сияет солнце, на другом может идти снег [17, с. 144]. Естественно, с точки зрения рационального сознания подобные образы должны истолковываться как гиперболизация, то есть, как прием, сознательно используемый с художественно заданной целью. Однако мы полагаем, что в обоих упомянутых случаях речь идет о явлении, которому М.И. Стеблин-Каменский дает меткое название – *синкретическая правда* [23, с. 23]. Ученый использует это понятие применительно к исландским сагам, но есть все основания признать названное свойство типичным для мифологии и раннего эпического творчества. У носителей архаического эпоса, базирующегося на мифологических представлениях, сомнений в правдивости описываемого не должно возникать. Но здесь немаловажно иметь в виду, что, жанр словесного искусства – явление не сакрального, а в большей своей степени секулярного порядка. Применительно к нему вопрос о взаимном соответствии повествования и действительности не имеет однозначного толкования. Нередко в нартских сказаниях проблема правды факта оказывается практически неразрешимой: носители мифоэпического сознания верят в рассказываемое, поскольку эпос опирается на определенные системные представления. Вместе с тем, эпическое время и эпическое пространство локализуются в таком отдалении от настоящей реальности – в мифическом «золотом» времени, в фантастической стране, где живут великаны, драконы, карлики, могучие богатыри, – что почти не имеют с нею прямых связей (если не считать некоторых ономастических привязок, которые пристало считать позднейшими. В рассказах о таком мире события и

образы признаются реальными, но у мифоэпического времени и пространства нет надежной линейной связи с настоящим. Поэтому, образы нартского эпоса не всегда можно назвать без оговорок подлинно художественными. Носитель народной традиции не воспринимает как художественный вымысел огромный рост великана или нарта Бадиноко, то же относится к умению богатырского коня говорить человеческим языком, чудесные свойства оружия, магические свойства героя, его помощника или противника и многие другие ирреальные для нас явления. Поистине, вероятное и невероятное, противопоставляемые в сознании современного человека, являются в восприятии носителя традиционного, мифологизированного типа мышления как принадлежащие одному ряду, в своей логической нераздельности как исходная данность. Это и есть проявление в эпосе синкретической правды.

Показательно следующее описание героя из историко-героического эпоса Хасанша Шогемоко, нападающего в одиночку на свадебный поезд, увозящий его возлюбленную: его конь копытами взметает в небо «три пахотные борозды» земли, а сам он стрелой, выпущенной из лука, пробивает насквозь ступицу колеса повозки и ось и заклинивает ее ход [19, с. 129]. Нет никаких сомнений в том, что мы имеем в данном случае дело с типичным поэтическим приемом – сознательным преувеличением, призванным подчеркнуть никак не сверхъестественную силу героя, а его удаль и решительность. Подобных примеров в младшем эпосе множество. Когда в песне говорится, что герой Андемиркан, коснувшись земли, превращается в «сгусток тумана» [1, с. 33; 18, с. 84, 92] или же своим окриком вражеское войско «разгоняет, подобно испуганным овцам» [1, с. 33; 18, с. 85], сам певец и его слушатели понимают это не иначе, как осознанное преувеличение, с помощью которого образ героя обретает выразительность и наглядность. Ту же функцию несут слова другого героя, Хатхова Кочаса:

Ружье, что в моих руках, семь недель закаливали,

А заряд, что в нем заложен, корабли, плавающие в море, устрашает,

Страшась, как бы он в них не попал, в лесу вепри разбегаются… [18, с. 158].

Число примеров можно без труда продолжить, но суть их будет одна: преувеличение и метафоризация использованы осознанно и с эстетической целью. Это видовая отличительная черта младшего эпоса.

Лирические медитации, вводимые в песенный текст от имени героя или же безымянного песнетворца, довольно часто получают афористическую форму. При этом достигается такая степень соответствия формы и содержания, что не всегда возможно определить, то ли выражение попало в текст песни из арсенала народной афористики, то ли, напротив, меткое умозаключение из песни пополняет этот арсенал. «Надежда и сон – доброе отцово наследство», поется в зачине упомянутой выше песни о Хасанше Шогемоко [1, с. 53; 18, с. 128, 136]. Его надежде не суждено было оправдаться, как и не всякому сну дано сбыться наяву. Герой погибает, и сложенная по этому поводу песня не просто повествует об этом, но и содержит вывод, полный горькой иронии. «Плач невестки Жансоховской» начинается с глубокой философской сентенции о том,

что Тхашагский лес дремучий вырос из одного семечка дикой яблони, парящий над ним могучий орел вышел из одного хрупкого птичьего яйца [19, с. 391]. Это иносказательное напоминание о том, что и последний отпрыск рода Жансох, беззащитное дитя, которого оплакивает мать, тоже мог стать началом рода, огромного как тот лес и мощного как тот орел. Поэтическая параллель налицо. Меткой формулой песня указывает на не осуществившиеся возможности и с горечью напоминает о существовании в мире законов, неподвластных человеческим стремлениям.

Подобного рода обобщения, весьма редкие в преисполненных динамики нартских пшинатлях, настраивают произведения младшего эпоса на лирический лад, и это отражается в содержании самих песен, а вместе с этим на темах циклов и на музыкальной фактуре жанра в целом. Последнее проявляется в том, что традиционный динамизм нартского речитатива все увереннее вытесняется протяжной песней, возрастает эстетическая функция мелодии. Запускается перманентный процесс, в котором переход от старшего эпоса к младшему предвещает в перспективе появление выраженных признаков лирической поэзии. По мере их нарастания, причем без революционных изменений в области формы исполнения, стирается грань между песнями героического содержания и сугубо лирическими песнями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Адыгэ уэрэдыжьхэр / зыгъэхьэз. З.П. КъардэнгъущI [Адыгские старинные песни / Сост. З.П. Кардангушев]. – Налшык: Эльбрус, 1979. – 224 с.

2. *Алиева А.И.* Жанрово-исторические разновидности героического эпоса адыгских народов // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. Поэтика и стилистика. – М.: Наука, 1980. – С. 228-247.

3. *Алиева А.И.* Историко-героический эпос адыгов и его стадиальная специфика // Типология народного эпоса. – М.: Наука, 1975. – с. 139-151.

4. Андемыркъан. Адыгэ лIыхъужь эпос. [Андемиркан. Адыгский героический эпос. На кабард. яз.] / Зэхэзылъхьар КъардэнгъущI Зырамыкущ [Составитель З. Кардангушев]. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 369 с.

5. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI-XIX веков. – Нальчик: Эльбрус, 1973. – 227 с.

6. *Ахлаков А.А.* Героико-исторические песни аварцев. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1968. – 225 с.

7. *Ахлаков А.А.* Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. – М.: Наука, 1981. – 166 с.

8. *Ашхотов Б.Г.* Адыгское народное многоголосие. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. – 372 с.

9. *Ашхотов Б.Г.* Традиционная адыгская песня-плач гъыбзэ. – Нальчик: Эль-фа, 2002. – 236 с.

10. *Гутов А.М.* Адыгский эпос. Мотивы, типы, образная система. – Саарбрюкен (Германия): Academic Publishing Gbt&Co, 2013. – 416 с.

11. *Гутов А.М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. – М.: «Наука»; Изд. фирма «Восточная литература», 1993. – 208 с.

12. *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. – Нальчик: Эль-фа, 2013. – 220 с.

13. *Каламбий (А.Г. Кешев)*. Характер адигских песен // Терские ведомости. – 1869. – №№ 13, 14, 18.

14. *Лопатинский Л.Г.* Предисловие, с указателем предметов (мотивов сказок) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Канцелярии Главноначальствующаго гражданскою частию на Кавказе и К. Козловскаго, 1898. – Вып. 25. – С. I-XVIII.

15. *Налоев Заур*. Героические величальные и плачевые песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 3-х т. Т. 3. Ч. 1: Героические величальные и плачевые песни / под ред. Е.В. Гиппиуса. – М.: Советский композитор, 1986. – Т.III, ч. 1. – С. 5-34.

16. *Налоев З.М.* Очистительная песня в адыгском фольклоре // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – С. 82-99.

17. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 3-х т. Т. 2: Нартские пшинатли / под ред. Е.В. Гиппиуса. – М.: Советский композитор, 1981. – Т.II. – 232 с.

18. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 3-х т. Т. 3. Ч. 1: Героические величальные и плачевые песни / под ред. Е.В. Гиппиуса. – М.: Советский композитор, 1986. – Т.III, ч. 1. – 264 с.

19. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 3-х т. Т. 3. Ч. 2: Героические величальные и плачевые песни / под ред. Е.В. Гиппиуса. – М.: Советский композитор, 1990. – Т.III, ч. 2. – 488 с.

20. Нарты. Адыгский героический эпос / Сост. А.И. Алиева, А.М. Гутов, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. Вступ. ст. А.Т. Шортанова. – М.: Наука, 1974. – 416 с.

21. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды / Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов. Т. 1. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 308 с.

22. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора Бекмурзин Ногмовым. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1861. – 181 с.

23. *Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Становление литературы. – Л.: «Наука», 1984. – 246 с.

24. *Талпа М.Е.* Общие замечания к Разделу III // Кабардинский фольклор. – М.;Л.: ACADEMIA, 1936. – С. 133-139.

25. *Унарокова Р.Б.* Песенная культура адыгов (Эстетико-информационный аспект). – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 220 с.

26. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века: в 2-х кн. Кн. 1 / Кабард. Балкар. ин-т истории, филологии и экономики; Сост. и. авт. вступ. статьи, А.И. Алиева; Комент. А.И. Алиевой, А.М. Гутова; Подгот. текстов и общ. ред. А.М. Гутова. – Нальчик: Кабард.-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики, 1979. – 404 с.

27. *Хамицаева Т.А.* Историко-песенный фольклор осетин. – Орджоникидзе: «Ир», 1973. – 260 с.

28. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. – Нальчик: «Эльбрус», 1978. – 334 с.

29. *Хан-Гирей*. Черкесские предания // Русский вестник. – 1841. – Т. 2. – Кн. 4. – С. 3-78; Кн. 5. – С. 292-377.

30. *Хут Ш.Х.* Историко-героический эпос адыгов. – Майкоп: Адыгея, 2005. 164 с.

31. *Цхурбаева К.Г.* Об осетинских героических песнях. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1963. – 200 с.

32. *Шортэн Аскэрбий*. Хэзыгъэгъуазэ // Адыгэ ІуэрыІуатэхэр [Шортанов Аскерби. Введение // Адыгский фольклор]: в 2-х т. Т. 2. / Составитель З. Кардангушев. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – С. 3-18.

УДК 322.2/324 DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-177-184

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ПОВЕСТИ Л. АБАЗОВОЙ «ОСЕННИЕ СЛЕЗЫ»

Н.Б. БОЗИЕВА
Л.Х. БЕЗИРОВА

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: naimabozieva@mail.ru, bezirova07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы художественного решения нравственно-психологических проблем в лирической повести Л. Абазовой «Осенние слезы». Автор поднимает много актуальных проблем. Первая – алкоголизм, влияние его на личность, последствия этой болезни, ее пагубность. Из этой темы вытекает и проблемы сиротства, бедности, неустроенности, бесприютности. «Миру детей» автор противопоставляет «мир взрослых». В повести большое место уделено и вопросам выбора профессии, в частности, врачебной этики. Она также ставит острые вопросы возрождения духовности и нравственного самопознания человека в современном обществе. Повесть написана со свойственным автору глубоким знанием народной жизни и психологии простого человека. Художнику удается показать развитие внутреннего мира героев, путь их нравственного совершенствования или процесс морального опустошения. Новаторство прозы Л. Абазовой в том, что она привносит новую тему в кабардинскую литературу: телесный опыт женщины, в частности, проблемы, связанные с беременностью, родами, абортами – то, что практически не затрагивалось другими писателями. Своеобразная архитектоника сюжета, великолепное владение сокровищами самобытного кабардино-черкесского языка позволили Л. Абазовой построить свое произведение живо и динамично.

Ключевые слова: кабардинская литература; лирическая проза; Л. Абазова; повесть «Осенние слезы»; нравственные проблемы; психологизм; культурный контекст.

AN ARTISTIC REPRESENTATION OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS IN THE STORY BY L. ABAZOVA «AUTUMN TEARS»

N.B. BOZIYEVA
L.H. BEZIROVA

FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: naimabozieva@mail.ru, bezirova07@mail.ru

Abstract. The article deals with the issues of the artistical representation of moral and psychological problems in the story by L. Abazova «Autumn tears». The author raises many topical problems of this kind. The first is alcoholism, its influence on the personality and consequences of this disease, its malignancy. Out of this subject arise the problems of orphanhood, poverty, disorder, homelessness. The author opposes «the world of children» to «the world of adults». She also poses such an acute issues as revival of spiritual values and moral self-understanding of a man in modern society. The story is written with profound knowledge of people's life and psychology of the

ordinary individual. The artist manages to show the development of inner world of characters, their way toward moral improvement or process of their moral devastation. The innovative feature of L. Abazova's prose is that she introduces a new subject in the Kabardian literature: corporal experience of the woman, in particular, the problems connected with pregnancy, childbirth, abortions – what was practically not touched by other writers. A peculiar architectonics of a plot and magnificent possession of treasures of original kabardian-circassian language have allowed L. Abazova to construct a vivid and dynamic composition.

Key words: kabardian literature; lyric prose; L. Abasova; story «Atumn Tears»; morality issues; psychologism; cultural context.

«ЦІыхугъэр ар пэжыныгъэщ» [2, с. 18], – итхауэ щытащ урыс тхакІуэ В.М. Шукшин. «ЦІыхугъэ», «пэжыгъэ» категориехэр философиеми, литературэми, этикэми щызэпкърах. Абы хохьэ адыгагъэр, напэр, хабзэр, нэмысыр, фІылъагъунытъэр. Литературэм гъэсэныгъэм, цІыхугъэм, хабзэ-нэмысым ехьэлІа Іуэхугъуэхэм увыпІэшхуэ щаубыд. ТхыгъэхэР щызэпкърахкІэ, абыхэм гулъытэ лей хуащІ, ауэ къыжыІэн хуейщ нобэ къыздэсым «цІыхугъэ» терминым и мыхьэнэр псоми къызэдэщтауэ зэрыщымытыр. Іуэху еплъыкІэ зэхуэмыдэхэм я щхьэусыгъуэу къэхутакІуэхэм жаІэр мыращ: а терминым и мыхьэнэм зехъуэж, нэгъуэщІу жытІэнщи, лъэхъэнэ къэскІэ мы псалъэм и мыхьэнэм зыгуэр щІэуэ къыхохьэ, япэм иІам елъытауэ. Урыс литературэдж щІэныгъэлІхэу Г.А. Белая, Л.Я. Гинзбург, Д.С. Лихачев сымэ я лэжьыгъэхэм къызэрыхэщымкІэ, лІыхъужь нэхъыщхьэм и дуней лъагъукІэр къэпхутэн щхьэкІэ абы и щытыкІэр, и психологиер къэбгъэлъагъуэкІэ зэфІэкІкъым, атІэ ар адрей лІыхъужьхэм ейм зэрытехуэр е къазэрыщхьэщыкІыр наІуэ къэпщІын хуейщ.

Г.А. Белая «цІыхугъэ» терминыр нэгъэсауэ зэпкърихауэ жыпІэ хъунущ. Абы мыпхуэдэу етх: «ЦІыхугъэкІэ дызэджэр – ар этикэм и лъапІэныгъэхэр къэзыгъэщІ системэщ; художественнэ тхыгъэм хэтщ; дыкъэзыухъуреихь дунейр этикэм и къэлъытэныгъэр къигъэсэбэпурэ белджылы ещІ, а къэлъытэныгъэхэр тхакІуэм и мызакъуэу, тхыгъэм хэт лІыхъужьхэми ябгъэдэлъщ. Абы къыщынэмыщІауэ, цІыхугъэр хабзэм, зэманым пыщІащ; цІыхум и этикэ-психологие зэхэлъыкІэм елъытащ, цІыхугъэр зыхэпсэукІ дунейм ар зэрыхэтыр гурыІуэгъуэ тщещІ» [2, с. 20].

Д.С. Лихачев къызэрилъытэмкІэ, «художественнэ тхыгъэм и «цІыхугъэ дунейм» зэпымыууэ зехъуэж, литературэм игъусэу зеужь. Романтизмэм и лъэхъэнэм щыІа тхакІуэхэм (Пушкин, Лермонтов, Байрон, н.) я тхыгъэхэм Іейр къыщІэхъуам и щхьэусыгъуэхэр къалъыхъуэ, Іейр диным е жылагъуэм и мыдэныгъэу къагъэув. Классицизмэм фІымрэ Іеймрэ нэхъыщхьэу Іуэхур трещІыхь, абы къыхэкІкІэ тхыдагъ плъыфэ иІэ мэхъу. Реализмэм цІыхугъэ Іуэхугъуэхэр псэукІэм къыхощыж, нэгъуэщІ аспект куэдым хыболъагъуэ» [3, с. 78]. Зи цІэ къитІуа щІэныгъэлІхэм я псалъэм тепщІыхьмэ, жыпІэ хъунущ: тхакІуэм и дуней еплъыкІэр, тхыгъэм къыщыгъэлъэгъуэжа Іуэхугъуэхэр къэпхутэн щхьэкІэ, дэтхэнэ зы лІыхъужьми и гурыгъу-гурыщІэхэр зэпкърыхын,

итIанэ псори зэхуэсыжауэ, зэрызэщхьхэр, зэрызэтехуэхэр, зэрызэщхьэщыкIхэр, зэпыщIа зэрыхъухэр къэгъэлъэгъуэн хуейщ.

Литературэм сыт щыгъуи цIыхугъэмрэ хабзэмрэ ехьэлIа упщIэхэм жэуап ярет. Ауэ повестыр зэманым къигъэув упщIэхэм зэрыпэджэжым къыхэкIкIэ, мы жанрым цIыхухэр зыгъэпIейтей Iуэхугъуэхэр нэхъыбэу къыхощыж. Мыхьэнэшхуэ зиIэ нэгъуэщI зы щхьэхуэныгъи хэлъщ повестым – абы псынщIэу зехъуэжыф, ди зэманым къыщыхъу Iуэхугъэхэм поджэжыф, а псом хуэунэтIауэ щытщ. «Повестым и конфликтыр нэхъыбэу зыпыщIар, зыпэджэжыр иджырей зэманым, гъащIэм и конфликтыращ» [5, с. 123], – етх Тхьэгъэзит Юрэ.

ЩIэныгъэлI ТIымыжь Хь. къызэрилъытэмкIэ, «хабзэ екIуэкIхэм, схематизмэм, бинарностым къыбгъэдэкIуэтурэ, литературэр хуэм-хуэмурэ психологие зэпкърыхыныгъэм хокIуэ, сыт и лъэныкъуэкIи зыпэлъыта, гъащIэщIэр зыухуэ лIыхъужьым и образ къагъэщI. А зы образым къыпкърыкIыжу лъэпкъ псом и образыр художественнэ тхыгъэхэм къыщыхощыж. ЩоджэнцIыкIу I., КIыщокъуэ А., Мысачэ П. сымэ я тхыгъэхэм гъащIэщIэр зыраухуэр, лъэхъэнэщIэм къахуихьа социальнэ Iуэхугъуэхэм и мызакъуэу, цIыхугъэ Iуэхугъуэхэри къыхощыж. ТхакIуэхэм художественнэу къагъэлъэгъуэфащ цIыху щхьэ закъуэм и этическэ еплъыкIэмрэ коллективым и цIыхугъэмрэ я зэхущытыкIэр. Иджырей къэбэрдей тхакIуэхэу Елгъэр К., Мэзыхьэ Б., Бозий Л., Къущхьэунэ А., Абазэ Л. нэгъуэщIхэри, цIыхугъэ-этикэ Iуэхугъуэхэм жыдэру холэжьыхь» [6, с. 100]. Абыхэм я тхыгъэхэм дызэрыт зэманым щекIуэкI Iуэхугъуэхэм, къыщыхъу ныкъусэныгъэхэм щытепсэлъыхь къудейкъым, атIэ психологизм, лиризм куукIэ гъэнщIащ, иджырей цIыхум и псэм щыщIэхэр, и гурыгъу гурыщIэхэр, и хъуэпсапIэхэр нэгъэсауэ къыдгурыIуэн щхьэкIэ.

XX лIэщIыгъуэм и 80 гъэхэм щегъэжьауэ нобэм къэсыху щыIэ лъэпкъ прозэр IыхьитIу – нравственнэ-психологическэрэ лирическэу – бгуэш хъунущ. Апхуэдэ гуэшыкIэри быдагъэ гуэрым тещIыхьакъым, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ иужьрей ильэсхэм дунейм къытехьа тхыгъэхэр нэхъыбэу лиризмэкIэ гъэнщIащ. Нравственнэ-психологие прозэм хуэпхь хъунущ Абазэ Л. и тхыгъэхэр. Шортэн А. жиIэгъащ: «Адыгэ литературэм иджыри къэс цIыхубз хэтакъым прозэм хъуауэ елэжьа икIи Абазэ Л. ди литературэм къызэрыхыхьар хэлъхьэныгъэшхуэщ» [4, с. 88]. Ар ящыщщ Хэку зауэшхуэм и лыгъэм зи сабиигъуэр илыпщIахэм. Сыт щыгъуи Абазэ Л. зыхуэпэжар зы темэщ – цIыхухэм я зэхуаку дэлъ зэхуэщытыкIэрщ, зэпымыууэ насып лъыхъуэхэм, абы пэIэщIэхэм я гъащIэ гугъурщ.

ЦIыхугъэр, напэр зэзыгъэкIуэкI нэщэнэхэр щымащIэкъым Абазэ Любэ (1942-2004) и прозэм. Апхуэдэ нэщэнэхэм захъуэж, теплъэщIэхэр ягъуэт, ауэ купщIэр – нэхъыщхьэр – къэлъыхъуэнырщ тхакIуэм и къалэмыр зыхуигъэлъажьэр. ТыншыпIэ къэзымылъыхъуэм, гумызагъагъэр, гъащIэ екIуэкIым и архъуанэхэм щымышынэр напэ къабзэмрэ цIыхугъэ нэсымрэ зи гъуазэхэрщ. Ахэрщ гъащIэм и къуэпсри, дунейм и купсэри, апхуэдэхэм яхужиIэнрэ яригъэлэжьынрэ берычэту къегъуэт тхакIуэм.

Абазэ Л. и IэдакъэщIэкIхэр нэхъыбэу зытеухуар ди нобэрей щIалэгъуалэрщ, абыхэм яку дэлъ зэхущытыкIэрщ. Абы и тхыгъэхэм я тематикэр зэтемыхуэ щхьэкIэ я мурадыр зыщ: цIыхугъэм, пэжыгъэм ухуреджэ, хабзэ-нэмысым ухуаущий. Абы и щапхъэщ «Бжьыхьэ нэпсхэр» (1994) повестыр. ТхакIуэм дегъэлъагъу цIыхухэр зыхэтщIыкIыу, къыдгурыIуэу, тфIэтхьэмыщкIэ хъууэ зэрыщымытыжыр, гущIэгъуншэ дызэрыхъур, «цIыхугъэ», «пэжыгъэ» псалъэхэм я мыхьэнэр зэрытщыгъупщэжыр.

ШэджыхьэщIэ Хь. къызэрилъытэмкIэ: «Бжьыхьэр гъэм и нэхъ уэлбанэрилэ Iыхьэщ, ауэ аракъым Абазэ Л. и бжьыхьэ нэпсхэр зэлъытар, зрипхар, атIэ тхылъым хэт лIыхъужь куэдым я гъащIэр зэрыгурыфIыгъуэншэрщ, дахэ защIэкIэ гъэнщIауэ къежьа насыпым хэмыпсэукIыу щхьэусыгъуэ зэмылIэужьыгъуэхэмкIэ нэщхъеягъуэм зэрыхуэкIуэжхэрщ, я мурад инхэм, гурыщIэ къабзэхэм я пIэкIэ гукъыдэжыншагъэр бжьыхьэ пшагъуэ хьэлъэу гущхьэм къызэрыдэгъуалъхьэрщ» [1, с. 7]. Апхуэдэу щыт пэтми, Абазэ Л. и лIыхъужьхэр гъащIэм, цIыхухэм гущIыIэ яхуэхъуркъым, лIыгъэ яхэлъщ, ар сыт хуэдизкIэ мыхьэлъэми, гъащIэм езыхэм я гъуэгу щыпхашыжыфу, «Iей мыхъу фIы хъужыркъым» жыхуиIэм хуэдэу, сыт хуэдэ гуауэми пэщIэувэфу, пэщIэтыфу, къэхъуам дерс къыхахыфрэ гъуэгу захуэ теувэжыфу мэпсэухэр.

ЩыIэщ тхакIуэ и IэдакъэщIэкIхэр зытриухуэ IуэхугъуэкIи абыхэм къыщигъэсэбэп художественнэ IэмалхэмкIи тхылъеджэхэм гунэс ящыхъуу. Апхуэдэщ Абазэ Любэ. Япэ сатырхэм щыщIэдзауэ тхакIуэм зытепсэлъыхь Iуэхугъуэм дыхешэ, зэгъэпщэныгъэ, метафорэ, эпитет куэд къигъэсэбэпкIэрэ, сюжетым зрегъэужь, тхыгъэм и купщIэ нэхъыщхьэм ухуишэу. Шортэн Аскэрбий къызэрилъытэмкIэ: «Николай Островскэм и тхыгъэхэм я жьы къабзэ къыщIэуащ Абазэ Любэ» [1, с. 5].

«Бжьыхьэ нэпсхэр» повестым къыщIедзэ дунейм и теплъэмкIэ: «ИжьырабгъумкIэ къыщынахуэ мэз IувышхуэмрэI сэмэгурабгъумкIэ къыщыхъущIэ псы уэр Iэлымрэ я зэхуакум дакъуза къуажэр кIыфIыгъэм щIэтIысыкIырт, хэплъэгъукI къудейуэ. Жэщ къэблэгъам идза ныбжь фIыцIэмрэ уэрамхэм къыдэгъуалъхьэ пшагъуэ псыIэмрэ зэхэзэрыхьыжати, къыпхуэщIэртэкъым къуажэр зыгъэпщкIур пшапэ зэхэуарами е узыпхымыплъыф пшагъуэрами» [1, с. 137]. АдэкIэ тхакIуэм и лIыхъужьхэм яхуиIэ щытыкIэр къеIуатэ. Абы щыхьэт тохъуэ Андрейкэ и адэм и теплъэр зэрыдигъэлъагъур: «Дэтхэнэ зы ефэрейми хуэдэу и теплъэр фейцейт, и макъыр икIат, и Iэпэхэр кIэзызырт. Езыр гуащIэншэ дыдэт, дэрэжэгъуэ лъэпкъ зыщIумылъагъуэ нэ щIыхуитI утхъуар щтэIэщтаблэу зэхэзежэрт, нэху зытещхьа фэтыджэн уэздыгъэу и фэр фадэ куэдым пихуат» [1, с. 143].

Лажьи имыIэу икIи мысымэджауэ Мадинэ и адэр къытохуэри малIэ. ХуэмыщIаныгъэм, хуэмыкъулейныгъэм къыхэкIыуи, пщэдджыжькIэрэ хъыджэбз цIыкIум и классэгъухэм школыбжэр щыIуахым, а цIыкIур колхоз хьэсэм хыхьэрт, абыхэм япэ урокыр щыщIадзэм, абы нартыху дэчын щIидзэрт. Мадинэ гугъуехьым игъэшынэртэкъым, ауэ зэрыбынибл игъэшхэн зэрыхуейм игъэгужьейрт, и ныбжьэгъухэм зэрыхэмытыжыр, щIэныгъэншэу къызэрынэр къытехьэлъэрт. Зыгуэруи псэунт, шхын щхьэкIи загъэлIэнтэкъым, ауэ гуауэм и

закъуэ къакIуэркъым жыхуиIэракъэ, етIуанэ гуауэри къакIэлъысащ. Губгъэм къикIыж пэтрэ хъыджэбз цIыкIур гум къохури и тхы къупщхьэр мэкъутэ. Мадинэ щIохуэ Долинск дэт «МафIэ цIыкIу»сабий санаторием.

«Бжьыхьэ нэпсхэр» повестым къыщыгъэлъэгъуэжар езы Абазэ Л. и гъэщIэрщ икIи а гугъехь псори пщащэм ишэчащ. Натбийрэ Мадинэрэ гъуэгу кIыхь, гъуэгу гугъу якIуащ фIыгъэрэ захуагъэрэмрэ хущIэкъухэу. Мылъку ябгъэдэмылъ щхьэкIэ, къулейт а тIур гукIэ, абы кIэлъоплъ тхылъеджэр и пэм щыщIэдзауэ и кIэм нэс. Мадинэ и гъащIэр нэгъуэщIым хуэпсэуну, дэIэпыкъуну ухуат. ЦIыхухэри куэдкIэ щыгугът а пщащэм: и IэщIагъэкIи, и лъагъунытъэкIи.

ЦIыхухъур цIыхухъущ, бзылъхугъэр – анэщ, щхьэгъусэщ, шыпхъущ. Ауэ зы цIыхубзым хуэшэчыныр фIэщхъугъуейщ а Мадинэ гъащIэм къытрилъхьа хьэзабыр. «Гугъуехь зымылъэгъуам тыншыгъуэр ищIэркъым», – жаIэ. А псалъэр къыхуэпщтэ хъунущ Мадинэ. А пщащэ губзыгъэм и гъащIэр гугъуехькIэ гъэпсащ, фIым щыгугъэм гъащIэм и щIыб къыхуегъазэ. Хуэфащэ дыдэт абы иджы тыншыгъуэ гуэр игъуэтыжами. Мадинэ хьэл гъэщIэгъуэн хэлъщ – абы фIыуэ елъагъуф, и лъагъунытъэмкIи цIыхухэм ядогуэшэф.

Повестым и образ нэхъыщхьэр лъагъунытъэрщ. А лъагъунытъэу тхытъэм щыпхышар икъукIэ быдэщ, къару зыщIэлъщ. А тIум я гурыщIэ къабзэрщ Натбий и узым пэуври, щIалэ сымаджэр зыгъэхъужри. ФIэщхъунытъэ ныбжьыщIэхэм я кум дэлъырщ ахэр щIэбауэр, щIэпсэур. ХэлъхьэнытъэщIэ хилъхьащ Абазэ Л. адыгэ литературэм: ар зэхьэлIар цIыхубзхэрщ, абыхэм я ныкъусэнытъэхэрщ, сабийхэр дунейм къытезымытъэхьэу зыукIыжыну хэт цIыхубзхэрщ. Мы Iуэхугъухэм адрей тхакIуэхэр иджыри тепсэлъыхьакъым. Мадинэ дохутыр IэнатIэм зэрыIуувэрэ зэкъым абы деж цIыхубзхэр къызэрыкIуар, ди сабийр дунейм къытемыхьэ щIыкIэ тхуэукIыж жаIэу. Ар хэдэну хуитт: хуейм сабийр къигъэнэнут, хуэмейм сабий зи нэ къэмыпщIар иукIынут. Ауэ абы сытым щыгъуи къыхихынур зыт – сабийр псэун хуейт, псэм къищтэми, къимыщтэми.

Иджырей лирикэ прозэм социальнэ, цIыхугъэ, философие Iуэхугъуэхэр кIуэ пэтми тепщэ щохъу. Нобэрей махуэм абы цIыхур зэрыхэтырщ иджырей зэманым и конфликт нэхъыщхьэр къызыхэщыр. А Iуэхугъуэхэращ Абазэ Л. и повестым бжьыпэр щызыубыдри. ТхакIуэм гу лъыдигъэтэну хэтщ цIыхухэм, псэущхьэхэм, щIыуэпсым гущIэгъу зэрыхуэдмыщIыжым, ди жылагъуэр цIыхугъэншэ, псэншэ зэрищIым. Хабзэр, нэмысыр, цIыхугъэр щызэфIэгъэувэжын хуейщ ди жылагъуэм. Ар псом япэу зэфIэгъэкIын хуей Iуэхугъуэхэм ящыщщ. МыхъумыщIагъэу, Iейуэ щыIэу хъуар авторым къыщежьэу илъытэр цIыхум и зэхэщIыкIыр зэрылъахъшэрщ. Абы къыхэкIкIэ, гулъытэ нэхъыбэ игъуэтын хуейщ гъэсэнытъэм.

«Бжьыхьэ нэпсхэр» психологие повестщ. Тхылъым и фIэщыгъэцIэ хуэхъуам символизм куу щIэлъщ. ЩоджэнцIыкIу I. и «Софят и гъатхэ» повестыр нэхугъэм, хъуэпсапIэ дахэхэм хуэбгъадэ хъумэ, Абазэ Л. и «Бжьыхьэ нэпсхэр» нэщхъеягъэм, щIыIэм ухуегъэуш. Тхыгъэм куэдым урегъэгупсыс, цIыхум и гъащIэм хэт Iуэхугъуэ гугъухэм, псом хуэмыдэу цIыхугъэм, хабзэ-зэхэтыкIэм ехьэлIахэм.

«Бжьыхьэ нэпсхэм» къыхэІукІ мотивхэм ящыщщ зеиншагъэр. Ар ди тхакІуэхэм я тхыгъэ куэдми хыболъагъуэ (Къущхьэунэ А. и «Гъатхэр къэсыным илъэс иІэжу» – лІыхъужь нэхъыщхьэ Джэмал сабий унэм щапІащ; Журт Б. и «Гъатхэ пасэ» – лІыхъужь нэхъыщхьэ Башир адэ-анэ къыщхьэщымытыжу къэхъуащ, нэгъуэщІхэри). Абазэ Л. и прозэм а мотивыр убгъуауэ къыщыгъэлъэгъуащ. Фадэм цІыхур зэриукІыр, ар зэрыузыфэ шынагъуэр къегъэлъагъуэ тхакІуэм. Фадэм пыщІауэ нэгъуэщІ Іуэхугъуэ гугъухэри къыхощыж повестым – аркъэм дихьэха адэм щІыхьэпІэм деж къежьэу щыт и къуэр игу къэкІыжыхэркъым. Бжэм деж щыт сабийм и жагъуэ ящІ, адрей сабийхэр къофыщІауэ, имыщІэ адыгэбзэмкІэ зыгуэрхэр къыжраІэурэ ауан къащІ. Андрейкэ зыри жимыІэфу щытщ, зыгуэрым хыфІидза мыІэрысэ ныкъуэшхымрэ щІакхъуэ иса Іыхьэмрэ ешхри. «Сыту мащІэ дыдэ зыхуейр мы сабийр, – егупсысащ Мадинэ, – адэ-анэм я лъагъунытъэ, я гулъытэ, пІэ зыхэлъын къабзэ, шхын хуабэ, щыгъын къызэрыгуэкІ» [1, с. 7]. Еханэ классым кІуэ хъыджэбз цІыкІум Андрейкэ къегъэдаІуэри я унэм ешэ, жэщым щигъэІэну. ЗэрымыщІэкІэ Мадинэ и унагъуэм щыщ мэхъу щІалэ цІыкІур. Зэман гуэр докІри Мадинэ сымаджэщым щІохуэ. А лъэхъэнэ дыдэм хъыджэбз цІыкІум и адэ-анэм Андрейкэ сабий унэм ират.

Повестым увыпІэ щхьэхуэ щеубыд сабий сымаджэхэм я щытыкІэр, я дуней еплъыкІэр, ятелъ гугъуехьхэр къэгъэлъэгъуэжыным. Ахэр сымаджэщым мазэ бжыгъэкІэ, уеблэмэ илъэс псокІэ щыщІэлъ къохъу (сабий сымаджэм и дуней еплъыкІэр, и зэхэщІыкІыр Абазэм ипэ адыгэ литературэм зыри тетхыхьакъым). Авторым и гугъу ещІ я ныбжь емылъытауэ акъылыфІэ хъуа сабийхэм, ахэр нэгъуэщІым и гуауэм щхьэкІэ зэрыгузавэхэр, гъащІэм ахэр я ныбжь нэмысауэ балигъ зэрищІар. «Сабийхэм я дунейм» авторым «балигъхэр я дунейр» пегъэув. Мадинэ здыщІэлъ сымаджэщым и анэ дэлъху Хьэжрэт щІэупщІакІуэ къокІуэ. Ауэ хъыджэбз цІыкІум ар зэи илъэгъуакъым икІи ицІыхуркъым. Мадинэ Хьэжрэт щІимыцІыхум щхьэусыгъуэ иІэщ: Хьэжрэт и шыпхъум тхьэ хуиІуауэ щытащ и щхьэгъусэр псэухункІэ я унэм къимыхьэну (Мадинэ и анэр дэлъхум жиІэм емыдаІуэу къулейсызым дэкІуати, арат Хьэжрэт и шыпхъум къыхуимыгъэгъуфыр) [1, с. 46]. Абы и шыпхъур трегъэгушхуэ Мадинэ фІэкІа къызыбгъэдимынэу, адрей и бын нэхъыщІищыр сабий унэм иритыну. Андрейки аращ къыхуигъэлъагъуэр. Авторым губжь хэлъу жеІэ: «Апхуэдэ цІыхухэр дунейм тетын хуейкъым!» Тхыгъэм и кІыхьагъкІэ Хьэжрэт хуэдэхэм куэдрэ ущрохьэлІэ. Абыхэм хабзи, нэмыси, цІыхугъи яхэлъыжкъым, ахэр мылъкум фІэкІа зыми нэгъуэщІым щІэхъуэпскъым. Апхуэдэ цІыхухэм я псалъафэр мыращ – «мылъку куэд зэгъэпэщыныращ псом нэхърэ нэхъыщхьэр. ИужькІэ ар узыхуейм тебгъэкІуэдэн хуэдэу» [1, с. 65]. Мы сатырхэм наІуэу дагъэлъагъу иджырей жылагъуэм и зэхэтыкІэр.

Повестым апхуэдэу увыпІэшхуэ щаубыд ІэщІагъэ къыхэхыным теухуа Іуэхугъуэми (псалъэм папщІэ, дохутыр ІэщІагъэ): Мадинэ и узыншагъэр зэфІоувэж, школыр къеухри, дохутыр ІэщІагъэм хуоджэ. Куэд дэмыкІыуи къуажэ сымаджэщым и дохутыр нэхъыщхьэ мэхъу. Сымаджэщым мазитІ щылэжьа нэужь, хъыджэбзым къещІэ къуажэм пІэм къыхэнауэ зы сымаджэ зэрыщыІэр. Мадинэ иризэгуоп а сымаджэр псоми зэращыгъупщэжам, дохутыри

медсестраи зэрыкIэлъымыкIуэм щхьэкIэ. Хъыджэбзым сымаджэр здэщыпсэур къещIэри щIэупщIакIуэ макIуэ. Къызэрыщ1эк1ымк1э, п1эм хэлъ сымаджэр и ныбжькIэ щIалэ дыдэщ. Ар дохутырхэм я Iэзагъми цIыхухэми щымыгугъужу пIэм хэлъщ къыхэнэжауэ. Мадинэ и Iуэху щыхуэхъум щIалэм деж щIэупщIакIуэ къыхуэкIуэну, тхылъ зэджэн къыхуихьыну къегъэгугъэ. Хуэм-хуэмурэ «дохутырымрэ сымаджэмрэ» я Iуэхум нэгъуэщI зэхущытыкIэ яку къыдохъуэ – гурыщIэ къабзэ. Хъыджэбзым игу быдэу ирелъхьэ Натбий игъэхъужыну, и гъащIэр абы дыщIыгъуу дихьыну. Ауэ Мадинэ и гъащIэр нэгъуэщI цIыхум зэригъэзахуэу щIедзэ. Мэзан мылъкум щигъэкIа, щхьэзыфIэфI цIыхущ. Абы хъыджэбзыр едыгъури залымыгъэкIэ щхьэгъусэ ещI.

Лъагъунытъэ лъэлъэжам и темэр повестым гущIыхьэу къыщыгъэлъэгъуащ. Мадинэ и лъагъунытъэм хэлъа драмэм и щхьэусыгъуэщ фIыуэ зэрылъэгъуа пситIыр зы зэрымыхъуар. А тIур Iуэхугъуэ гугъухэм, цIыху бзаджэхэм, зэман гущIэгъуншэм пэIэщIэ зыхуащI. Мадинэ хьэл дахэ хэлъщ – ар цIыхум пэжу бгъэдэтщ, и гурыщIэр къабзэщ, цIыхухэм сыткIи ядоIэпыкъу, и гур зэIухащ. Мыбдежым авторым иджыри зэ къыхегъэщ: цIыхум и насыпыр зытеухуауэ щытыр фIыгъуэу хъуар зыIэрыбгъэхьэныракъым, атIэ уэ бгъэдэлъыр, уи гум къыбгъэдэкIыу цIыхухэм щептыфым дежщ. Хъыджэбзым а хьэл дахэр тхыгъэм и кIыхьагъкIэ зыкIэримыхыу кIэрылъщ. ТхакIуэм зэрыжиIэмкIэ, а хьэлыращ гъащIэм лъабжьи щIэгъэкъуэни хуэхъур.

И лэжьапIэм хъыджэбзыр куэдрэ щрохьэлIэ къыхэхынытъэ мытыншым: е лъэIуакIуэ къэкIуа цIыхубзым и сабийр ныбэм игъэлIыхьыжын, е дунейм къытригъэхьэну зыхуэмей сабийр дунейм къытригъэхьэу и гъащIэр зеиншэу, тхьэмыщкIэу иригъэхьын. Мадинэ и мурадым шэч лъэпкъ къытрихьэркъым – сабийр дунейм къытехьэн хуейщ. Езы Мадинэ сабий иIэну къыщищIам щыгъуэ, фIыуэ имылъагъу и щхьэгъусэм жриIэну хуэпIащIэркъым а гуфIэгъуэ хъыбарыр. Ар гущIыIэщ, икIи зы гухэлъ хуиIэкъым Мэзан. Уеблэмэ, хъыджэбзым мышынэу жеIэ ар зэи фIыуэ зэримылъагъуфынур, абы и лъагъунытъэр Натбий фIэкIа зэрыхуэмыгъэзар. ГумащIагъэкIи къарукIи хузэфIэкIакъым щIалэм Мадинэ фIыуэ зыкъригъэлъэгъуну. Языныкъуэхэм деж фIэпсэкIуэд мэхъу Мэзан. «Хэт ищIэрэ, сабийм мы унэмрэ си щхьэгъусэмрэ нэхъ пэгъунэгъу сыхуищIынкIи хъунщ», – йогупсыс Мадинэ [1, с. 241]. Хъыджэбзым гуфIэу Мэзан сабий иIэну щыжриIэм, щIалэм сабийр гъэкIуэдын хуейуэ жеIэ: «Сэ иджыри ныбжькIэ сыщIалэщ сабий сиIэн щхьэкIэ. Сэ иджыри сыщхьэхуиту сыпсэуну сыхуейщ» [1, с. 240]. ДауикI, Мадинэ сабийр къегъанэ, ауэ ар лIауэ дунейм къытохьэ. ЗыщIэс унэр зэуэ тутнакъэщ хуэхъуауэ къыфIощI абы. ГъащIэр зыкIи фIэмыIэфIыжу Мадинэ лэжьапIэм докIыж. Зы махуэ гуэрым Мадинэ и лэжьапIэм Натбий къокIуэ. Ар хъыджэбзым хуабжьу егъэщIагъуэ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ щIалэр зекIуэу илъагъужыну щыгугъыжтэкъым. Ауэ абы щыгъуэми, езы Мадинэт щIалэр Ленинград дэт сымаджэщ цIэрыIуэм езыгъэшауэ щытар. Натбий и унэр зэриухуар, ауэ Мадинэ дыщIымыгъуу унэщIэм зэрымыIэпхъуэжынур жреIэри щIокIыж.

Мадинэ и щхьэгъусэм бгъэдэкIыну и гум быдэу щрилъхьа дакъикъэм, Андрейкэ къыкъокIыж. Илъэсипщ1 лъандэрэ къилъыхъуа, и гъащIэ псокIэ хыфIимыдзэну, дэIэпыкъуну, ауэ Iуэхугъуэ гугъухэм ягъэкIэ фIэкIуэдыжа

щIалэ цIыкIур, – езыр къокIуэ Мадинэ деж. ПIалъэ кIыхькIэ къилъыхъуа и урыс щIалэ сырыху цIыкIур къигъуэтыжащ. Повестым и ухыкIэр и щIэдзапIэм хуэкIуэжащ. «Псалъэншэу и Iэр сыубыдри, аргуэру гъуэгу дытехьащ. ДыкIуэрт быдэу ди Iэр зэрыIыгъыу, дыкIуэрт илъэсипщI ипэкIэ дызэрыкIуам хуэдэу, ауэ илъэсипщIкIэ нэхъыжь, нэхъ Iущ дыхъуауэ, дыкIуэрт мазэгъуэ гъуэгукIэ, гъуэгуанэ зэIузэпэщкIэ» [1, с. 246]. Апхуэдэу еух «Бжьыхьэ нэпсхэр» повестыр. Еух, зэрыщIидзам хуэдэу, Мадинэрэ Андрейкэрэ зэIущIэжауэ, ауэ а тIум гугъуехь куэд яшэчащ а илъэсипщI къриубыдэу.

ТхакIуэр цIыхупсэм и лъащIэм нэплъэсыфащ, лIыхъужьхэм я дуней еплъыкIэм зэрызиужьар, зэрызэфIэувар (Мадинэ, Натбий) къигъэлъэгъуэфащ, Iейм, нэпсеягъэм, щхьэзыфIэфIыныгъэм къишэ мыхъумыщIагъэхэр (Хьэжрэт, Мэзан) тхылъеджэм ягуригъэIуэфащ. Абыхэм псоми тхакIуэм и Iуэху еплъыкIэр къызэIуах, тхылъеджэр куэдым ирегъэгупсыс, езым и лъагъуэ – фIым е Iейм – къыхихыжыну хуитыныгъэ ярет.

Мадинэ дахагъэкIэ, акъылкIэ, псэ щабэкIэ къыхуэупсащ Алыхьыр, ауэ ар гъащIэм и бын гъэфIэнхэм щыщкъым. Дауэ щымытми, сыт хуэдиз зэхэгъэкIыпIэ имыхуами, и щхьэр лъахъшэ ищIакъым. Мыбы ущыкIэлъыплъкIэ, гущIэгъу хуомыщIын плъэкIыркъым. Ауэ ар тхьэмыщкIэкъым, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ зэхуэмыдэ бэнэныгъэм лIыгъэ хэлъу бгъэдэтащ. ГъащIэм псори узэрыхуейуэ хъурэ? Дунейм тетщ уи мурад къабзэхэр и нэр мыджылу зэхэзутэфын цIыху напэ «фIейхэри». Апхуэдэщ Зарэ – и бын закъуэр лIыжь къаруунщэм къыхуигъанэу щхьэ закъуэ насып лъыхъуэу ежьэжар, Асият – узым пIэхэнэ ищIа щIалэр хыфIэзыдзар.

Иджырей лъэпкъ литературэм и ехъулIэныгъэ нэхъыщхьэхэм ящыщ зыщ «цIыхугъэ» терминым и мыхьэнэм гурыIуэгъуэ хэха иIэ зэрыхъуар. А гурыIуэгъуэ хэхам иджырей цIыхур хуэныкъуэщ, сыт абы и щхьэусыгъуэр жыпIэмэ, цIыхум фIымрэ Iеймрэ зэхигъэкIыфу щытын хуейщ. Иджырей гъащIэр, цIыхур гугъу хъуащ жаIэу, фIымрэ Iеймрэ зэхагъэгъуащэ хъунукъым.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абазэ Л.Ш.* Бжьыхьэ нэпсхэр: повестхэмрэ рассказхэмрэ. – Налшык: Эльбрус. 1994. – 280 н.

2. *Белая Г.А.* Художественный мир современной прозы. – М.: Наука, 1983. – 192 с.

3. *Лихачев Д.С.* Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. –№ 8. – С. 74-87.

4. Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в. Библиографический словарь / Ин-т гуманитар. исслед. Правительства КБР и КБНЦ РАН; Составитель, руководитель авторского коллектива и главный редактор – д-р филол. наук Р.Х. Хашхожева. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 442 с.

5. *Тхагазитов Ю.М.* Эволюция художественного сознания адыгов (опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 467 с.

6. *ТIымыжь Хь.* Гъунапкъэхэр. Иджырей адыгэ литературэмрэ абы къыпэщыт къалэнхэмрэ // Iуащхьэмахуэ. – 2006. – № 6. – Н. 90-108.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

УДК 323.1 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-185-189**

РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ – РЕГИОН ЕДИНСТВА И СТАБИЛЬНОСТИ

А.А. ЦУЦИЕВ

Министерство Республики Северная Осетия-Алания по вопросам национальных отношений
362000, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Чкалова, 6

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
E-mail: aslanyquo@mail.ru

Аннотация. В статье освещается современное состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания. Излагается опыт взаимодействия органов государственной власти и муниципалитетов с общественными и религиозными организациями, казачеством в поддержании стабильности, формировании и реализации установок толерантного сознания и поведения в обществе, профилактики экстремизма во всех его видах, а также повышение роли институтов гражданского общества в межкультурном и межконфессиональном диалогах.

Ключевые слова: Республика Северная Осетия-Алания; межнациональные отношения; поликонфессиональность; казачество; национальная политика; общественно-политическая жизнь; гражданское общество.

REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANYA – REGION OF UNITY AND STABILITY

A.A. TSUTSIEV

The Republic of North Ossetia-Alania Ministry of National Relations
362000, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Chkalov str. 6

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences
362040, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Mira ave., 10
E-mail: aslanyquo@mail.ru

Abstract. The article highlights the current state of interethnic and inter-confessional relations in the Republic of North Ossetia-Alania. The experience of interaction between state authorities and municipalities with public and religious organizations, the Cossacks in maintaining stability, the formation and implementation of attitudes of tolerant consciousness and behavior in society, the prevention of extremism in all its forms, as well as increasing the role of civil society institutions in intercultural and interfaith dialogues.

Key words: Republic of North Ossetia-Alania; interethnic relations; polyconfessionality; cossacks; national policy; social and political life; civil society.

В современных реалиях российского общества состояние межнациональных и межконфессиональных отношений активным образом влияет на общее положение дел в стране и регионах, в том числе на социально-экономическое развитие нашего государства. Не секрет, что успешное решение задач социально-экономического характера в значительной степени зависит от состояния и качества реализуемой национальной политики.

Одним из приоритетных направлений в деятельности органов государственной власти Республики Северная Осетия – Алания является работа по развитию межнациональных и межконфессиональных отношений, по сохранению и развитию национальных культур, языков, духовных ценностей народов, проживающих в Северной Осетии.

Основной целью реализуемого в республике комплекса мер явилось создание условий, необходимых для наиболее полного удовлетворения культурных потребностей представителей различных этнических групп, проживающих в Республике Северная Осетия-Алания, формирования и реализации установок толерантного сознания и поведения в обществе, профилактики экстремизма во всех его видах, а также повышение роли институтов гражданского общества в межкультурном и межконфессиональном диалогах.

Серьезным направлением работы в указанной сфере является создание единого информационного пространства для распространения идей толерантности, гражданской солидарности, уважения к другим народам, культурам, религиям.

Важное место в общественно-политической жизни республики в течение уже 25 лет занимает Северо-Осетинское республиканское межнациональное общественное движение «Наша Осетия». Оно объединяет 34 национально-культурных общества, в числе которых – общественное объединение славян «Русь», армянское «Эребуни», греческое «Прометей», еврейское «Шолом», татарское им. Тукая, грузинское «Эртоба», азербайджанское «Азери», кабардинское «Намыс», ингушское «Даймохк», украинское «Батькивщина», ассирийское «Ниневия», таджикское «Памир»…

Движение «Наша Осетия», Республиканский Дом дружбы во Владикавказе и Дом дружбы в Моздоке вносят большой вклад в формирование гармоничной модели межнациональных отношений, в культурную и общественную жизнь республики. Всего в Северной Осетии – Алании проживают в согласии и добрососедстве представители около 100 национальностей.

В настоящее время деятельность по реализации положений Государственной национальной политики на территории Республики Северная Осетия-Алания осуществляется в формате Государственной программы «Развитие межнациональных отношений в Республике Северная Осетия-

Алания» на 2014-2018 годы». В основу данной программы лег системный подход к вопросам регулирования межнациональных и межконфессиональных отношений. В рамках ее реализации республиканскими органами государственной власти совместно с муниципалитетами, общественными и религиозными организациями проводятся мероприятия, способствующие сохранению и дальнейшему укреплению стабильной общественно-политической и социально-экономической ситуации в республике.

Особое внимание уделяется наиболее значимым компонентам общественной жизни, в том числе социальной сфере, гармонизации межнациональных отношений, воспитанию установок толерантного сознания. В 2017 г. проведен цикл масштабных мероприятий: состоялось торжественное мероприятие, посвященное 25-летию Северо-Осетинского регионального межнационального общественного движения «Наша Осетия», прошли мероприятия в рамках празднования 30-летия со дня основания Моздокского Дома дружбы, организованы и проведены мероприятия по празднованию «Дня славянской письменности и культуры», состоялось торжественное мероприятие, посвященное 25-летию Северо-Осетинской общественной организации «Русское национально-культурное общество «Русь».

Серьезный акцент делается на работу с молодежью, на формирование у ее представителей толерантного сознания, достойного отношения к культуре и традициям народов, проживающих на территории республики.

Проводимая работа создает благоприятные условия для сохранения самобытности народов Республики Северная Осетия-Алания, сближения различных культур и традиций, что, в свою очередь, способствует укреплению межнационального мира и согласия в республике.

Заметное влияние на общественно-политическую сферу республики оказывает качество межконфессиональных отношений, для которых в целом характерна атмосфера позитивного, конструктивного диалога между объединениями и представителями верующих по всем ключевым проблемам, стоящим перед регионом. Наиболее распространенной религией является православие, также в республике исповедуют ислам, существуют протестантские и католические религиозные организации, живут и работают последователи буддизма, а также иных религиозных воззрений. На территории республики расположены действующие православные монастыри: Аланский Свято-Успенский мужской и Богоявленский Аланский женский. В 2022 году пройдут торжества, посвященные 1100-летию принятия христианства в Алании. Подготовка к ним уже ведется.

На сегодняшний день в Северной Осетии официально зарегистрировано более 100 религиозных организаций, представляющих интересы 15 конфессий. Работа с религиозными организациями строится с учетом возрастающей в последние годы тенденции влияния религиозного фактора на общественное сознание.

В целях предупреждения возможного влияния идеологии экстремистского толка на подрастающее поколение общественными объединениями в районах республики проводится разъяснительная работа

среди молодежи, что также способствует повышению степени участия институтов гражданского общества в поддержании стабильной общественно-политической ситуации.

В республиканских печатных и электронных средствах массовой информации регулярно размещаются материалы о жизни народов, проживающих на территории Республики Северная Осетия – Алания, материалы научно-практических конференций, «круглых столов». Проводится мониторинг деятельности общественных и религиозных организаций, им оказывается необходимая организационная и консультативная поддержка.

Еще одним из приоритетных направлений в деятельности органов государственной власти является взаимодействие с казачеством республики. В целях реализации Концепции государственной политики в отношении российского казачества, проводится работа по оказанию организационно-правовой, финансовой и информационно-методической поддержки казачьим обществам республики.

На сегодняшний день в Республике Северная Осетия - Алания активно и плодотворно осуществляет свою деятельность Аланское республиканское окружное казачье общество (АРОКО), вошедшее в состав Терского войскового казачьего общества в 1996 г. и внесенное в Государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации.

Республиканскими органами исполнительной и муниципальной власти осуществляется работа по укреплению казачьих обществ, увеличению доли их участия во всех сферах жизни. В частности, в рамках упомянутой Госпрограммы осуществляется реализация мероприятий подпрограммы «Государственная поддержка казачьих обществ Республики Северная Осетия-Алания»

Находясь под юрисдикцией соответствующего федерального и республиканского законодательства северо-осетинское казачество, продолжая лучшие исторические традиции, несет государственную и иную службу. Члены казачьих обществ берут на себя соответствующие обязательства и с достоинством их выполняют, оказывают помощь в воспитании подрастающего поколения. Вместе с пограничниками казаки охраняют государственную границу Российской Федерации. В ряде районов республики отдельские казаки совместно с представителями правоохранительных органов несут службу по охране административных границ. Оказывается содействие органам полиции в поддержании общественного порядка при проведении массовых мероприятий.

Казачья молодежь активно привлекается к участию во всех общественно значимых мероприятиях, проводимых в республике и за ее пределами.

Издательским домом «Терские ведомости» зарегистрирована газета «Терский казак», на страницах которой размещается информация о жизни северо-осетинского казачества, его месте и роли в общественно-политической действительности республики и региона. Недавно начал работу интернет-сайт «Казаки Осетии». Опубликован ряд книг, посвященных истории казачества.

В рамках процесса по созданию системы казачьего образования в январе 2017 г. в ст. Архонская на базе общеобразовательной школы и детского сада

открыты первые в республике казачий класс и казачья дошкольная группа. Работа в указанном направлении продолжается. По поручению Главы Республики Северная Осетия-Алания В.З. Битарова запланировано открытие подобных классов на базе других образовательных учреждений республики. В 2017 г. прошли мероприятия, посвященные празднованию 440-летия Терского казачьего войска.

Традиционно основной сферой экономической жизни казаков являлось сельское хозяйство. В настоящее время актуален вопрос об увеличении степени участия представителей российского казачества в процессе сельскохозяйственного производства. В связи с этим рассматриваются возможности увеличения степени участия северо-осетинского казачества в развитии агропромышленного комплекса и сельских территорий в местах компактного проживания казаков. И подобные примеры уже имеют место быть.

Казачество Республики Северная Осетия – Алания при поддержке органов государственной и муниципальной власти, в тесном взаимодействии с общественными объединениями и гражданами республики продолжает развиваться и укреплять свои позиции.

В Северной Осетии практически отсутствуют сепаратистские тенденции, основные политические силы и общественность выражают приверженность сохранению и укреплению суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, неизменности государственного статуса и границ Республики Северная Осетия-Алания, действуют в рамках федерального и республиканского конституционного поля.

В целом состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Северной Осетии можно охарактеризовать как стабильное и гармоничное, способствующее созданию благоприятных условий для социально-экономического развития региона и сохранению мира на Кавказе.

ЗАМЕТКИ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 347.786 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-190-195**

СОКУРОВСКАЯ КИНОШКОЛА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ИМЕНА, ПОЧЕРК, ДОСТИЖЕНИЯ

З.А. КУЧУКОВА

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: kuchuk60@list.ru

Аннотация. В 2010 г. на базе Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова была создана киношкола, руководимая всемирно известным российским кинорежиссером и сценаристом Александром Николаевичем Сокуровым. Спустя пять лет выпускниками этой элитарной школы стали 12 молодых талантливых кинорежиссеров: Кантемир Балагов, Владимир Битоков, Анзор Дохов, Беслан Закуреев, Александр Золотухин, Мариана Казанчева, Марьяна Калмыкова, Кира Коваленко, Тина Мастафова, Малика Мусаева, Олег Хамоков, Гаджимурат Эфендиев. Большой резонанс вызвали их выпускные квалификационные работы, продемонстрированные по каналу «Культура» в июне 2016 года. Данное событие можно интерпретировать как ценный вклад руководства КБГУ, преподавательского коллектива и дебютантов в поддержку и развитие отечественной кинематографии. Автором статьи дается общая оценка творчеству новой генерации российских кинорежиссеров, избравших предметом исследования свой регион, свою малую родину, мировосприятие и психологический облик современного горца. В статье крупным планом рассматриваются художественные особенности двух наиболее репрезентативных фильмов – «Победа» Анзора Дохова и «Андрюха» Кантемира Балагова.

Ключевые слова: киноискусство; год кино; Александр Сокуров; Кабардино-Балкарский государственный университет; национальная кинематография; дебют; неореализм; фронтир; поликодовый текст.

SOKUROV'S FILM MAKING SCHOOL IN KABARDIN-BALKARIA: FIGURES, CREATIVE STYLES, ACHIEVEMENTS

Z.A. KUCHUKOVA

FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: kuchuk60@list.ru

Abstract. In 2010, on the basis of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov Film Making School led by the world-famous Russian film director and screenwriter Alexander Nikolayevich Sokurov was established. After five years, 12 young talented filmmakers graduated of this elite schools: Kantemir Balagov, Vladimir Bitokov, Anzor Dokhov, Beslan Zakureev Alexander Zolotukhin, Kazancheva Mariana, Maryana Kalmykova, Kira Kovalenko, Tina Mastafova, Malika Musaeva, Oleg Khamokov, Gadzhimurat Efendiev. Their final qualifying works, demonstrated on the channel «Culture» in June 2016 caused great resonance. This event can

be interpreted as a valuable contribution of KBSU management, teaching staff and debutants in the support and development of Russian cinematography. The author of the article provides a general assessment of the works of a new generation of Russian filmmakers who have chosen their region, their motherland, worldview and psychological shape of the modern mountaineer as the subject of the study. The article discusses close-up art features of two most representative films – «Victory» by Anzor Dokhov and «Andryukha» by Kantemir Balagov.

Key words: cinematic art; year of movie; Alexander Sokurov; Kabardino-Balkarian State University; national cinematography; debut; neorealism; frontier; polycode text.

Среди гуманитарных отраслей киноискусство занимает важное место как одно из самых эффективных средств массовой информации, идеологического воздействия и нравственно-эстетического воспитания подрастающего поколения. На протяжении всего прошедшего столетия прогрессивные кинодеятели мира прилагали максимум творческих усилий для того, чтобы «вывести человечество из состояния несовершеннолетия» посредством экранных уроков жизни [5, с. 823]. Однако в «нулевые компьютерные» критиками все чаще отмечались негативные явления, связанные с падением интереса к кино, его коммерциализацией, спекуляцией на низменных страстях зрителя и т.д. В одной из своих работ, отмечая точку бифуркации в кинематографическом мире, отечественный философ и культуролог Вадим Руднев не без тревоги подчеркивал: «Кризис кино в конце XX в. сопоставим с общим кризисом в фундаментальной культуре, как будто застывшей в ожидании, что же будет, когда наконец наступит этот XXI век» [9, с. 134].

Весьма симптоматично, что ровно через 15 лет после наступления XXI века развитие кинематографии, создание новых качественных отечественных фильмов возведено в ранг государственной политики, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что Президент РФ Владимир Путин указом от 7 октября 2015 г. (№503) официально объявил 2016 год – годом российского кино [8]. Тематически маркированный год предполагает проведение целого цикла мероприятий, нацеленных на развитие и популяризацию отечественного киноискусства. Среди них просветительские проекты «Классика литературы в кинематографе», «Список лучших отечественных фильмов, рекомендованных для просмотра детьми школьного возраста», всевозможные кинолектории, встречи с режиссерами и актерами, кинопраздники, видеоэкскурсии, акции «Ночь кино» и др.

Думается, у каждого образовательного учреждения, населенного пункта, региона есть свои индивидуальные, исторически, социально и культурно обусловленные способы и возможности «одухотворить» современное кино. Подчеркивая просветительскую роль киноискусства, Т.В. Морозова пишет: «Включение киноискусства в систему образования – один из целесообразных путей решения принципиально важного и актуального вопроса превращения кино из стихийного фактора формирования в фактор, целенаправленно используемый в воспитании подрастающего поколения» [7, с. 101].

Представляет значительный интерес практический опыт Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова по поддержке и развитию отечественного киноискусства. Особенность этого опыта заключается в том, что по инициативе руководства КБГУ в 2010 г. один из самых титулованных режиссеров мира, лауреат многочисленных международных и российских кинофестивалей Александр Сокуров основал собственную творческую студию киноискусства в рамках вузовской специальности 07.11.01.65 «Режиссура кино и телевидения». Для Мастера, набравшего в свой класс 12 счастливчиков, было принципиально важно вырастить на кавказской земле кавказских кинорежиссеров, способных на собственном языке рассказать о своей земле, своих проблемах, «а не ждать, что придут с севера и откроют нас» [10]. По признанию декана отделения «Режиссура кино и телевидения» Э.М. Дымова, для студийцев были созданы отличные условия для профессионального развития: специалисты из Санкт-Петербурга, практика в «Ленфильме», экскурсии в Эрмитаж, музей Достоевского, Русский музей, участие в кинофестивалях самого различного уровня [3, с. 77].

Шестой «кинематографическо-журналистский этаж» университета всегда отличался особой концентрацией молодых талантов с высокой внутренней культурой и духом творческой свободы. Днем торжества национального киноискусства стала неделя в конце июня, когда творческие работы выпускников сокуровской киношколы КБГУ демонстрировались по всероссийскому каналу «Культура». Все фильмы в совокупности являют собой панорамную картину Северного Кавказа с его болевыми точками. Стилистически большинство дебютных фильмов объединяет тяготение к «неореализму», даже «гротескному неореализму», предрасположенному открывать художественные «залежи» в самой действительности. Это тот случай, когда режиссер-сценарист не столько сам сочиняет драматическую историю, сколько из жизненного, фактического материала в результате филигранной элективной работы выуживает подлинно кинематографические «жемчужины», сами по себе обладающие значительными социально-типическими свойствами. Весьма показательны в этом отношении два фильма – «Победа» Анзора Дохова и «Андрюха» Кантемира Балагова.

Это так называемые «фронтирные», пограничные фильмы, одной стороной обращенные в стихию фиксирующей документалистики, а другой – в мир тонкой материи художественных образов. На самом деле, здесь актеров нет, искусственных декораций тоже. Но «умный» объектив, выхватывая из реальности символически нагруженные детали, выстраивает царство культурных смыслов.

На чем построен фильм А. Дохова «Победа»? В центре внимания абсолютно достоверная, исторически подлинная личность – пожилая горянка, со времен разрушительной перестройки проживающая в столичном кинотеатре «Победа» в роли полу-директора, полу-сторожа, полу-уборщицы, полу-декоратора. С одной стороны, ее почти биологическое состояние (наряду с кошками, собаками, растениями) символизирует тотальный упадок духовной

культуры в условном городе. Но с другой, она воспринимается как отверженный дух самой культуры или как архетип Великой Матери – заступницы и хранительницы, которая на алтарь киноискусства поставила всю свою жизнь. Совершенно органично на этот интеллектуальный сюжет ложится ее «робинзонада» (родные с ней не общаются, почти презирают, на телефонные звонки не отвечают). Она никому не нужна, как не нужна и духовная культура обывателям, довольствующимся своим земным существованием. Общество серьезно болеет – эта мысль весьма экспрессивно передана в эпизоде, где героиня, дождавшись столь долгожданного звонка от родственницы, обеспокоенно кричит в трубку: «Ты кашляешь? Ты опять кашляешь?». Естественно, в поликодовом тексте фильма семантика «болезни» читается как в клиническо-медицинском смысле, так и в социально-культурологическом.

Настоящей авторской находкой и наилучшим эмблематическим знаком кризиса духовной культуры можно считать выхваченную крупным планом скульптурную фигуру танцора на фронтоне местного кинотеатра. «Стоп-кадр» жалостливо протянутой руки, изъеденной «злым временем» до проволочных каркасов, ассоциируется с унизительным, нищенским положением культуры. По интеллектуальной логике фильма, в прежние времена данная фигура олицетворяла триумф отечественного киноискусства, а теперь символизирует его агонизирующее состояние. В этом же ряду находятся выхваченные оператором черные патроны без лампочек в фойе кинотеатра, развалившиеся кресла в зрительном зале.

Весь фильм «Победа» пронизан горькой иронией, заданной рельефным контрастом между его «победным» заголовком и далеко не победной повседневной реальностью. Ирония поддерживается и рассказом главной героини, которая цитируя своего знакомого, признается: «Мне хорошо, скоро День Победы и я его буду отмечать в «Победе».

При всей кажущейся трагической тональности ни один из фильмов как самого А. Сокурова, так и его студийцев, не является депрессивным, поскольку в них всегда в качестве главного героя присутствует свет. Исключением не является и фильм Анзора Дохова, где героиня рассказывает о свете, увиденном ею во сне. Идею исторического оптимизма можно усмотреть и в том примечательном эпизоде, где смотрительница кинотеатра «вещает», гордо восседая на троне короля Лира. Дополнительную привлекательность фильму придает колоритное звучание кабардинского языка в устах представительницы народа, настоящего этнофора.

Испытанным приемом самопостижения человека в мировой культуре является использование образа «инопланетянина», который за счет иной оптики лучше распознает и объективирует изъяны «другого» общества. Такая методика кинематографического исследования положена в основу фильма «Андрюха» (реж. Кантемир Балагов). Главный герой являет собой региональный вариант универсального архетипа «блаженного юноши», в котором столь узнаваемы черты Простого из Простейших (роман Гриммельсгаузена «Симплициус Симплициссимус» [2]), Бенджамина Компсона (роман У. Фолкнера «Шум и ярость» [11]), Сани Ясного (роман В. Мокаева «Боборика» [6]), Топалая

(трагедия Бурхана Берберова «Крик камня» [1]) и др. Вслед за ними нальчикский «простак» проходит свой экзистенциальный квест по самому дну социального бытия, одновременно исследуя на себе степень адаптивности человека к современной урбанизированной среде и измеряя индекс человеческого милосердия.

Напоминая ангела, боящегося испачкать крылья, герой Балагова в своей белоснежной одежде ежедневно роется в клоаках столичного рынка, умудряясь при этом оставаться незапятнанным на физическом и метафизическом уровнях. Он – Гамлет своей среды и своего времени, прилагающий невероятные усилия для того, чтобы каждый день положительно отвечать на вопрос «быть или не быть». В этом его подлинный героизм. Парадоксальным образом, этот молодой человек с его врожденным психическим заболеванием у зрителя не вызывает чувство жалости. Скорее – сострадательное уважение. Подлинно жалким на его фоне выглядит физически здоровый молодой алкоголик, сам себя поставивший на несколько антропологических уровней ниже Андрея. В итоге настоящим душевнобольным и инвалидом выглядит именно он, а не Андрюха-боец, который, несмотря на ограниченные возможности, ежедневно через бесконечные «шлагбаумы» прорывается к «выездным путям».

И вновь свет (это фирменное художественное кредо сокуровцев), воплощенный на этот раз в образе светофора. Самое яркое впечатление детства Андрюхи – «светофор». «Я видел свет**А**», – говорит юноша, сообщая зрителям не только о своем ангельском происхождении, но и о главном духовном трехсветном светофоре, подсказывающем внимательному человеку время продуктивной остановки, стартовой позиции и движения вперед к высшему в самом себе.

Фильм «Андрюха» интересен своей интерактивной концовкой, исполненной глубокого символического смысла. Главный герой дарит режиссеру маркер («вдруг надо что-нибудь зачеркнуть!»). В этих словах слышится призыв к обществу произвести кардинальный пересмотр сегодняшней картины ценностей и псевдоценностей, «зачеркнуть» отжившее, деструктивное, недолжное.

Мы рассмотрели всего лишь два фильма, однако, все остальные авторы также являются своего рода «колумбами синематографа» в избранной ими северокавказской тематике. Так, картина О. Хамокова «Антигона» удивляет органическим соответствием античного сюжета и высоты человеческого духа монументальной кавказской декорации с ее горными вершинами. Гендерный аспект кавказского бытия интересно раскрыт в фильмах «Она ждет» (реж. М. Калмыкова), «Течение» (реж. Вл. Битоков), «Легкая вина» (реж. М. Мусаева), «Счастливая семья» (реж. Т. Мастафова) и др. Особо следует выделить отличную работу звукорежиссеров, которые воссоздали богатство звукового мира от испанского «канте хондо» до воркования нальчикских голубей.

В одном из своих интервью Александр Сокуров, обозначая реальный выход из сегодняшнего кризиса, предлагает «сосредоточиться на развитии культуры и все инструменты государственной власти перенастроить в эту сторону: промышленность, идеологию, бюрократию, армию». По мнению

Мастера, «пока главной задачей общества не будет культура, трагедии и всякого рода стрессы будут продолжаться» [4]. Отрадно, что современный мир обогатился целой дюжиной энергичных и вдумчивых кинорежиссеров, «сосредоточенных на развитии культуры».

Исследованный нами материал наглядно показывает достаточно высокий профессиональный уровень молодых специалистов, фактически закладывающих сегодня фундамент национальной кинематографии в республике. К счастью, дебютанты, судя по их талантливо исполненным фильмам, знают, что такое свет, и знают, куда его направлять.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берберов Б.А.* Крик камня: Повести, рассказы, пьеса. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 168 с.

2. *Гриммельсгаузен Ханс Якоб*. Симплициссимус: роман / Пер. А.А. Морозова, Э.Г. Морозовой. – Л.: «Наука», 1967. – 672 с.

3. *Дымов Э.М.* Киношкола Александра Сокурова в Нальчике // Вопросы культурологии. – 2012. – №8. – С. 77-78.

4. Кто для вас человек года? // Газета Юга. – 2015. – 17 декабря.

5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

6. *Мокаев В.А*. Боборика: роман. – Нальчик: Эльбрус, 2012. – 238 с.

7. *Морозова Т.В.* Роль киноискусства в развитии школьников // Роль искусства в развитии школьников / Под ред. Е.К. Чухман. – М.: Педагогика, 1985. – С. 86-101.

8. «О проведении в Российской Федерации Года российского кино» – Указ Президента Российской Федерации от 07.10.2015 г. № 503 // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40098 (дата обращения: 08.07.2016).

9. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: АГРАФ, 1997. – 384 с.

10. Универсальные истины Александра Сокурова. Интервью А. Сокурова газете Кабардино-Балкарская Правда // Кабардино-Балкарская Правда. – 2012. – 21 июня.

11. *Фолкнер У.* Шум и ярость: роман. – Краснодар: Соло, 1990. – 258 с.

Наши авторы

Безирова Лена Хатуевна – магистрант 1 г.о. направления «Филология» программы «Адыгская филология» ИИФиСМИ КБГУ
E-mail: bezirova07@mail.ru

Битокова Тамара Владимировна – магистрант 1 г.о. направления «История» программы «Проблемы истории и современного развития Северного Кавказа» ИИФиСМИ КБГУ
E-mail: bittoma7@gmail.com

Бозиева Наима Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и фольклора народов Северного Кавказа ИИФиСМИ КБГУ
E-mail: naimabozieva@mail.ru

Булатов Башир Булатович – д-р ист. наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой истории России XX-XXI вв. ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
E-mail: dekanif@mail.ru

Венков Андрей Вадимович – д-р ист. наук, профессор, заведующий лабораторией казачества ФГБУН Южный научный центр Российской Академии наук (ЮНЦ РАН)
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Горяев Мерген Саналович – канд. истор. наук, доцент кафедры истории России, документоведения и архивоведения Гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
E-mail: mergengoryaev@mail.ru

Гугова Марина Хабасовна – канд. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: gugowa@mail.ru

Гутов Адам Мухамедович – д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: adam.gut@mail.ru

Журтова Анжела Ариковна – канд. истор. наук, старший преподаватель кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики ИИФиСМИ КБГУ
E-mail: anzhelka28@mail.ru

Исмаилова Алмаз Мусаевна – канд. истор. наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
E-mail: almaz.ismailova@mail.ru

Кобахидзе Елена Исааковна – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»
E-mail: elena_k11@mail.ru

Кудрявцев Александр Абакарович – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: kaa0210@yandex.ru

Кузьминов Петр Абрамович – д-р истор. наук, доцент, профессор кафедры истории России ИИФиСМИ КБГУ
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Курбанов Ахмед Джабраилович – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
E-mail: ahmed2005@mail.ru

Кучукова Зухра Ахметовна – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литератур ИИФиСМИ КБГУ
E-mail: kuchuk60@list.ru

Лиджиев Александр Борлаевич – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин Факультета довузовской подготовки и обучения иностранных граждан ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
E-mail: juwali@mail.ru

Нальчикова Елена Аниуаровна – канд. истор. наук, доцент, заместитель директора Института социальной работы, сервиса и туризма КБГУ
E-mail: elenalchik@yandex.ru

Текуева Мадина Анатольевна – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии, истории народов КБР и журналистики ИИФиСМИ КБГУ
E-mail: tekuevamadina@gmail.com

Цибенко Вероника Витальевна – канд. истор. наук, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета (ЦМГИ ЮФУ)
E-mail: tsibenkovv@sfedu.ru

Цуциев Аслан Аркадьевич – канд. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, министр по вопросам национальных отношений Республики Северная Осетия-Алания
E-mail: aslanyquo@mail.ru

Кавказология

Caucasology

№ 4 / 2017

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2017